

Сакура

на краю

вулкана

Судьба играет с нами в странные игры. Одна случайная встреча в торговом центре перевернет всю жизнь с ног на голову, будь ты обычная тихая девушка или один из самых опасных людей города.

Что делать, если на тебя обращает внимание тот, кому нельзя отказать? Что делать, если ты, едва ли не впервые в жизни не хочешь, чтобы тебя боялись?

Нелегко найти ответы на личные вопросы, когда вокруг становится слишком опасно.

В удивительно тягучем вечернем воздухе витали сладко-соленые запахи моря и варенья из лепестков розы. И эти приторные ароматы, и само пространство, наполняемое вязким ощущением остановившегося времени, — всё располагало к умиротворению в его душе.

Поскольку день подходил к концу, молодой мужчина позволил себе немного расслабиться и вот так, — сидя в удобном плетеном кресле, — провести несколько спокойных минут.

— Что-то поздно бабуля Кинти взялась за варенье, — пробормотал темноволосый парень, стоящий рядом.

Он тоже вглядывался в далекие рыжие волны тихого моря. Солнечный диск стелил по воде ребристую золотую полосу, создавая красивую картину уходящего дня.

— Действительно, — кратко донеслось в ответ.

Заведение «Розарий», которое вот уже шестьдесят лет принадлежало семье Кинти, находилось неподалеку. Вообще всё в этом небольшом приморском городке находилось относительно неподалеку. И если кто-то открывал старинную книгу семейных рецептов, то каждый житель совершенно точно знал об этом. Вся магия заготовок совершалась под конец летнего сезона, от чего городок наполнился томительными и приторными ароматами медов, варений, вин и самогонов на фруктах.

Молодой мужчина скользнул взглядом по качающемуся паруснику и неспешно поднялся. Как бы он не хотел, но движения его не были такими же размеренными, подобными внутреннему состоянию, поэтому к выходу открытой террасы он направился быстрыми широкими шагами. За ним двинулась группа из трех человек, в том числе и недавний темноволосый собеседник.

От долгого сидения на пластмассовом стуле кафетерия у неё тихо болел копчик. И как бы она не меняла своего положения, боль все равно не спешила куда-либо уходить.

— Элин, ты сегодня какая-то дерганная, — удивленно сообщила курносая девушка, сидящая напротив.

— Может, пойдём уже? — тихо донеслось в ответ.

— Ну, хренушки! Не променяю божественную прохладу нашего ТЦ на эти благовония снаружи!

— Ладно, ладно...

В меру своей стеснительности Элин не смогла сказать подруге, что ей больше не хочется терпеть боль внизу спины. Она лишь вздохнула и примирительно улыбнулась. Взгляд её плавно скользнул с чужого курносого лица, без интереса облетел помещение и с удивлением остановился на соседнем стуле.

— Ринко?

— А? — отозвалась подруга, замерев с трубочкой в руке, которой лениво размешивала колу со льдом.

— А где Мики? Ты разве отпускала его куда-то?

Ринко тоже обратила внимание на пустующее место рядом с собой, но особых эмоций по этому поводу не испытала:

— Ой, да брось. Ну, куда он пропадет? Убежал, наверное, рыб в фонтане глушить.

— Думаешь?

— Сама увидишь, когда его охранник оттаскает за уши и притащит к нам. Вот я поржу! — Ринко рассмеялась так звонко, что даже лёд в прозрачном стакане звякнул.

Элин же представила, как громко станет реветь десятилетний Мики, а его непутевая сестра смешливо хамить охраннику, который непременно решит отчитать их. Неприятная во всех смыслах ситуация: будут любопытно и осуждающе смотреть посетители кафе, начнут перешептываться официанты. От таких мыслей девушка едва уловимо нахмурилась, но боль в копчике неожиданным щелчком подала замечательную идею.

— Я, все же, поищу его, — предложила Элин, поднимаясь со своего места.

— Да как хочешь, — Ринко пожала плечами и в следующее же мгновение отвлеклась на симпатичное лицо белокурого баристы, который раздавал свои улыбки всем особам женского пола без исключения.

Элин благополучно прослушала слова подруги, потому что настало долгожданное облегчение: ноющая тупая боль плавно покинула нижнюю часть спины, чему девушка несказанно обрадовалась.

Оставив бежевые стены кафетерия, она медленно направилась к фонтану, который находился на первом этаже торгового центра. Её никто не заставлял разыскивать Мики, она даже не хотела разговаривать с этим несносным ребенком, но возвращаться одной и лгать Ринко не хотелось ещё больше.

Стараясь не скользить белыми балетками по блестящему напольному покрытию, девушка медленно прогуливалась вдоль прозрачных витрин с разнообразными товарами. Вокруг было не так много людей, и от этого Элин чувствовала себя менее скованной. Она немного застенчиво рассматривала своё отражение в больших стеклах, и ещё скромнее улыбалась ему.

Спустя несколько минут девушка подошла к низкому бортику прямоугольного фонтана. В чистой, полнившейся пузырьками струй воде плавали маленькие золотые рыбки, а за ними зорко наблюдал пухлый рыжий мальчишка.

— Мики! — позвала его Элин, но имя прозвучало не так отчетливо из-за раздавшегося «бульк».

— Чума! Лина, зацени, как эти плавниковые от бутылки шарахаются! — восторженно закричал маленький вредитель, едва заметив знакомое лицо.

— Ты что делаешь! — испуганно воскликнуло это знакомое лицо и очень пожалело, что решило сюда прийти. — Прекрати сейчас же, Мик!

Девушка сделала шаг навстречу, но мальчишка почувствовал, что сейчас ему попадет, и решил поступить самым верным способом.

— Лина-дурында! — завизжал Мики и промчался мимо с выражением сумасшедшего веселья на усыпанном веснушками лице.

— Куда..., - с тихим непониманием вымолвила девушка. — Стой!

Он быстро вышел из тесного лифта в просторный холл торгового центра и тем же стремительным шагом направился к выходу. Широкоплечие тени следовали за ним безмолвно, внушительно. Немногочисленные посетители оглядывались на эту процессию, но особого интереса или удивления во взглядах было не найти. И в этой обыденной обстановке, наполненной гулом людских голосов и тихой мелодией динамиков, неожиданно разнесся

детский вопль:

— АААААА!!!

Молодому мужчине пришлось резко замереть от того, что в его правую ногу врезалось нечто небольшое, но очень шустрое. И это нечто ему едва удалось схватить за ворот светло-желтой футболки.

— Босс, — негромко донеслось сзади.

Он поднял ладонь в останавливающем жесте, от чего напряжение во взглядах и позах стоящих за его спиной людей стало меньше.

— Эй! — возмутился рыжеволосый мальчишка, которому хотелось продолжить свой задорный марафон.

Но после нескольких неудачных попыток выкрутиться маленький невежа притих, осознав, что его держат поистине каменной хваткой. Теперь он решил изучить обладателя таких сильных рук и, подняв голову вверх, моментально застыл от испуга.

Взгляд мальчика встретился с внимательными бледно-голубыми глазами молодого мужчины. Последний рассматривал Мики, словно дикого зверька, и, откровенно говоря, не понимал, что ему делать дальше. Отчитать? Но он и без того напугал мальчишку до дрожи в коленях. Тогда встряхнуть и отпустить? Опять-таки, легко переборщить.

— Простите, пожалуйста, — очень тихо произнес кто-то рядом.

Мужчина с легким удивлением отметил, что чужой голос прозвучал очень приятно, даже мягко. Но поворачивал он суровое лицо без каких-либо лишних эмоций. Справа оказалась девушка.

— Извините, пожалуйста, прошу вас. Он...он не хотел, совсем мальчишка. Простите, — ещё тише пролепетала она, явно стараясь смотреть в белую рубашку собеседника, но никак не встречаться с его грозным взглядом.

Это сублильное создание казалось таким маленьким по сравнению с ним. Мужчина снова внутренне удивился. Она была совсем худой, с очень тонкими плавными изгибами шеи и рук. Легкое нежно-розовое платье делало её какой-то эфемерной, почти неосязаемой. Быстро брошенный взгляд со стороны девушки позволил его обостренному вниманию уловить необычно яркую зелень испуганных, метущихся глаз.

— Вы уж присматривайте за своим мальчуганом! — неожиданно вмешался в разговор улыбающийся парень. Он выплыл из-за спины молодого мужчины в тот самый момент, когда обстановку нужно было разрядить быстро и безболезненно. — Босс, отпустим его?

Босс только кивнул и разжал пальцы. Он взглядом проследил за тем, как мальчишка безмолвно метнулся за спину своей спасительницы, хотя эта спасительница выглядела не храбрее спасенного.

— Спасибо, — прошептала худая девушка, слегка улыбнувшись предприимчивому темноволосому парню.

Буквально через несколько мгновений посетители вместе с перепуганными Элин и Мики изумленно смотрели вслед удаляющейся группе из четырёх человек.

— Лучше об этом родителям не говорить, влетит, — с облегчением выдохнула девушка.

— Угу.

Испуг уже прошел и уступил место мальчишескому хвастовству: про то, что он чуть не снес с ног одного из глав местной мафии, обязательно узнают друзья. Пусть завидуют такому столкновению!

Девушка посмотрела на Мики с недовольством, но промолчала. Знал бы он, как внутри

все сжалось от страха, когда она увидела, кто держит мальчика за воротник. Нужно было что-то срочно сделать, чтобы этого сорванца просто напросто не прибили! Поэтому, пересилив собственный страх, Элин собрала все капли смелости и, как могла, заступилась за ребенка. Пусть он очень вредный маленький засранец и не совсем понимает, что в таких ситуациях не шутят, но понимает это она. И знает о реальной опасности, исходящей от подобных личностей.

Эти люди назывались в их местах семьей Моор и, согласно истории, создали из захудалой портовой деревушки небольшой, но весьма процветающий город. Власть семьи распространялась на все, до чего могла дотянуться, вплоть до верхов местного самоуправления. И, возможно, именно из-за этой власти в городе до минимума сводился показатель любого вида преступности, кроме очень крупного. Ходили слухи, что контрабанда наркотиков, оружия и фальшивых денег все же имеет место, но кому до этого было дело?

Город крепко стоял на ногах, город был благодарен.

Главных членов семьи Моор боялись и уважали не только из-за положения, но и из-за внушительной внешности. Взять хотя бы того, с кем столкнулся Мики.

Тадеуш Моор был младшим сыном папы Адальбо. И Тадеуш Моор представлял собою нечто мощное, иначе не сказать. Молодой мужчина, которому вскоре должно было исполниться тридцать лет, уже заслужил себе славу грозного и взрывного человека, характер которого сравнивали с действующим вулканом. Почти двухметровым ростом и широким мускулистым торсом Тадеуш с легкостью заставлял любого испытывать страх, даже невольное уважение к своей персоне. Он считался не особо эмоциональным парнем, совершенно не понимающим шуток. Но если кому-то удавалось ему чем-то не угодить, а, хуже того, разозлить, то тот несчастный мог прощаться с жизнью. В крайней степени гнева младший Моор был страшнее своего отца. Так говорили люди.

И именно в такую личность, чьи грубые в своей прямоте черты лица могли выражать лишь гнев, угораздило врезаться Микки.

Пожалуй, о странной встрече в городке будут болтать ещё неделю. И это Элин понимала со всей неприятностью осознания, на которое была способна её скромная душа. Девушка и представить себе не могла, что ей будет настолько страшно. Окажись она чуть повыше, чем метр шестьдесят четыре, то и колени бы тряслись не так сильно, думалось ей. А в голове всё всплывало его неприятно надменный взгляд сверху вниз.

В комнате его матери было очень светло. Солнечные лучи разливали золотое тепло щедрыми потоками по полу и стенам, и столько мягкой и удобной мебели, окутанной бежевой тканью, не нашлось бы ни в одном помещении их большого дома.

— Милый, мне нужно кое-что купить в городе, — мягко произнесла невысокая женщина.

Её волосы, оттенком похожие на темный пепел, слегка серебрила седина. Но весь внешний вид возраст охватили не так сильно, как мог бы в пятьдесят с лишним лет.

— Хорошо, я скажу отцу, что нужно выделить людей, — отозвался молодой человек, который стоял у одного из трех огромных окон.

— Нет, нет! Не проси отца. Он так занят последнее время, не будем его отвлекать, — её теплая улыбка разгладила тонкие морщины на загорелой коже губ, но увеличила их у уголков бледных глаз.

— Тогда тебя будут сопровождать мои ребята.

— Что ж, пусть так.

На самом деле женщине хотелось, чтобы эту небольшую прогулку разнообразило присутствие её младшего сына. Однако сын уже давно перерос то время, когда так любил гулять с матерью по красивым улицам их городка.

— Спасибо, Тадеуш.

Его взгляд мгновенно потеплел. Этим ласковым именем, так нежно, могла называть мужчину только мать. Он оглядел её длинное легкое платье в пол, затем скользнул взглядом по родному лицу и неожиданно замер. Позади женщины мелькнуло нечто бледно-розовое, и Тадеуш решил внимательнее разглядеть это.

— Новая?

Мать обернулась, чтобы понять, о чем идет речь. На стене висело изображение тонкой в своей изящности сакуры на бежевом фоне. Белоснежные, слабо отдающие очень светлыми розовыми оттенками цветы в изобилии украшали крону дерева. Они, казалось, ломили его хрупкие ветви своей тяжестью — так их было много.

— Красиво, не правда ли? Это работа одной известной художницы, она родом из наших мест. Мне так понравились акварельные штрихи, и ещё эта легкая нежность в стройности дерева. Твой папа без раздумий купил картину, ты же знаешь его.

Конечно, Тадеуш знал, ведь отец всегда исполнял желания матери, хотя эти желания возникали у неё крайне редко.

Молодого мужчину работа известной художницы поразила далеко не спектром цветов одной тональности или талантливой техникой исполнения. Нет. Эта сакура ненавязчиво воскресила в памяти одно недавнее событие.

До самого вечера его не покидало зачаровывающее, невозможно легкое виденье. И лиственная зелень больших блестящих глаз. Чем бы Тадеуш не занимался, какие бы вопросы не решал, но образ девушки, встреченной им в торговом центре, преследовал его постоянно. К концу дня, когда даже подчиненные начали замечать некоторую рассеянность в его взгляде, мужчина сдался.

— Эзра.

— Да, босс, — откликнулся улыбочивый парень.

Во время разговора они возвращались с семейного собрания по сумеречным аллеям большого яблоневого сада. В воздухе стоял терпкий аромат спелых плодов.

— Девушка в торговом центре. Позавчера мы столкнулись.

— А! Это та милая леди, что решила выручить наглого мальчишку? — выслушав привычно краткие реплики босса, решил поинтересоваться Эзра.

— Да. Собери мне информацию о ней.

Как парень ни старался услышать что-то иное, но в ровном голосе собеседника не было ничего, кроме утвердительности. Как всегда.

— Дайте мне час.

Тадеуш нелегко сходил с людьми. В первую очередь из-за обманчиво-спокойного, а на деле взрывного характера. Он не терпел расхлябанности, неисполнительности, и искренне считал, что должен контролировать всё, что находится в его непосредственном владении.

Именно поэтому Эзра был его незаменимым помощником, почти другом. Он лучше иных знал, что стоит, а чего не стоит делать, чтобы лишний раз не будить вулкан. Ловкий и изворотливый парень, обтекаемый, точно рыба в воде, заслужил доверие тем, что всегда выполнял все в точности так, как от него требовалось. Или как того он сам обещал.

Даже раньше, чем через час, Эзра появился перед Тадеушем с черной пластиковой папкой в руках. Молодой мужчина, расположившись на низеньком темно-синем диване, посмотрел на своего подчиненного снизу вверх.

— Все, что есть, босс, — одними глазами улыбнулся парень. — Зачитывать?

— Нет, клади на стол и проваливай.

Младший Моор от природы был противником всякой бумажной волокиты, потому Эзра удивился такому приказу. Но в любом случае парню было только на руку то, что он освободился раньше, чем планировал. Теперь точно можно отправиться в полночный город и заняться более интересными делами.

Вместе с бесшумно закрывшейся дверью ушло из кабинета и ненужное присутствие другого человека. В тишине, нарушаемой только совиным уханьем и пением цикад в саду, мужчина открыл папку. С легким ночным ветром в окно влетела теплая волна и немного пошевелила белые страницы. Тадеуш вчитался в печатные строки.

«Адалина Бигейл».

У неё было красивое имя, но совершенно непохожая фотография.

Кроме информации об её поле, возрасте, весе, цвете глаз и тому подобному, он пропустил строки о болезнях, но задержался на объеме груди, талии и бедер. Затем следовало небольшое сообщение о том, в какой детский сад она ходила, в какой школе училась, где учится и работает сейчас. С некой странной придирчивостью Эзра приложил и выписку обо всех её отметках. Девушка была круглой отличницей.

Адалина оказалась старше, чем ему думалось. Это невысокое слабое на вид создание в возрасте двадцати двух лет выглядело на все восемнадцать. Она училась в университете верхнего города, там же и жила, снимая квартиру с подругой и однокурсницей по совместительству. Подрабатывала девушка в местной «Мастерской».

Тадеуш вспомнил средних размеров здание, где был не только магазин художественных

принадлежностей, но и небольшая школа рисования, несомненно, популярная в городе. Это все принадлежало семье Бигейл.

Родственники девушки оказались, в большинстве своем, творческими людьми. Отец — известный художник и не только в пределах их города, человек, который унаследовал здание «Мастерской» и решил открыть в нём школу. Мать — в прошлом организатор детских праздников. Старшая из трёх сестёр — Литиция — переняла талант отца, прославилась на всю страну своими картинами. Средней была Адалина. И она не имела никаких особых талантов, кроме, пожалуй, танцевальных. Ну, а младшая — Джилин — проклятье семьи. Из-за её поведения у них часто возникали проблемы. Отчеты из полицейского участка о скандальных выходках прилагались. Также, она не столь давно была выписана из наркологической клиники в Пакушо. Впрочем, как решил Тадеуш, в семье не без черной чайки.

Дочитав страницу, мужчина медленно перевел взгляд на противоположную стену. Глаза немного саднило из-за тусклого и неровного света лампы, поэтому он несколько раз быстро моргнул.

Его впечатление оставляло желать лучшего, так как никакого впечатления, собственно, не было. Обыкновенная хорошая девушка из типичной для этого городка семьи, больше ничего и не скажешь. Только мыслей о смущенной улыбке, адресованной не ему, меньше не стало.

Неделю спустя жестокое полуденное солнце все также обжигало кожу жителей приморского городка. На улицах тягучими бесцветными облаками расплывались запахи виноградного самогона, варению которого настал тот самый момент. И только в нынешнее воскресенье горожане, наконец, смогли вдохнуть более свежего воздуха, принесенного легкими морскими ветрами. Насыщенно-сладкие ароматы алкоголя (у многих семей была своя секретная формула), к счастью, почти покинули город.

— Ты не представляешь, как меня достали эти вонючие семейные рецепты! Что за дебильская традиция — на все лето устраивать из города кухню? Хоть бы свалить куда-нибудь, так нет же, сиди тут, варись в этой кастрюле вместе со всеми! — Ринко, с лицом, которое каждой чертой своей отражало крайнюю степень недовольства, стояла напротив подруги и сетовала на жизнь.

— Но сегодня уже почти ничем не пахнет, — ответила ей Элин и, словно в подтверждение своих слов, медленно втянула воздух носом.

— Зато завтра начнет! Неделя сладостей на меду, забыла?

Ринко в нетерпении мотнула головой, от чего ярко-рыжие кудри тут же подпрыгнули. Она стояла, уперев руки в бока, и вела пристальное наблюдение за жизнью городской площади. Но это никоим образом не мешало ей выдавать свои ежегодные жалобы.

— Люблю сладости, — улыбнулась Элин и окунула руку в прохладную воду фонтана.

Она сидела на его невысоком бортике и наслаждалась тенью, которую дарили четыре огромные скульптуры в центре. Композиция была незатейливой, но на интересную мифологическую тему. В основе её стояли четыре женщины-богини из мрамора персикового цвета. Они расположились кругом, спинами друг к другу, и над своими головами держали огромное деревянное колесо. Из колеса и лились потоки прохладной воды, а мраморные женщины омывались этой влагой, словно подаренной им за терпеливое смирение в удерживании нелегкой ноши.

Всех их связывал один общий миф о сотворении мира: существо — есть огромное Мировое Колесо, которое включает в себя другие, поменьше. Элин любила, более того, знала мифологию, поэтому каждая из красивых статуй для неё была особенной, отличной от остальных.

Кто теперь верил в такие удивительные истории? Вселенная бесконечна, система их солнечная, а планета Земля, вроде как, эллиптическая. Всё гораздо проще, чем сложные имена и многочисленные функции красивых стройных богинь.

— Ты сумасшедшая, — Ринко и вдруг замерла. — Иииии!

Девушка взвизгнула так громко, как только позволяли её легкие, и это не осталось без внимания. К своему сожалению Адалина заметила, что люди на площади стали оборачиваться на источник шума, и от этого она почувствовала себя крайне неудобно. Смутившись, девушка принялась настойчиво разглядывать круглые мыски своих туфель.

— Ты сдурел, Саймон! Зачем щипаться?! — Ринко обращалась к симпатичному высокому парню, который неожиданно возник за её спиной.

— Привет, Саймон, — Элин легонько помахала рукой.

— Привет, привет.

— Гад! — обиженно надула щеки рыжеволосая девушка.

Без мольбы о прощении её нельзя было бы успокоить до самого вечера. Но Элин это волновало меньше всего, поэтому она безразлично оглядела парочку, которая сейчас начала шутливо выяснять отношения, и тяжело вздохнула. Мысли вернулись к смущающим обстоятельствам их шумного поведения, но на троих друзей уже почти никто не обращал внимания.

Каждый день он вместе с Эзрой обедал на открытой террасе, скрываемой тенью широкого тента. Дорогой семейный ресторан находился на крыше трехэтажного торгового центра, и именно отсюда открывался великолепный вид на голубеющую даль моря.

Тадеуш имел обыкновение не разглядывать знакомые с детства просторы, менее всего его интересовало то, что происходило внизу, на площади перед торговым центром. Но сегодня он изменил своей привычке, потому что внимание привлек резкий и громкий женский визг.

Его губы вытянулись в недовольную линию. Вилка тихо угрожающе звякнула, когда её медленно опустили на полупустую тарелку. Он быстро нашел взглядом источник неприятного звука и неожиданно ощутил, что где-то глубоко внутри нечто дернулось, чтобы распрямиться тугой струной. На бортике фонтана сидела худая светловолосая девушка, образ которой мимолетно переплетался с его мыслями уже неделю.

Краски в этих видениях, потускневшие и стершиеся из-за плохого воображения, теперь воплотились в яркую жизнь и обрели материальную оболочку. Эта оболочка была окутана желто-зеленым сарафаном и задумчиво улыбалась своему отражению в прозрачной глади фонтана. Тадеуш несознательно задержал дыхание, наблюдая за тем, как девушка аккуратно опускает тонкие руки в прохладную воду. Удивительно, сколько нежных и плавных линий было в её силуэте, даже при такой худобе, которая предполагала бо льшую угловатость черт.

И с этого расстояния при своем идеальном зрении молодой мужчина смог рассмотреть её гораздо лучше, чем в прошлый раз. Адалина по телосложению была маленькой для своих лет, хотя фигура все же походила на фигуру взрослой девушки, а не девчонки-подростка. И ещё Тадеуш обратил внимание на волосы. Волнистые пряди она собрала в высокий хвост, но они все равно выглядели очень длинными и почти белыми. Откуда эти бледно-розовые полосы, которые не свойственны обычному цвету волос?

Она, словно почувствовав, что её голове кто-то уделяет особое внимание, ловким движением пальцев подтянула резинку и поправила свой хвост. Ему показалось, что девушку совсем не волнуют мокрые руки и капли влаги, что темнеющими пятнами остались на сарафане. И, вероятнее всего, на щеках. Мужчина только предположил это, поскольку не мог точно увидеть, хотя был бы совсем не против убедиться в своей догадке.

Тадеуш невесело усмехнулся, от чего его подчиненные, внимательно наблюдающие за поведением босса, напряглись. Эти люди проводили с ним большую часть дня и знали его не первый год. Поэтому то, что происходило уже целую неделю, не могло остаться незамеченным.

Собственно, ничего необычного босс не предпринимал. Все было как всегда: дела семьи, поручения, его занятость в переговорах, в поездках и в разрешении различного рода вопросов. За исключением того факта, что Тадеуш находился в состоянии спокойной и отрешенной задумчивости. За прошедшие шесть дней он ни разу не сломал чью-нибудь руку

или ногу, не повысил голос и никого не выбросил в окно своего кабинета (второй этаж). Хотя будни выдались трудными, беспокойными, подчиненные младшего Моора то и дело вели себя как последние идиоты, но его это как будто не волновало.

— Послушай, Раф, ты заметил, что с боссом что-то не то? — шепотом поинтересовался плотный лысый парень лет двадцати пяти у своего напарника.

— Точно, ты прав, совсем не то! — согласился тот и с беспокойством взглянул на Тадеуша. — Может, заболел?

— Ты debil, Раф! Босса ни черта не берет, хрена ли он заболел? Не бывает такого! Тут в другом дело.

— Да в чем? — пропустив оскорбление, спросил Раф.

— Короче, я видел у него на столе фотку девчонки.

— Девчонки?!

— Да не ори, кретин! — пробурчал бритый наголо парень и приложился большим кулаком о плечо тощего напарника.

— Эй, — отозвался тот, потирая ушибленную часть тела.

— Он на неё пялится сейчас. Точно тебе говорю, это та самая!

— Та дохлая, что ли? — Раф перевел взгляд с напарника на фонтан, чтобы отыскать светловолосую девушку. — Так она ж совсем мелкая. Дойл, ему другие нравятся, фигуристые такие.

Парень даже показал руками силуэт предположительно очень «фигуристой» девушки.

— Ну, нравятся, и чё? Ты не догоняешь, идиот.

— А чё он к ней не подъедет?

— Твой дебилизм меня достал, Раф. Ты соображать будешь или мне всё самому делать? — Дойл недовольно сузил маленькие темно-карие глаза. — Я знаю, как вернуть нашего прежнего босса!

— Может не надо, а? Я только две недели назад гипс стянул.

— Заткнись! Прикинь, как он нас отблагодарит, если мы сделаем то, что я задумал.

— Точно?

— Не ссы ты, Раф! В почете будем!

— Ну, если ты говоришь...

— Заметано!

Он возвращался в свой кабинет с осознанием того, что очередная рабочая неделя подходила к концу. Слишком много бумажной волокиты свалилось сегодня на его широкие плечи, а все потому, что Эрза уехал в другой город. Именно темноволосый парень всегда возился с отчетами и цифрами, так как Тадеуш ненавидел любую монотонную работу. Из-за неё он сейчас выглядел угрюмым и обозленным, а на лицо его легла особо мрачная тень.

— Босс! — у самых дверей оказался круглоголовый Дойл, один из крайне безмозглых, но неизменно преданных подчиненных.

Тадеуш отмерил ему свой неприязненный взгляд, молчанием выражая готовность выслушать парня быстро и четко.

— Босс, мы хотели вам сделать сюрприз! — Дойл расплылся в широкой улыбке. За его спиной возник Раф, тощий, светловолосый и не менее глупый напарник.

— Терпеть этого не могу, — отмахнулся от двух идиотов Тадеуш и распахнул дверь в кабинет. Увиденное оказалось ошеломляющим настолько, что мужчина забыл об умении говорить.

— Здравствуйте, — тихо пролепетал тот самый «сюрприз», вставая с его любимого дивана.

Сначала он решил, что ему привиделось, поэтому несколько раз моргнул. Затем он подумал, что слух его тоже подводит, но сзади кто-то хрюкнул, попытавшись сдержать довольный смех. В голове промелькнула череда мыслей, и все встало на свои места.

— Дойл. Раф, — тон его голоса мгновенно стал четче, насыщенней.

— Босс, мы подумали...

— Подумали? — ещё громче прорычал Тадеуш.

Он резко повернул голову в их сторону. Нерадивые напарники увидели в глазах босса знакомый закипающий гнев и поняли, что они сделали что-то такое, чего делать не следовало.

— Вы, недоумки, подумали?

— Да, — на свою беду отозвался Раф.

Дверная ручка, которую молодой мужчина всё ещё крепко сжимал в руке, громко хрустнула. Сейчас их высокий босс казался парням ещё выше и мощнее, чем обычно. Правдивость пословицы «у страха глаза велики» подтверждалась на деле.

— Простите.

Она не очень-то понимала, почему трое мужчин остановились в дверном проёме и ведут какой-то неразборчивый диалог. На самом деле, понимать не особо и хотелось, а единственное, чего действительно хотелось, так это отправиться домой. Поужинать, в конце концов.

Вообще, ситуация была странная изначально. Выходя из ворот университета вместе с подругой, Элин и не думала, что на её пути возникнут два парня бандитской наружности. Витиевато изъясняясь на смеси молодежного сленга и криминального жаргона, они сообщили девушке, что их босс желает с ней встретиться. В черный, с виду дорогой автомобиль, куда её пригласили сесть, девушка не залезла бы ни за что. Но дело было в том, что «боссом» могли назвать только кого-то из глав семьи Моор, а отказывать этим людям

считалось опасным предприятием. Впавшая в ступор Ринко, которая наблюдала эту сцену, уже готова была с кулаками броситься на бандитов, однако сама Элин не хотела поднимать ещё больше шума из-за всей этой ситуации. Её фигура и без того привлекла внимание многих студентов, тоже спешивших покинуть стены учебного заведения. С неожиданной решимостью девушка попросила подругу не поднимать панику и, лучше всего, пока ничего никому не сообщать. А сама с взволнованным видом села на заднее сиденье матово-черного автомобиля, который и доставил её в поместье семьи Моор.

Когда её привели в огромную комнату с высокими потолками и большой деревянной мебелью, Элин в нерешительности застыла у двери. Под ногами расстилался белый ковер без узоров, а чуть левее стоял единственный в своём нормальном размере синий диван. Девушка ждала около двадцати минут и не меняла места положения, но все чаще поглядывала на низенький мягкий прямоугольник.

В голове ещё роились пугающие вопросы, но время сглаживало чувство страха. Вскоре Элин надоело стоять, и она, прислушиваясь к звукам за дверью, неуверенным шагом направилась к дивану. Девушка пристроилась на самом краешке шершавой обивки, выпрямилась, положила руки на колени и продолжила терпеливо ждать. Чтобы развлечь себя, она внимательно начала разглядывать интерьер помещения, которое, наверное, было чьим-то кабинетом. Хозяин, видимо, любил, когда вокруг него располагались большие, но немногочисленные предметы. Огромный книжный шкаф из темного дерева занимал почти всю противоположную стену, два громоздких темно-кремовых кресла стояли рядом, а у большого окна расположился массивный стол с поверхностью из бурого стекла. Странное сочетание уютных деревянных и острых новомодных линий в обстановке удивили девушку. Наконец за дверью послышались голоса.

Прежде, чем вошел хозяин кабинета, девушка решила, что нужно будет поздороваться. Так и получилось, но ответного приветствия она не услышала. Более того, ей пришлось снова удивиться, когда в дверном проеме возник Тадеуш Моор. Вид у него был, мягко говоря, грозный.

— Простите, — повторила чуть громче Адалина.

Теперь три пары глаз были обращены на неё, будто ждали продолжения. Но продолжил сам Тадеуш, так как решил взять ситуацию в свои руки, тем более, он не знал, чем грозили девушке нерадивые подчиненные.

— Черт! Вы, оба! Пошли вон с глаз моих! — резко выкрикнул мужчина, захлопывая за собой дверь в кабинет.

Прогромыхало так, что Элин дернула плечами от испуга.

— А ты... — Тадеуш сделал паузу и постарался понять, как действовать дальше.

Светловолосая девушка, чудом оказавшаяся в его кабинете, выглядела сейчас совсем перепуганной. И чтобы не стало ещё хуже, ему следовало затушить своё разгорающееся раздражение как можно быстрее. Тадеуш глубоко вдохнул и тут же выдохнул.

— Они...ваши люди сказали, что вы хотели меня видеть, — скороговоркой вымолвила Элин и взглянула на мужчину.

— Идиоты.

Она не двигалась, стоя у дивана и медленно понимая, что делать с ней ничего не собираются. Собеседник неожиданно показался ей очень уставшим и не менее удивленным. Он совершенно точно не ожидал её здесь увидеть.

— Они угрожали тебе? — спросил этот высокий человек, подходя к стеклянному столу.

— Нет.

Элин осторожно следила за его четкими движениями, когда он нахмурил темные брови и взял в руку телефон, чтобы найти в списке контактов нужный номер.

В интерьере этого огромного кабинета Тадеуш вписывался как нельзя кстати. Девушке подумалось, что потолки её квартиры оказались бы препятствием для головы мужчины, потому что темный пепел его волос, коротко стриженных и ежом торчащих в разные стороны, был бы в побелке. Элин даже улыбнулась уголками губ, понимая, что теперь ощущений неловкости и страха стало чуть меньше.

— Мой водитель вернет тебя домой, не беспокойся, — произнес Тадеуш, собираясь нажать кнопку вызова, но его внезапно остановило негромкое урчание.

— Простите, — покраснела Адалина и быстро прижала ладонь к животу, с ужасным стыдом опустив глаза в пол.

— Ты голодна? Ну, конечно. Кретины, — с раздражением отозвался молодой мужчина.

Он задумчиво окинул взглядом худую фигуру и резко развернулся к двери.

— Пошли.

Элин поспешила следом, потому что мужчина уже успел покинуть пределы комнаты, преодолевая расстояние своими широкими шагами.

Тадеуш никак не мог предположить, что свой вечер проведет в компании светловолосой девушки, которая будет совсем не против с ним поужинать. Впрочем, ей никто не предоставил возможности отказаться.

Ринко подскочила со стула, как только услышала щелчок дверного замка.

— Элин! — испуганно воскликнула подруга и крепко вцепилась в вошедшую обеими руками. — Где ты была? Что с тобой делали? Что они с тобой делали, Элин!

— Ты чего? — удивилась Адалина, когда услышала столько беспокойства в чужом голосе.

Взгляд рыжеволосой девушки метался в желании осмотреть каждую черту в облике подруги. В нем, впрочем, не было ничего необычного.

— Они тебе угрожали?

— Что же это за вопрос такой! — произнесла Элин, крепко обнимая Ринко в ответ.

— Тебя принуждали к чему-нибудь?

— Нет!

— Но кто хотел тебя видеть?

— Тадеуш Моор, — прозвучал тихий ответ, — но он не совсем...

— Кто?! Что он с тобой делал? — казалось, что это имя взволновало её подругу ещё больше, чем вся ситуация в целом.

— Ничего, Рин. Меня накормили вкусным ужином, — Элин только сейчас начала понимать, насколько она устала, а эти бесконечные расспросы и волнения забирали у неё последние силы.

— Тебя что, сам Тадеуш Моор пригласил на ужин? — теперь смесь удивления и неверия отразилась на лице обеспокоенной подруги. — Правда?

— Нет, нет! На самом деле эти парни что-то перепутали. Он не ожидал меня увидеть в своем кабинете.

— Кабинете... охренеть. Но вы с ним ужинали!

— Мой живот предал меня! — снова улыбнулась Элин. — Не беспокойся, все в порядке, я цела и даже сыта.

— Ещё скажи, он тебя до дома сопровождал!

— Меня довез его водитель.

— Охренеть...

Удивлению Ринко не было конца и края, чему Адалина не обрадовалась, так как усталость навалилась на её плечи, словно то Мировое Колесо в руках четырех богинь. Подругу продолжило интересовать все до мельчайших подробностей, а девушке почти нечего было рассказывать.

Всего лишь тихий ужин на большой, безлюдной, вычищенной до блеска кухне. Она сидела на высоком стуле и аккуратно, с некой толикой осторожности поглощала свой ужин. Мужчина, расположившийся чуть поодаль, пил из многогранного стакана алкоголь. Девушке он не стал предлагать крепкий напиток. И разговор у них вышел какой-то странный.

— Наверное, они вас неправильно поняли, — негромко произнесла Элин, обращаясь к мужчине.

— Снова заступаешься.

Ей показалось, что в этой фразе было что-то насмешливое.

— А вы...

— Ты знаешь моё имя?

— Да.

— Вот и заменяй «вы» на него.

Девушка застыла с вилкой, поднесенной ко рту. В тонких чертах её лица скользнуло непонимание, а затем Тадеуш заметил удивленный зеленый взгляд. Тогда Элин подумала, что он чувствует себя гораздо старше, когда она «выкает». Сам же собеседник так не считал, но ничего пояснять, конечно же, не собирался.

После её посадили в такую же матово-черную машину и в мгновение ока доставили к порогу квартиры. Неожиданные события, которые разнообразили вечер этого будничного дня, сохранили неприятный осадок в душе Адалины.

Всю ночь и весь следующий день Дойл и Раф старались держаться от Тадеуша как можно дальше. Но кара снизошла на их пустые головы с небес пониже.

— Если вы, два кретина, думаете, что босс забыл о вашей выходке, то я спешу вас огорчить! Лично набью ваши морды! — злобно орал Эзра на провинившихся парней. — Какими же дебилами надо быть, чтобы притащить сюда эту девчонку!

Он негодовал не столько из-за происшествия, сколько из-за того, что в момент случившегося сам не оказался поблизости.

— Мы хотели порадовать босса! — возразил в ответ Дойл, но тут же сник под разъяренным взглядом Эзры.

— Благодетели, мать вашу!

Его редко можно было увидеть с нахмуренными бровями и вытянутыми в тонкую недовольную линию губами. Но, если парня доводили до крайней отметки раздражения, «раздать по заслугам» он мог не хуже босса.

Дойл и Раф действительно выкинули тот ещё «финт», за который, естественно, им стоило оторвать головы. Однако Эзра не мог закрыть глаза на то, что их благородный порыв достиг цели: босса они точно порадовали. Возможно, сначала он сильно разозлился, ну, а после...

Когда Эзра вернулся домой и ему доложили о случившемся, он уже выстроил в голове несколько линий поведения для того, чтобы вывести Тадеуша из ипостаси пробудившегося вулкана. Но нырнув в кабинет босса, Эзра, к своему удивлению, обнаружил того в прекрасном расположении духа.

— Ты вернулся, — произнес Тадеуш, лишь на мгновение оторвав взгляд от каких-то бумаг.

— И вам добрый день, босс, — осторожно начала парень. — Как там дела с моими отчетами?

— Отец тебя прибьет, потому что я ими прикуривал.

— Вы же не курите! — удивился Эзра ещё больше.

Мало того, что Тадеуш был спокоен, как большая черепаха, так ещё и изрекал подобия шуток, чего за ним редко кто замечал.

— Не беспокойся ты так, — ответил мужчина и ухмыльнулся, приподняв правый уголок рта. — Я разобрался с этими бумагами.

— Спасибо.

— Жоан снова заломил цену?

— Ну, как без этого! Старый козел, сидит в своем Пакушо, как крыса на куче мусора. Я ему сразу сказал, что со мной лучше не торговаться.

— Это точно.

— Ээээ, босс, — Эзра решил задать интересующий его вопрос, но все ещё не верил в то, что Тадеуш отреагирует адекватно.

— Да?

— Я слышал, что у нас были гости.

— Ну, — кивнул Тадеуш и откинулся на спинку стула.

Ткань его светлой хлопковой рубашки натянулась, огибая широкую грудь. Молодой мужчина неожиданно нахмурился.

— Как раз об этом и хотел поговорить. Я не нашел в отчете на Адалину Бигейл информации о цветах.

— Каких цветах?

— Эзра, выключи идиота. Её любимых цветах, — с раздраженным нетерпением произнес Тадеуш.

— Я что-то не... — пробормотал парень, но тут же собрал мысли воедино, — а! Аааа! Босс, так это ведь архивная информация, внутренней слежки за объектом не было!

— Эзра, мне плевать. Узнай об этих чертовых цветах и пошли их ей! — в том же тоне отозвался босс и посчитал нужным добавить: — наши дураки наделали неприятностей, так что, думаю, надо сгладить это.

— Конечно! — заулыбался собеседник. — Без проблем, через пару часов всё сделаю. Потом доложить?

— Да. А теперь проваливай, у меня дел до хрена!

— Как скажете, босс.

Эзра покинул кабинет Тадеуша с настоящей бурей в голове. То, что заметили Раф и Дойл, и то, что они сделали, должен был заметить и сделать он. Тем более, ему бы удалось это обставить гораздо лучше! Кто бы мог подумать, что Тадеушу действительно понравится подобная девушка. Ещё эти цветы. Эзра и вспомнить не мог, когда босс посылал какой-нибудь девушке цветы. Хотя откуда у него нормальные девушки? Местным дорогим проституткам полагались деньги. Тем малочисленным дамам, что имели честь называться пассией младшего Моора, обычно дарились недешевые украшения, машины, телефоны, прочие «безделушки». А тут неожиданная романтика в виде цветов. Возможно ли, что Тадеуш действительно решил проявить чудеса тактичности и так загладить вину своих подчиненных? Тоже верно, но здесь ключевое слово «чудеса». Именно они издавека махали Эзре косматыми лапами, обещая в дальнейшем дебри проблем, вылезать из которых предстояло ему самому.

Смутное чувство дежавю посетило Адалину, когда она в одиночестве вышла из ворот университета. Справа стоял знакомый черный автомобиль, и матовость его не позволяла солнцу играть бликами на поверхности металла.

На этот раз её встретил улыбающийся темноволосый парень. Неправильные в своей изогнутости, точно изорванные, черты лица его смотрелись весьма гармонично в сочетании этих тонких губ и острого носа. Небольшие глаза щурились в выражении доброжелательной усмешки.

— Адалина Бигейл, верно? — поинтересовался он, и она вспомнила, что уже встречала его.

— Да.

— Я хотел бы с тобой поговорить.

— Извините, но точно со мной? — Элин больше не желала попадать в неловкие ситуации, похожие на ту, которая случилась в прошлую пятницу.

Он окинул её быстрым взглядом, оценивая объект и рассчитывая свои дальнейшие действия. Тогда, в торговом центре, Эзра не стал обращать внимание на особу женского

пола, решившую помочь мальчишке. Ничего примечательно он не нашел в ней и сейчас. Она была не то чтобы худа до той степени, когда у человека крайняя стадия анорексии, вовсе нет. Невысокая и хрупкая, Адалина выглядела изящно. Волосы её, местами бледно-розовые, но такие светлые, что их цвет можно принять за белый, были заплетены в толстую косу, спускающуюся до бедер.

Эзра оценил всю эту необычность, но не понял своего босса даже тогда, когда заметил красивый ярко-зеленый цвет её глаз. Такие девушки Тадеушу никогда не нравились или, возможно, просто не встречались у него на пути. Те, кому выпадала честь быть «подружкой босса» (иначе в их кругах этих особ не называли), выглядели как модели. Шикарные, объемные телом там, где полагалось, и достаточно умелые для того, чтобы вписываться в роль той самой «подружки».

Адалину в таком амплуа представить было очень сложно. И это явилось проблемой номер раз. Тадеуш, если наконец созреет до желания сделать её своей «подружкой», задумываться над подобными мелочами не будет.

— Точно, точно, не сомневайся, у меня мозгов больше, чем у Дойла и Рафа, — усмехнулся парень. — Давай для начала представлюсь, меня зовут Эзра.

— Лина, приятно познакомиться, — серьезно проговорила девушка и осторожно пожала протянутую руку.

— Значит, Лина? Взаимно, — Эзра решил, что так к ней обращаются друзья, и это хороший признак доверия, но она незамедлительно разрушила его заблуждение:

— Так все называют, короче, да и удобнее.

— Прокатимся? — движением головы парень указал на черный автомобиль.

— А мы могли бы, ну... - девушка коснулась ладонями светло-голубых складок своей юбки, чтобы слегка разгладить их и скрыть тем самым волнение, — пешком?

— Как скажешь, — снова заулыбался Эзра, даже с готовностью предложил: — я провожу и мы поболтаем, согласна?

— Согласна, — она подняла уголки губ в ответ.

Элин тихо обрадовалась тому, что они наконец покинули пределы университета, потому что спиной чувствовала любопытные взгляды, слышала перешептывания. Хватило и прошлой недели, когда аудитории полнились слухами и сплетнями касательно её персоны.

Эзра подошел ближе, чтобы идти рядом с девушкой, и внезапно понял, что даже при его невысоком росте Адалина доставала ему лишь до плеча. Он ничего не имел против низких девушек, но вот Тадеуш да при его-то комплекции...

— Думаю, мне стоит извиниться от лица семьи Моор за доставленные тебе неприятности.

— Ничего страшного не произошло, — пробормотала смущенная Элин, вспоминая события того вечера.

— И не произойдет, главное — не беспокойся. Хотя я не гарантирую, что теперь тебя оставят в покое, — в его словах улавливалось предупреждение без тени улыбки.

— Почему? Я что-то сделала не так? — от волнения фразы прозвучали негромко и сбивчиво.

«Да, девочка, сделала. Ты каким-то немислимым образом заинтересовала нашего взрывного босса», — подумал Эзра с какой-то невеселой внутренней усмешкой, но вслух произнес:

— Нет, ты ни в чем не виновата, не волнуйся. Я просто решил, что лучше тебе знать это

и ничему не удивляться. Ничем это тебе не грозит, просто мой босс...

— Тадеуш?

Она с такой легкостью произнесла имя, которое иной раз до животного ужаса пугало людей, что в пору было удивляться.

— Да, он. Только я бы советовал не обращаться к нему так...хм, так прямо.

— Но он сам сказал, что... — в зеленых глазах появилась тень непонимания. — Да, хорошо, не буду.

Все же ей хватило ума быстро сообразить, кем по статусу является младший Моор. Тут не до панибратства, считал Эзра. Ему представлялось все разумно и четко, если бы только в очередной раз он чуть не споткнулся на круглой брусчатке песочного цвета. «...сам сказал», — парень повторил в мыслях её слова. Замечательное сочетание торопливости и неосторожности, за которое он себя теперь корил. Если Тадеуш такое позволил, а она с советов Эзры станет «выкаты», то кому-то определенно влетит.

— Стоп, стоп. Раз уж вы с боссом так, — он поджал губы и быстро взглянул на собеседницу, — так запросто общаетесь, то всегда пожалуйста, называй по имени. Я же не знал. Тем более ты на него не работаешь, почему бы и нет?

Девушка ничего не ответила. Они неторопливо спускались по серым каменным ступеням ко второй линии верхнего города, где находился жилой район. Неподалеку заливисто и смешливо подпевали озорным звукам гитарных струн, а теплый воздух удерживал в себе знаменитую мелодию «Винной песни».

— Послушай, Лина, я не знаю, как ты это воспримешь, но я бы советовал спокойно. Возможно, что в скором времени тебе придется ещё раз встретиться с моим боссом.

— Зачем? — девушка поправила выбившиеся пряди, окрашенные золотом закатного солнца.

— Не тот вопрос, не тот. Просто прими как данность, я лишь хочу избежать ненужной паники, препираний и вообще недоразумений. Не в обиду, конечно. Будем считать, что ты ничего не знаешь, но предупреждена, ладно?

— Я не совсем понимаю...

— Что ж, мне пора, — неожиданно перебил её Эзра. — Неплохо пообщались, до встречи, Лина.

— Но... — только и успела выговорить девушка вслед удаляющемуся собеседнику.

Адалина осталась одна возле низкой кованой калитки, которая вела во двор многоквартирного дома. Очередной непонятный и скомканный разговор вызвал внутри волну раздражения. То ли Элин сердилась на то, что ей толком не говорили в чем проблема, то ли на то, что так и не смогла быть настойчивее и все выяснить сама.

Войдя в распахнутую калитку, а затем и в дверь своей квартиры, она продолжала недовольно сжимать губы и сводить брови. Кошка, которая мягко выпрыгнула из ближайших кустов, проскользнула в дверь немногим раньше хозяйки. Девушка, заметив это, уже приготовилась издать шикающий звук, чтобы прогнать животное с его любимого кухонного стола. Но Адалина смогла только приоткрыть рот, когда взглянула на этот самый стол. На нём в огромной плетеной корзине красивым букетом лежали белые и сиреневые колокольчики.

Если бы не разговор с Адалиной, который открыл ему некоторые обстоятельства дела, Эзра бесился бы гораздо меньше. Ему хватало забот и без «разбора полетов» касательно пассий Тадеуша. Но с некоторых пор так сложилось, что именно Эзра улаживал все проблемы подобного характера.

Казалось бы, в чем здесь проблема? Тадеуш начнет ухаживать за понравившейся девушкой, и если она примет ухаживания (а это девяносто процентов вероятности), то остальное уже их личное дело. Если же не примет, то ничего страшного не должно произойти. Незаменимых нет, а младшему Моору всегда есть из чего выбирать: красавиц вокруг неприлично много. И проблемы тоже нет, но, возвращаясь к началу рассуждений, казалось бы...

Если Тадеуш Моор что-то хочет, то он это получает. А если не получает, то травмы получают остальные — золотое правило семьи. Вот такой вот вынужденный «криворот» желаемого в природе.

Обычно, все отношения с противоположным полом у его босса начинались и заканчивались благополучно. Но около трех лет назад кое-что произошло, после чего Эзра и получил указание от папы Адальбо заниматься так называемой подготовкой девушек к напористым действиям младшего сына.

Её звали Карин. Эзра помнил эту высокую, обворожительно красивую девушку. Она понравилась Тадеушу смелостью, вызовом в темно-карих глазах и крайней непокорностью. Рыжеволосая бл*дь, как прозвали её парни, была храбра настолько, что могла перечить и дерзить их боссу, но не получать за это.

Когда младший Моор пожелал видеть её в своей постели, Карин пожелала послать его в задницу. Конечно, свободолюбивая девушка не хотела зависеть от железной воли одного из боссов местной мафии. Но она хотела крутить этим боссом, истончая его терпение с каждым днём всё больше.

После долгих и мучительных препирательств, скандалами пронесившихся по поместью, Тадеуш взорвался, словно вулкан. Карин запирали в комнатах, за Карин следили, Карин заставляли делать то, что нравится боссу. Он принуждал её быть с ним, изнурял ревностью, ограничениями, окружил своим влиянием полностью. Как бы она не рвалась на волю, надеясь сбежать, попытки были тщетны, и в один прекрасный момент ей пришлось смириться. Не то, чтобы в её диком характере что-то изменилось, однако девушка прикипела к своему «ограничителю». Уже тогда Тадеуш начал уставать от этих непокорных выходок и решил однажды отпустить её на все четыре стороны. Она не ушла.

Карин действительно полюбила его, даже стала меньше дерзить. Отношения эти, нервные, пожираемые страстью и ревностью, длились почти год. В один день они сначала могли бить дорогие антикварные вазы, ненавидя друг друга до безумия, а потом так же безумно целоваться, желая скорее раздеться и отправиться в спальню. Даже парни Тадеуша привыкли к этой наглой в девушке, а Эзра, наконец, смог вздохнуть спокойно. Их большое и светлое чувство сильно истощило запас его нервов.

Жаль, что этот вздох спокойствия был непродолжителен и неполон. Одним замечательным жарким днем Тадеушу надоело окончательно. Эзра подозревал, что такие

отношения долго не продлятся.

Как бы необычна и смела ни была Карин, как бы ни хороша в качестве любовницы, Тадеуш наигрался с этой непокорностью. Что и вылилось в очередные проблемы.

Поэтому, уже после, Эзра стал следить за тем, чтобы больше подобного сумасшествия в жизни семьи не произошло. Он общался с каждой девушкой, приглянувшейся боссу, и потом решал, как сглаживать выступающие углы. В течение последних лет это ему успешно удавалось, пока такую стабильность чуть не нарушила обычная студентка с глазами цвета диких трав.

Эзра ждал, когда Тадеуш начнет хоть какие-то передвижения в сторону Адалины. Ожидание его, нервное и изматывающее, вылилось в озлобленность, которая раздражением опускалась на окружающих. Но едва настал момент новой встречи, он сделал всё возможное и выглядел вполне доброжелательно.

— Лина!

В третий раз ей очень хотелось издать вымученный громкий стон, но вокруг было много однокурсников, поэтому девушка только вздохнула и тихо поздоровалась.

— Снова поговорим?

— Нет, на этот раз я должен доставить тебя до пункта назначения. В целости и сохранности.

— До пункта назначения? — проговорила Элин, все ещё не решаясь подойти к черной машине,

— Узнаешь, — таинственно улыбнулся собеседник и открыл для неё заднюю дверь. — Садись скорее, он не любит ждать.

И она села. С негромким хлопком двери в её мысли ворвалось непрошеное волнение. После того, как Эзра предупредил о возможности новой встречи, девушка, казалось, морально подготовила себя. Она много раз думала, как это произойдет. Решала, о чём спросит, чтобы выяснить, чем всё-таки заслужила такое внимание. Но одна брошенная фраза дала Элин много нехороших подозрений, от которых внутри всё стянулось в тугий неприятный узел.

«Ого, да на тебя запал сам Тадеуш Моор!» — воскликнула в тот раз удивленная Ринко, когда увидела огромную корзину колокольчиков на кухонном столе. Элин любила эти тонкие венчики, но любила она их в бескрайних полях далеко за городом. Там они росли вольно, переплетались с другими цветами и купались в желто-зеленых океанах сочной травы.

— Привет, Дейли!

— А, это вы! — улыбнулась Элин, когда увидела за рулем знакомого парня с бритой головой.

— Не ожидала?

— Трогай, босс ждет, — отчеканил Эзра, устраиваясь на сиденье рядом с водителем.

— Простите, а почему Дейли? — решила спросить Элин, хотя не думала, что ей ответят.

— Ведь похожа! — рассмеялся Дойл и завел двигатель автомобиля.

— Парни у нас любят давать прозвища, ты не обижайся. Хотя тут и не на что. Они решили, что ты похожа на Адельхейд. Знаешь же, что это божество у нас изображают с

белыми волосами? Так вот, Адельхейд для этих гениев слишком сложно, потому и сократили до Дейли.

Девушка слушала разъяснения Эзры, а автомобиль плавно катился по одной из главных улиц города. Они направлялись к площади с фонтаном.

Он ждал без обычного своего напряжения непозволительно долго, но почему-то совсем не сердился из-за этого.

Неспешно и редко пролетал мимо теплый ветер, своими порывами принося далекие запахи соленой воды. Город погружался в сумерки медленным и настороженным затишьем, словно предрекая шумную ночь. Пустующие, круглые столики пшеничного цвета и удобные плетеные стулья, казалось, стали ярче. Терраса окунулась в приятные волны вечерних огней, когда вошла Адалина.

— Здравствуй, те, — несмело произнесла девушка и робко огляделась вокруг.

Широкая площадка с белоснежным полом и изящными невысокими балюстрадами во вьющейся зелени клематиса была практически безлюдной.

— Ещё раз, — нахмурился молодой мужчина, когда услышал её приветствие.

— Здравствуй, — тут же исправилась Элин.

— Уже лучше, садись.

Она аккуратно расположилась на стуле и выпрямила спину. Мужчина, внимательно наблюдающий за ней, уловил волнение в чужой полуулыбке, но ничего не сказал. Девушка напротив него выглядела изумительно нелепо в своей экзотичности, потому что совсем не вписывалась в окружающую обстановку. Её светловолосая коса слегка растрепалась, от того смотрелась небрежно, а бледно-бежевая блузка и голубая юбка были не подходящим нарядом для ужина в таком месте. И это ему не понравилось.

— Голодна?

— Немного.

Элин продолжила осторожно осматривать террасу. Всё казалось здесь необычным, потому что в знаменитом ресторане «ГасГен» она была впервые. Вокруг роскошными и утонченными вензелями дышало само пространство. И этот молодой мужчина, что сидел с ней за столиком, выглядел так, словно сошел с какого-то неведомого олимпа. На нем была черная шелковая рубашка с расстегнутыми верхними пуговицами, даже без намека на галстук. Мужчина подозвал официанта и негромко, но четко давал ему какие-то распоряжения на счет ужина, а она уже чуть смелее рассматривала грубые линии его скул, носа и подбородка, перешла на шею, остановилась на груди. Безусловно, мужественный, сильный человек, но далеко не красивый.

— Адалина, какое вино?

— А? — она удивленно заморгала, так как к ней обратились совершенно неожиданно.

— Вино. Какое ты будешь пить вино? — терпеливо повторил мужчина.

— А можно не вино? Просто я, — девушка запнулась под таким напряженным взглядом, — я не люблю алкоголь.

— Сок?

— Если можно.

— А если я скажу «нельзя»? — без тени улыбки поинтересовался Гадеуш.

Элин ничего не ответила, только отвела взгляд в сторону и решила, что выглядит и без

того очень глупо. Он же списал чужую неловкость на незнакомую обстановку. Эта очаровательная застенчивость начинала ему нравиться.

Они ужинали практически молча. Мужчина лишь изредка в каком-то свойственном ему одному утвердительном тоне задавал вопросы, чтобы услышать на них тихие краткие ответы. Сама же Элин только раз заговорила первой и только потому, что виноградинка, которую она оторвала от кисти и неуклюже упустила, скользнула в тарелку к собеседнику.

— Прости, — пробормотала покрасневшая от стыда девушка и протянула руку за злополучной ягодой.

Тадеуш неожиданно перехватил её тонкие пальцы своей большой ладонью и некрепко сжал.

— Прощаю, — ответил мужчина, подняв уголок рта и наблюдая за замершей Элин.

Она действительно словно застыла в своей позе и осторожно, немного испуганно, ждала, что же будет дальше.

— Но это последний раз, чтобы я больше не слышал извинений.

— Хорошо, — вымолвила Адалина и убрала руку, которую больше не сжимали сильные пальцы.

Для неё вечер тянулся невыносимо долго, но терпения у девушки хватило, чтобы перенести все тяготы своего страха и робости. Она никак не ожидала, что её посетит столько эмоций всего лишь за пару часов. Эмоций разных, не совсем понятных, но в большинстве своем неприятных. В их уютную квартиру она вернулась очень уставшей и взволнованной. Элин и не предполагала, что её повседневностью теперь полностью завладела стальная хватка младшего сына семьи Моор.

Она вдохнула мятный аромат травяного чая, который проник в каждую комнату их квартиры, и с огромным чувством облегчения сняла с ног туфли-лодочки нежного персикового цвета. Прохлада шершавого пола обволокла её горящие стопы, даря массу приятных ощущений.

— А вот и наша королева мафии! — с добродушным смехом поприветствовала подругу Элин.

Она сидела на кухонной табуретке, поджав под себя правую ногу, и не отрывала взгляда от экрана старенького ноутбука.

— Привет, Ринко, — устало выдохнула Элин и опустилась на соседний стул. Коктейльное платье в тех же персиковых тонах поднялось выше середины тонких бедер, когда девушка вытянула болевшие ноги в длину.

— Это то самое платье, ценник которого привел нас с тобой в экстаз? — решив окинуть взглядом подругу, поинтересовалась Ринко. — Даже не сомневаюсь, что брюлики на ушах настоящие!

— Не знаю, — хмуро откликнулась Элин и быстрыми движениями рук сняла аккуратные капельки серег.

Она пыталась показать, что не желает об этом говорить.

— Подскажи-ка мне, что нужно сделать, чтобы отхапать себе такого парня?

— Какого такого?

— Оооо! Сама будто не знаешь. Сильный, крутой, да ещё хорош собою! А сколько бабла он на тебя тратит?! Вот это я понимаю везение!

— Ты называешь это везением?

— А как же! Тебе все наши девчонки завидуют, когда к воротам универа подкатывает шикарная черная тачка! Уже целую неделю одеваешься как с иголки и вечерами пропадаешь в элитнейших местах города! Неплохо живешь, подруга.

Разглагольствуя таким восторженным голосом, Ринко не знала, что растаптывает последние крохи надежды на хоть какое-то понимание. Адалина отчаянно хотела рассказать о том, с каким трудом ей удалось пережить прошедшую неделю и о том, что сегодня вечером она положила всему этому конец.

— Я спать, — тихо произнесла Элин и поднялась на ноги.

— Эй, а рассказать?

Но в ответ раздался только звук захлопывающейся двери.

Казалось, что сердце в груди глухо откликалось, точно отбивая ритм в такт ударам музыки. На первом этаже находилась огромная танцевальная площадка, практически заполненная людьми.

— И яблоку негде упасть, — усмехнулся Эзра, когда проследил направление любопытного взгляда девушки. — Хочешь спуститься?

— Нет, не хочу, — сказала она настолько громко, насколько могла, чтобы быть услышанной.

Элин наблюдала за дергающимися под гулкие взрывы клубной музыки людьми и действительно хотела бы быть среди них. Вот так вот просто, ни о чем не заботясь, никого не стесняясь и получая чистое удовольствие от бессмысленного танца.

Спустя несколько мгновений они вошли в небольшой зал, где пахло дорогими сигарами и парами кальяна на молоке. Дикие и зажигательные мелодии зазвучали глухо, их изолировали толстые стены.

Тадеуш внимательно следил за каждым взглядом, направленным на Адалину, пока девушка вместе с Эзрой подходила к нему. Теперь молодого мужчину устраивал внешний вид этой очаровательной в своей хрупкости особы. После того, как он указал Эзре на необходимость пересмотра её гардероба, она появлялась только в такой одежде, которую и нужно было носить в элитных местах.

— Босс.

— Долго, — недовольно отозвался Тадеуш.

Он вальяжно расположился на темно-бежевом закругленном диване и держал в руке прозрачный фужер для коньяка. При одном взгляде на него Элин замерла от возникшего чувства внутренней опасности.

Диван напротив сразу же занял Эзра, и она бы с удовольствием присоединилась к улыбчивому парню, который так располагал к себе. Но те разы, когда девушка пыталась сохранять дистанцию и садилась от Тадеуша на приличное расстояние, заканчивались настойчивым пожеланием-приказом: «Ближе».

Сейчас Элин опустилась рядом с молодым мужчиной и тут же почувствовала, что его ладонь легла на талию. Это прикосновение пока было единственным, которое он себе позволял, но и оно заставляло её сердце биться медленней. Ненужные ощущения постепенно рождали стойкую неприязнь.

— Завтра собрание? — обратился Тадеуш к помощнику.

— Да, босс. Глава обеспокоен этими случаями смертей от передоза.

— Они участились.

— Кто-то травит ребят в городе этой дрянью, при чем наши... — Эзра оборвал фразу на полуслове и взглянул на Адалину.

— Я могу подышать свежим воздухом, — тут же отозвалась она.

— Нет.

— Босс, но я бы хотел обсудить одно дело тет-а-тет.

— Черт с тобой. Дойл, Раф, — повысил голос Тадеуш.

Парни стояли неподалеку, поэтому сразу же и с готовностью явились на призыв.

— Проводите Адалину. Если что-то произойдет, то я вас живьем закопаю, — будничным тоном сообщил Тадеуш и взглянул на девушку.

Она улыбалась подошедшим парням, и это выглядело так, словно острые углы его жесткого распоряжения сглаживались её теплотой. Мужчина не понял, отчего вся грудная клетка вдруг наполнилась колкими электрическими разрядами, поэтому на лице его вырисовались недовольные черты.

— Сообразительная девочка, — задумчиво отозвался Эзра, как только Адалина покинула их общество.

— Только посмей.

— Ну, что вы, босс, я ничего такого не имел в виду, — примирительно заулыбался парень, стараясь умирить чужой ревнивый пыл.

Она дышала влажным ночным воздухом и не понимала, что делает здесь, на крыше популярного городского клуба в половину второго ночи. Неподходящее время и место для неё.

— Дейли, а ты не замерзнешь? — от нечего делать поинтересовался Дойл, который, несмотря на предостережения босса, продолжал обращаться к ней по-простому.

— Ведь душно же, — откликнулась девушка и зажмурила глаза.

Редкий ветер принес неожиданную свежесть, и Элин с удовольствием подставила ему лицо.

— Дойл, а что, — она на мгновение задумалась, формулируя свой вопрос, — что Тадеуш сделал с тем парнем...ну, который меня...

— Который вас по заднице шлепнул? — неожиданно влез в разговор Раф.

— Да, — смущенно ответила Элин.

— Дебил!

Дойл отмерил своему напарнику неплохой подзатыльник. Девушка с замирающим испугом подумала, что они сейчас устроят драку, но, к её радости, Раф только досадливо потер ушибленное место и пробормотал какое-то ругательство.

Тревожные воспоминания возвращали Адалину в тот злополучный вечер, когда какой-то нетрезвый парень в игривом настроении решил, что её пятая точка является неплохим местом для его руки. Конечно, девушке было неприятно такое прикосновение. Но возрастающее отвращение моментально затмил страх, появившийся из-за действий младшего Моора, на глазах у которого это всё произошло.

Словно злорадствуя, память услужливо подсказала, как звучат ломающиеся кости рук.

— Ну, у нас свои методы наказания. Вообще босс такого не прощает, если какой урод тянет лапы к его девочке, — Дойл явно не хотел рассказывать ей всей правды.

— Разве переломов было недостаточно для наказания? — прошептала Элин, считавшая, что такая цена за пьяную выходку оказалась слишком высока.

— Да этому козлу надо было ещё чё выломать! — снова встрял в разговор Раф, от чего в воздухе разлетелся хлопок очередного подзатыльника.

— Не волнуйся, Дейли, босс не грохнул его, так, попугал только. Эзра у нас молодчина, старается успокоить босса, чтоб другой раз со жмуриками не возиться.

Дойл считал, что после такого объяснения девушка точно перестанет волноваться, но он очень плохо знал Элин.

Она смотрела далеко вперед, в черную глубину ночного моря и не видела ничего. Сегодня на небосводе не было ни звезд, ни луны, только огромная дуга темнеющего купола изгибом своим сливалась с морем. Её чувства, такие же бесконечно закругленные, словно пожирающие сами себя, кружились внутри холодным боязливым комом. Она бы стояла на этой пустынной крыше, высокий парапет которой цвел красивыми пятнами гибискуса, до тех пор, пока не наступит раннее утро. Возможно, вместе с прохладой оно принесло бы ей немного спокойствия.

Мечты эти, о вдохновенном глотке мягкого воздуха, рассеялись туманной дымкой, когда эхом прозвенела открывшаяся стеклянная дверь.

— Босс! А мы тут...

— Свободны.

— Поняли, босс, — бодро и слаженно отозвались парни, покидая плоскую крышу ночного клуба.

Элин не обернулась. Просто не смогла. Спиной, обожженной мириадами маленьких липких мурашек, она чувствовала его приближение. И не в силах была удержать дрогнувшие плечи, когда голос его, непривычно негромкий, даже более низкий, чем обычно, раздался у самого уха:

— И все же, ты слишком хрупкая.

Волнение охватило все тело, и она развернулась. Каким же огромным ей показался этот мужчина, точно вулкан, готовый излить свою опасную раскаленную лаву на беззащитную почву. Даже в туфлях на высоком каблуке, она едва доставала своей светловолосой макушкой до этих прямых, широких плеч.

— Адалина, — вкрадчивый голос пульсировал в её голове, — посмотри на меня.

Девушка видела перед собой только отражение бликов ночных фонарей в темно-багряной плитке на полу. Её руки безвольно опустились вдоль бедер, а талия на спине саднила от того, что жесткие ребристые полосы парапета впивались в ткань платья.

Казалось, Тадеуш лишь одной волной недовольного нетерпения придвинул Элин к высокому парапету, но ему понадобилось больше. Его руки сжали поручень металлических перил по обе стороны от девушки, а сам мужчина сильно наклонился вперед. Он был слишком близко, так близко, что она с содроганием ловила горячее дыхание на своей коже.

— Адалина.

И только почерстанный тон его голоса заставил девушку поднять свою гудящую голову. Серебристо-голубая ртуть разливалась в этих беспокойных глазах. Их взгляд, изучающий, жадный, скользил по тонким вздрагивающим линиям женского лица, и желание коснуться их оказалось сильнее. Тадеуш привык потакать своим желаниям.

Элин ощущала, как внутри клубами пара выкипает всё самообладание. Её мнимая, хрустальная стойкость бурлила, готовясь выплеснуться за край, оставить после себя пустую бездну отчаяния. И эта бездна внезапно вытянула все нервы, когда девушка ощутила сухость и тепло его настойчивых губ на своих.

— Нет...не надо...

Её надрывный, словно вырванный из самой души, шепот внезапно остановил мужчину.

— Что..- он с недовольством отстранился от её лица.

Но какое это было лицо! Черты его, заостренные и напряженные, казались мертвенно бледными, губы плотно сжались, а глаза...эта потускневшая зелень говорила о многом.

— Ты, — он сбился на полуфразе от того, что осознание глухим ударом прозвенело в его голове, — ты боишься меня.

Всю прошедшую неделю. Нет. С момента их первой встречи, Адалина испытывала только страх. Не наивное смущение, которым, как он считал, она реагирует на его прикосновения. Не скромную осторожность, с которой, как ему казалось, она сохраняла между ними невинную дистанцию. И не трепет пиетета перед его статусом, с которым она, якобы, так неловко отвечала мужчине, не желая сказать что-либо глупое. Тадеуш до отвратительной ясности осознал, что ошибался во всех её чувствах. Он просто понятия о них не имел.

Это тихое создание замирало от страха, когда он решал дотронуться. Она содрогалась от его грубых слов, настойчивых обхождений, и, теперь, наверное, до глубины души ненавидела Тадеуша. Почему-то в груди неприятно дрогнуло чертово сердце.

— Я в твоих глазах настоящий монстр.

Он не умел спрашивать, никогда не умел. С самого детства получая все, чтобы не пожелал, мужчина так и не научился спрашивать о пожеланиях других.

— Скажи ты об этом раньше...

— И что тогда? — она словно услышала свой прерывистый шепот со стороны.

Элин слишком испугалась из-за действий этого огромного мужчины, чтобы сразу понять свои чувства. Слишком хрупкая, слишком наивная, слишком слабая. Ей много раз это говорили, говорили и знали, что характер соответствует внешности. Только стеснительность и скромность никогда ещё не вредила её собственной гордости.

— Что тогда? — чуть громче повторила она, видя на лице мужчины удивленную настороженность. — Меня никто не спрашивал.

Страх все ещё вздымался в груди бурлящими волнами, Элин помнила, кто перед ней, и что он может сделать. Она помнила это постоянно, потому и подчинялась каждому желанию Тадеуша. Один из боссов самой влиятельной семьи города был не только опасен, но и крайней несдержан в своих порывах. Однако сейчас, продолжая вытеснять страх чувством собственного достоинства, она не могла заставить себя молчать.

— Ты прав. Я действительно боюсь. Боюсь за себя, за своих родных, друзей. Кому в городе не известно о семье Моор? Даже дети знают, что вам никогда никто не отказывает. А как надо было поступить мне? Я обыкновенная, Тадеуш, самая обыкновенная девушка, которая просто живет, учится, работает, ходит гулять с друзьями. Но ты ведь не знаешь... что ты обо мне знаешь? Боги... ведь я тоже о тебе ничего не знаю. Ты считаешь это нормальным, вот так строить отношения?

В её голосе не было надрыва или истерики, только что-то бесконечно обидное и грустное. Что-то, что четкими ударами барабанило по его ушам. Она смотрела куда-то в бок и ничего не видела из-за тонкой соленой пелены.

— Знаешь, я думала, что когда понравлюсь кому-нибудь, то все обязательно будет очень спокойно и просто. Мы познакомимся, он начнет оказывать мне какие-нибудь незначительные знаки внимания, а я, наверное, отвечу с теплотой в сердце. Потом мы станем друзьями и будем заниматься чем-то вместе, поедem куда-нибудь путешествовать, проводя ночи напролет за разговорами обо всем на свете. Без блеска, шика, дорогих и бесполезных подарков, без крутых ночных клубов и без дорогих вечеринок на частных яхтах, Тадеуш, понимаешь? Нет, мне кажется, нет. Я не хочу тебя оскорбить, просто ты выбрал не ту девушку, мы совершенно из разных миров. Они такие разные, что я даже в этом дорогом платье выгляжу черной чайкой, среди остальных девушек твоего круга. Я никогда не полюблю эти ночные развлечения, а тебе рано или поздно надоест со мной возиться. Не хочу этого. Я всего этого вообще не хочу.

Тадеуш стоял перед низкой худенькой девушкой и чуть ли не впервые за свою жизнь понимал, насколько высок может быть маленький человек, желающий, чтобы с ним считались. От неё, такой послушной и тихой, он не ожидал этой прямолинейности, этих проникновенных слов. И не злость кипела в нём, не ярость от дерзости смелых высказываний, только разочарование.

Как каждое утро до этого, она и сегодня думала о сказанном тем вечером. Элин не один раз успела пожалеть о том, чего говорить совершенно не хотела, что считала лишним, ненужным. Даже то, что вот уже неделю она была предоставлена сама себе, не вызывало особой радости. Дело было в смутном ожидании конца всей этой странной, неприятной ей истории.

Хотя столько дней спокойствия благоприятно подействовали на девушку. Элин стала улыбаться как прежде: тепло и беззаботно. С огромным облегчением осознала, что порывы дрожащей боязливости, которые преследовали её каждый вечер, ушли бесследно.

Сегодня утром, едва она проснулась и прошлепала босыми ногами на кухню, раздался громкий звонок её мобильного телефона. Это был Эзра, и он хотел встретиться. С неприятно шелестящим ощущением в груди, Адалина согласилась на то, чтобы парень приехал через час.

Пока девушка приводила в порядок прихожую-гостиную, перетекающую в их кухню, и предупреждением о гостях будила Ринко, время пролетело незаметно. Пунктуальный до чудачества Эзра оказался у двери ровно в одиннадцать ноль-ноль.

— Привет, Лина, — улыбнулся парень, входя в квартиру.

Пахло мятным чаем с добавлением лайма и, почему-то, клубникой. В такой старомодной комнате, как эта, Эзра был последний раз, наверное, в далеком детстве. Пришлось отогнать болезненные воспоминания о маминой квартире.

Бледно-зеленые, выцветшие обои в цветочном узоре уходили в невысокий потолок, который был всего-навсего выбелен до синих отливов. Повсюду, в каждом уголке большой комнаты, являющейся и гостиной и, если пройти немного вглубь, кухней, Эзра видел вещи. Слишком много вещей: подставки для всевозможных предметов, три больших кресла, два журнальных столика (один — у кресел, другой — рядом с вешалкой), шкаф, несколько тумбочек, столько же пуфиков, множество горшков с зелеными растениями и старая пыльная доска для сёрфинга. А кухня оказалась самым простым и уютным уголком во всем этом хаосе предметов. Круглый стол в милых кружевных салфетках, деревянные табуреты с мягкими сиденьями из темной потертой ткани — все это очень вписывалось в полностью немодернизированный интерьер. Ещё сорок-пятьдесят лет назад обстановку можно было бы назвать «богатой», но не сегодня.

Эзра осматривался с нескрываемым любопытством, спрашивал обо всех интересных предметах, что попадались на глаза. Даже с некоторой ностальгией прислушивался к скрипу сухих половиц, точно возвращался в детство.

— О чем ты хотел поговорить? — осторожно спросила Элин, ставя большую дымящуюся чашку рядом с парнем и садясь напротив.

Лицо его, до этого смешливое, любопытное, приобрело черты сосредоточенной серьезности. Но на губах все ещё таилась легкая успокаивающая улыбка.

— Ну, знаешь наверняка. Я понятия не имею, что между вами произошло, да и мне ни черта не говорят! Но, Лина, хоть ты-то можешь мне рассказать? Босс резко и без лишних разговоров посылает каждого, кто умудряется спросить о тебе!

— Как он? — с замирающим выдохом проговорила Элин.

Совесть мучила из-за неправильно произнесенных мыслей и смешивалась с толикой страха. Тадеуш обещал, что больше её никто не побеспокоит. И это были его последние слова.

— Да как обычно, все в порядке, — откровенно солгал Эзра, а правду прикрыл за похвалой очень вкусному чаю.

Потому что ни черта не было в порядке. Иначе бы он не приехал сюда и не стал бы просить эту девчонку рассказать о произошедшем.

Тадеуш вел себя, как разъяренный бык в самый разгар корриды. Всю прошедшую неделю любое его раздражение выливалось в разгневанные крики и чьи-нибудь переломанные ребра. А о том, что было вчера, Эзра вспомнил с особенно неприятным содроганием.

В их родном городе вот уже несколько месяцев происходили подозрительные вспышки смертей от передозировки наркотиками. С одной стороны, наркомания существовала всегда, но с другой же... Молодые парни и девушки не травились каким-то дурманящим разум порошком с такой редкостной периодичностью. А это значило, что кто-то посторонний торгует третьесортным товаром во владениях семьи Моор. И только спустя несколько месяцев удалось выяснить, кто же распространяет «чуму». Продавец смертельного порошка был крайне осторожен, но, все же, наркотики сбывал, как оказалось, чужие. А вернее те, что принадлежали семье Моор. Именно эта «дурь» составляла запас забракованной партии, которая хранилась на территории частных доков у четвертого причала.

Партию не продали и готовили к утилизации из-за того, что лишь одна доза повышала уровень летального исхода до немыслимо высоких процентов. Семья никогда не предлагала плохой товар, поэтому небольшой контейнер дожидался своего уничтожения в темном ангаре. Думали, что дожидался.

— Я его здесь не вижу, — высказал Тадеуш то, что всем стало понятно с первой минуты нахождения в этом месте.

Исполинские двери ангара были широко распахнуты, и внутрь проникали лучи раннего дымчатого утра. Вокруг, в грязно-серых и ржаво-зеленых тонах, вырисовывались прямые углы ящиков, коробок, контейнеров всевозможных форм и размеров. Однако нужного не нашлось.

— Может быть, передвинули? — предположил Эзра и тут же дал указание искать железный контейнер с пометой тридцать-один-дробь-два. Но такого в помещении не было, как и не было его содержимого в других ящиках. Проблема оказалась зарыта глубже, чем предполагалось.

— Тех, кто охраняет этот ангар. Сюда. Быстро, — в его закипающем гневом голосе слышалось нечто безысходное.

Эзра понял, что Тадеуш сейчас выйдет за пределы своего терпения.

— Босс, ребята могли не...

— Я не повторяю, — угрожающе рыкнул молодой мужчина, и глаза его, оплавленные яростью, сравнивали все окружающее с землей.

Двух потрепанных дядек сорока лет привели «на убой», иначе не скажешь. Эзра наблюдал за допросом, напоминающим ему банальное избиение до полусмерти. Но никто ничего не знал. Тадеуш вывернул их нутро наизнанку, выломал кости и разбил лица, лишь бы

убедиться в том, что они говорят правду. И это было страшно. Не только потому, что мужчины всего лишь выполняли свою работу, но и потому, что, все же, плохо её выполнили, заслужив такое наказание.

— Вы, ублюдки, не доглядели один сраный контейнер, а в городе теперь подышают люди!

Больше Тадеуш не сказал ни одного слова по поводу произошедшего в ангаре. Для такого человека, как он, наказание всегда должно было превышать преступление, чтобы больше это преступление не повторялось. Но даже с этой точки зрения он «перегнул палку», чуть не лишив жизни двух человек.

Едва ли не впервые за их многолетнее сосуществование Эзра не знал, на какой кривой кобыле подъехать к своему боссу, чтобы тот перестал извергать гневные потоки раскаленной лавы. Но ему хватило сообразительности понять, в чем основная причина извержения на этот раз. Поэтому в воскресное утро он сидел на маленькой уютной кухне в гостях у Адалины.

— Я не хочу, не хочу по ращёёооту, а йаааая по любви, по любви хочу! — сбившимся и немного хрипящим ото сна голосом попытался кто-то пропеть из-за стены. — Свободу! Ой..

Этот кто-то выплыл с рыжей, безумно пушистой головой на кухню и увидел, что к обычной публике прибавился ещё один неожиданный слушатель.

Эзра со смехом наблюдал, как соседка Адалины — Ринко — быстро и смущенно приглаживает измятую пижаму: одергивает короткие желтые шортики с изображениями щенят и поправляет тонкие бретели майки такого же цвета.

— Извиняйте, не знала, что у нас гости, — неловко пробубнила девушка, но уходить не стала.

Она задрала свою кудрявую, растрепанную голову, от чего и вздернутый нос, и точеный подбородок стали ещё острее, а затем плюхнулась на табурет.

— Я предупреждала тебя, — Элин улыбнулась и поднялась, чтобы залезть в шкафчик за чистой чашкой. — Черный, зеленый?

— Кофе! А ты — Эзра, правильно? — теперь она окончательно проснулась, и уже ничто не могло её смутить, так как природная наглость пробудилась вместе с организмом хозяйки. — Мне казалось, Элин поссорилась со своим ухажером.

— Что-нибудь об этом знаешь? — он тут же решил спросить напрямик, ведь характер рыжеволосой девушки весьма располагал к этому.

— Неа, эта засранка мне ничегошеньки не рассказывает! А в чем дело-то?

— Ринко! — недовольно воскликнула Адалина.

Оба собеседника взглянули на неё с неподдельным интересом. А она продолжила говорить с каким-то усталым и тихим спокойствием:

— Если Тадеуш не хочет рассказывать, то тайна не моя. Я не могу вам объяснить. Но знайте одно: между нами ничего нет и быть не может, мы разные.

Одна не лгала и действительно ничего не знала, а другая ничего не собиралась выдавать. Эзра сделал неутешительные выводы, но кое-что всё-таки извлек из этого непродолжительного разговора. Он видел, каким неприятным всё это представляется для Элин, и вполне мог предположить, о чем сейчас думает Тадеуш. Оставалось только выудить эти мысли наружу.

Последние августовские дни выдались настолько жаркими, что задумай кто позавтракать в девять или десять часов утра и разбей при этом яйцо на асфальте, то непременно вышла бы отличная подгоревшая яичница. В полдень на безлюдных выбеленных солнцем улицах нельзя было встретить и случайного глупого прохожего — так все боялись палящих лучей. Люди прятались в прохладе своих домов, сидели под кондиционерами и упивались ледяными струями воды.

Перед городской администрацией встал вполне себе важный вопрос: как проводить двухдневный фестиваль Золотого Колеса? Температура воздуха превышала все допустимые нормы приличия для того, чтобы празднество состоялось под открытым небом. Но такого огромного хорошо проветриваемого помещения в столь короткие сроки было просто не найти. И тогда, скрепя зубами и ругая в сердцах Вивианну (богиню этого самого Золотого Колеса), глава города дал указ сместить время комендантского часа до двух ночи. Фестиваль решили проводить только вечером, когда диск солнца должен был быть почти полностью поглощен жадным кипящим морем.

Для Элин не было никакой разницы, когда состоится фестиваль, потому что финальное представление оставалось на своем месте в любом случае. Каждый год празднества Вивианны проходили в последние августовские дни, завершая собою летние месяцы и открывая осень. В это время людей в городке становилось в два раза больше, так как приезжали не только с окрестных деревень, но и из других населенных пунктов. Фестиваль славился размахом, шумом, щедростью и своим завершением.

Традиция была такова, что каждая семья, которая много лет занимается в городке тем или иным ремеслом должна благодарить Вивианну, златовласую богиню плодородия и семейного очага, своими песнопениями. Рамки традиции давно уже стали шире, и люди не только выступали с игрой на народных инструментах и песнями, но и со своеобразными танцами, всевозможными постановками и прочей самодеятельностью. Порой, на большой деревянной сцене, установленной специально для таких представлений, происходили по-настоящему завораживающие вещи.

Как у любого громкого события, у фестиваля был главный приз: неплохая сумма денег, которую выделяла семья Моор тем, чье выступление окажется самым фееричным и запоминающимся по решению публики и судий. Эта сумма не помешала бы отцу курносой Ринко, дела которого в этом году шли не так хорошо. Их большая семья жила на доходы от винного бизнеса, основанного ещё прапрадедом рыжеволосой девушки, но последнее время виноградники по неизвестной никому причине стали приходить в негодность. Отец прилагал просто титанические усилия, чтобы привести свои плантации в порядок, ему помогали в этом все родственники и близкие друзья. Но становилось только хуже.

Ринко и Элин задумались над победой в своеобразных соревнованиях ещё в начале лета, и идея захватила их полностью. Девушкам понадобилось много времени, чтобы убедить отца Ринко участвовать в этом, чтобы собрать людей, чтобы накопить небольшую сумму на костюмы и всякую бутафорию.

Адалина согласилась помогать подруге без лишних раздумий. Она и представить себе не могла, что весь процесс подготовки — всё это настолько затягивающее мероприятие. Её

родители не были коренными жителями городка, да и никогда не считали, что должны принимать участие в подобных состязаниях. Именно поэтому Элин с чистой совестью могла представлять другую семью, тем более, что участие кого-то постороннего правилами не возбранялось.

Наконец, кропотливая многодневная работа была окончена, последняя репетиция проведена, и Адалина с дрожью волнения ждала сегодняшнего вечера. Все её заботы и унылые мысли отодвинулись на второй план, потому что девушка очень боялась ошибиться в движениях заученного танца, боялась опозорить честь чужой семьи и отнять хрупкую надежду на победу. Но кроме страха в ней было и трепетное ощущение счастья, словно она, выступая, становится частью чего-то очень значительного, необыкновенного.

Элин лежала на гладких половицах цвета молочного шоколада и наслаждалась воздушными потоками небольшого вентилятора, который стоял неподалеку. Прямой и жесткий пол доставлял её телу гораздо меньше неприятностей, чем послеполуденное солнце, норовившее заглянуть в одно из распахнутых настежь окон.

— Ааааа! — звонкий ребячий визг возник так внезапно и приблизился так стремительно, что девушка не успела ничего понять. — Куча мала!

— Мики... — выдавила из себя Элин, когда на неё упало тело с весом, увеличенным из-за прыжка в два раза, по крайней мере, ей так показалось. — Слезь с меня!

Боль разлетелась по всему телу мгновенно и так же быстро вернулась в одну точку солнечного сплетения. Ушиб и синяки будут ещё долго напоминать ей об этой «куча мала».

— А вы с Ринко возьмете меня смотреть салют? — спросил мальчишка.

— Что угодно, только не дави мне на живот! — умоляюще взывала Элин, когда Мики, улыбаясь хитрой физиономией, решил быстро привстать и снова свалиться на свою жертву.

— Маааам! Лина сказала, что они с Ринко за мной присмотрят! — тут же закричал мальчишка.

Он скатился с тела девушки и распластался на полу возле вентилятора, словно морская звезда на песочном дне.

— Будешь ещё девочкам докучать. Нечего тебе с ними делать, у них свои заботы, пойдешь со мной и с отцом, — долетел из окна ответ.

Видимо, мама Ринко и Мики находилась в их саду, и мальчик об этом знал.

— Ни-фи-га! Пойду с ними! — капризно заявил он.

Девушка предусмотрительно отодвинулась от этого опасного субъекта на прилично расстояние. Ушибленное место тихо болело, поэтому она медленно поглаживала его рукой, когда услышала звонко-грозный голос подруги:

— Ты как с матерью разговариваешь, говнюк? Я тебе щас пинков надаю! Зачем по Элин прыгал?

— Заткнись, рыжая дылда!

— Эй, ты сам рыжий, поганец!

— Оба замолчали! Иначе будете весь вечер дома сидеть! Микеланджело, немедленно иди сюда, а ты, Ринкарна, будь добра, следи за своим языком! — строгий женский голос наполнил фразу таким убедительным тоном, что брат и сестра сразу же притихли.

Элин мягко улыбнулась. В семье её подруги самым главным человеком была мать, и ей боялись перечить даже старшие братья Ринко, которые давно сами стали отцами.

— Элин, у нас проблема, — нахмурилась подруга, как только неугомонный Мики скрылся за дверью. — Я не могу участвовать.

— Почему? Что случилось?

— Я сейчас еле на ногах стою, — как бы в доказательство своих слов девушка аккуратно опустилась на пол, — эти чертовы дни начались совсем не вовремя!

— Сильно живот болит? — участливо поинтересовалась Элин и тут же поняла другую немаловажную вещь: — Стой, а как же выступление? Кто будет в роли крестьянки?

— Больше никому, только ты знаешь все движения.

Девушка внезапно взволновалась до такой степени, что даже испугалась. Исполнять главную роль на сцене практически на глазах у всех жителей города! Ещё пару мгновений назад она всего лишь помогала ставить танец под знаменитый сюжет «Винной песни», а теперь оказалась в центре всего действия.

— Но я не смогу!

— И это говорит мне одна из лучших выпускниц школы «Народного танца», — Ринко удрученно вздохнула и тоном, полным разочарования, продолжила, — ладно, мы не будем участвовать.

— Нет!

Столько времени, сил и нервов было потрачено, столько людей пришлось уговорить, что Элин просто не могла позволить своей стеснительности взять верх.

— Ринко, собирай всех, у нас мало времени! Нужно скорее отрепетировать ещё раз, но уже со мной!

Рыжеволосая девушка широко улыбнулась, от чего её курносый нос стал гораздо острее, и достала из кармашка своих шорт мобильный телефон.

Номер, который придумали девушки, был весьма символичен, а старинная «Винная песня» популярна в городке. То ли народная, то ли чья-то авторская, песня имела задорный характер и забавный сюжет. Этот сюжет и воплощали в жизнь те немногочисленные люди, которых Ринко убедила принять участие. Группа состояла из друзей и родственников девушки, но такого количества было более чем достаточно.

Все они сейчас стояли за импровизированными кулисами и о чем-то оживленно переговаривались. Через несколько минут начиналось их выступление, но Элин казалось, что волнуется только она. Внутри жило нечто сумасшедшее, боязливое, трепетное и трясущееся. Девушка ощущала, что дрожит, слишком сильно переживая из-за того, что выступит в главной роли, что на неё все будут смотреть, что она может всё напутать. Сколько бы раз она в своей жизни не выходила на сцену, а привыкнуть к этому так и не смогла. Успокаивало только то, что волнение её схлынет, как только заиграет музыка.

Вечерний воздух был наполнен гулами разговоров и пряными запахами барбекю — даже в такую жару у гостей праздника не пропадало желание съесть что-нибудь горячее и сытное. Над головами людей расстилалось темно-синее звездное небо, а вокруг ярко и шумно гудел фестиваль Золотого Колеса.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Толпа хлопала и выкрикивала слова одобрения, наблюдая за тем, как красиво двигается на сцене Маргарита Кинти. Стройная темноволосая девушка имела бесподобный голос, который переливался всеми оттенками звучаний и доносил до слуха каждого звонкую

песню. Но мелодия закончилась, а Маргарита, улыбаясь и рассыпая обаяние, поклонилась публике.

Элин затаила дыхание лишь на мгновение, чтобы вновь глубоко вдохнуть и выдохнуть, как только бешеные удары сердца раздадутся где-то в голове. Теперь их номер громко объявлял ведущий, а толпа громко аплодировала, когда Элин, крепко сжимая руку Ринко, считала в голове до десяти.

Семь — первые звуки бузуки заставили зрителей притихнуть.

Восемь — мимо Элин проскользнул Саймон и один из старших братьев Ринко, чтобы завладеть вниманием людей.

Девять — их громкие голоса поймали нужный для задора ритм.

Десять — она отпустила руку подруги и шагнула на сцену, тут же ныряя в водоворот событий.

Эту неделю он тоже работал на износ, точно вечный двигатель, которого не существует и который, соответственно, должен будет рано или поздно остановиться. Поэтому, когда отец сказал, что ему нужно отдохнуть и посмотреть закрытие фестиваля, Тадеуш остановился.

Каждый год кто-то из семьи Моор являлся членом жюри на своеобразном состязании «Даров Вивианны». Конечно, чаще всего, там председательствовал сам папа Адальбо, но на этот раз он предложил свое почетное место младшему сыну. У главы семьи всегда были особые представления об отдыхе.

Отказать собственному отцу Тадеуш не мог, но и соглашался с самым угрюмым выражением лица, на которое был способен. С этим «постным» лицом он сейчас возвышался над судейским столом рядом со своими нынешними коллегами. По правую руку от него расположился губернатор Сиарс — крупный крепкий мужчина, с большими чертами лица и очень смуглой кожей. Слева была мадам Джулия — утонченная хозяйка всех модных бутиков и швейных мастерских города. Оба с интересом наблюдали за происходящим на сцене и даже делали какие-то записи на больших белых листах. Тадеуш же, в отличие от них, энтузиазмом не светился. Даже не блестел. И мерцать не пробовал тоже. Он сидел неподвижно, скрестив руки на груди, и сосредоточенно сверлил взглядом светло-голубых глаз крону гранатового дерева рядом с подмостками.

Мысли заполнились противоречивым «идиотизмом», как решил для себя Тадеуш. Молодой мужчина не желал быть честным с самим собой, и именно поэтому все прошедшие дни изматывал тело и ум изнурительным трудом. Этот «отдых» в роли члена жюри был совершенно не нужен, так как оказался не только скучной затеей, но и дал расслабившемуся мозгу время для размышлений. А подумать было о чем. Например, о том, почему так «хреново» он себя чувствовал, вспоминая слова Адалины. И саму Адалину. Она смогла достать из глубины его души нечто такое, что, точно червь, подтачивало разум и, точно северное море, неприятной холодной волной возвращалось раз за разом. Возвращалось, не думая отпустить.

Кажется, впервые в своей жизни он не хотел, чтобы его боялись. Страх и уважение, которые Тадеуш внушал многим, с гордостью отмечал сам отец. Нравилось это и молодому мужчине. Нравилось, что люди считаются с ним. Нравилось, что отец прислушивается к его мнению. Нравилось, что ему подчиняются, его боятся.

Но он не хотел, чтобы она ненавидела, не хотел, чтобы терпела его. И с каких пор

Тадеуша Моора стали волновать чувства других людей? Вернее, только одного человека. И этот маленький, хрупкий человек неожиданно выскочил из его мыслей прямо на сцену фестиваля.

Тадеуш лишь слегка заинтересовался названием следующего номера. Даже при том, что последние двадцать минут мужчина недовольно созерцал темно-зеленую тонкую листву, он все равно всё прекрасно слышал.

«Винная песня». Если выступающие собрались просто спеть её, то могли бы и не приходить сюда. Весь город наизусть знал слова и аккорды этой веселой мелодии, которая практически каждый вечер звучала во всех местных пивных.

Насколько Тадеуш помнил, сюжет в ней был мифологический и незамысловатый. Однажды два сына бога виноградников Равн-Вина, осматривая владения отца, увидели прекрасную девушку-крестьянку. Она собирала виноград и напевала веселую песенку о солнце. Конечно же, братья влюбились в неё сразу же, поэтому в первом куплете от лица старшего из них поется, как он предлагал юной крестьянке прелестные наряды и преследовал её повсюду. Второй куплет, уже со слов младшего брата, рассказывает, как тот одаривал девушку драгоценными камнями и постоянно следил за ней. В одном и том же припеве два раза речь идет о неприступности героини, о её хитрости и смекалке, с которыми она «отшивала» нерадивых поклонников. Третий куплет — братья узнают о соперничестве друг друга и идут к отцу, чтобы тот рассудил их. Мудрый Равн-Вин поет в последнем, самом быстром припеве о том, что они сейчас «изловят шуструю крестьянку». Пока его слуги и сыновья пытаются это сделать, он сам умыкает девушку. Она становится его возлюбленной и на том, собственно, вся песня заканчивается.

Забавная, звонкая мелодия, которую исполняли, преимущественно, на нескольких бузуках, перед зрителями приобретала материальные очертания. Мужчины не только пели её сами под умелый аккомпанемент, но и разыгрывали целое представление на эту веселую тему. Но даже не слаженность движений привела Тадеуша в изумление. Он не мог оторвать глаз от тонкой фигуры, которая кружилась и прыгала точно в такт мелодичных ритмов, мастерски исполняя все движения этого яркого танца.

Адалина выглядела как самая настоящая крестьянская девушка из позапрошлого века. Волосы её толстой косой были обвиты вокруг головы, а на лице очень ярко пестрели румяна. Она вертелась, развивая подол бурой длинной юбки, красиво сплетала руки и выгибала торс, окутанный белой рубахой простого покроя.

Уже после второго припева, когда все зрители стали хором подпевать, а Адалина кружилась с высоким светловолосым парнем, Тадеуш подумал, что такую её сторону он не видел. И не увидел бы никогда.

В конце песни танцевали уже не только на сцене, но и перед ней. Вот появился трон божества — стул, украшенный зеленой тканью и золотыми виноградными листьями, — и на него воссел Равн-Вин (подтянутый, рослый старик, который в свои годы выплясывал не хуже молодых). Затем наступил момент, когда танцующие запели хором финальный припев и хороводом окружили девушку-крестьянку. Из-за круговерти, которая убыстрялась вместе с музыкой, на десяток секунд Адалина совершенно пропала из виду. Но в тот самый момент, когда прозвенела последняя струна бузуки, а крестьянка должна была оказаться в руках у бога виноградников, все танцующие упали на пятые точки с самыми удивленными лицами на свете. Такой комедии ещё не видел никто: на троне Равн-Вина, закинув ноги на один подлокотник и уперев локоть левой руки о второй, вальяжно расположилась юная

крестьянка. Она вертела в свободной руке позолоченную корону из лозы и изумрудных виноградин, а одежда её горела винно-красным цветом. Рубаха стала точеным топком, бретели которого охватывали предплечья, а юбка приобрела длинный разрез.

Толпа кричала и хлопала настолько восторженно, что все вокруг гудело, даже тряслось. Они восхваляли блестящее исполнение и шутили над глупым божеством, которое, в итоге, остался ни с чем, лежа у ног прекрасной светловолосой крестьянки.

Вглядываясь в её надменные черты лица, самодовольные губы и наглые глаза, Тадеуш поймал себя на мысли, что действительно ничего не знает об этой девушке. Только те сухие данные, которые были напечатаны в отчете. Но черные буквы не сказали о том, как она может красиво танцевать, удивительно улыбаться и умело вживаться в роль победителя.

Запыхавшаяся, покрасневшая Элин, едва оказавшись за кулисами, свалилась на руки Ринко. Позади все ещё продолжала гроыхать толпа, но девушка была оглушена настолько, что почти ничего не воспринимала.

— Элин, ты умница, ты такая молодец! — рассыпала похвалы подруга. — Мы точно победим!

— Но после нас ведь ещё выступают, — все ещё пытаюсь отдышаться, возразила девушка.

— Это все фигня, ты только посмотри, кто в жюри! Он от тебя глаз не мог оторвать, пока ты выплясывала!

Адалина потянулась за подругой и немного выглянула из-за плотной белоснежной ткани кулис. Сердце её, которое, казалось, участвовало в диких скачках, мгновенно свалилось в яму желудка. За судейским столом она увидела Тадеуша Моора. Он оживленно беседовал с двумя другими членами жюри и не обращал внимания на сцену, где ведущий пытался успокоить зрителей.

— Но что он там делает? — прошептала девушка.

— Присуждает победу твоим сексуальным телодвижениям, детка! — Ринко смеялась негромко, но с такими хитрыми интонациями, что Элин стало неловко.

— С каких пор элементы сиртаки сексуальные? С ума сойти!

— Только не сейчас, нам ещё за призом выходить!

Уверенности в голосе рыжеволосой девушки было столько, что хватило бы на целую роту солдат, идущих в последний бой. Но Элин это не убедило.

Толпа схлынула стройной волной, чтобы отправиться к водному каналу. Оттуда открывался великолепный обзор на огромное звездное небо, в котором вскоре должен был яркими фейерверками загореться праздничный салют. До него младшему Моору не было никакого дела, даже в детстве он не особо понимал, что же так зачаровывает людей в этих громких разноцветных огнях.

— Босс, мы выйдем через подъездную дорогу. Центральный вход занят желающими увидеть салют, там не пройти, — серьезным тоном, очень четко произнес мужчина, который шел рядом с Тадеушем.

Получив в ответ лишь короткий кивок, этот человек отстал на два шага от своего босса и продолжил следовать за ним бесцветной тенью. Хотя эта тень и была всего лишь на полголовы ниже впереди идущего, но люди практически не замечали её.

Сорокалетний мужчина, с серыми сединами в волосах, собранных коротким хвостом на затылке, выглядел очень просто для лично телохранителя. Всегда одеваясь очень просто, чтобы не выделяться, и примеряя безликую маску, он неотступно следовал за Тадеушем. Младший Моор не только давно научился ощущать незримое присутствие тени, но и доверять ей. Этот человек не раз спасал ему жизнь.

Тадеуш шел своим быстрым и широким шагом вдоль новой вишневой аллеи, ведущей к подъездной дороге. Навстречу из полутьмы ночи выныривали редкие пары, которые спешили к шуму толпы, оставшейся позади него. Тадеуш отмечал эти расплывчатые фигуры где-то на грани зрения и слуха, потому что был погружен в свои мысли.

Стоянка у задних ворот встретила молодого мужчину гулом нескольких голосов и мелодичным брэнчанием бузуки. Освещение здесь было гораздо лучше, потому что большие круглые лампы, приделанные к невысокому кирпичному забору, разливали желтое сияние на несколько метров от себя. Как раз под одной из таких ламп стояли люди. Они складывали какие-то вещи в небольшой грузовичок и весело переговаривались между собой.

— Ну же, что вы так долго! Мы салют пропустим! — раздался звонкий девичий голос.

— Ты его уже раз двадцать видела, — донеслось в ответ.

— Ну, Ринко и старуха!

Дружный смех заполнил пространство, когда Тадеуш, проходя мимо, заметил стул в позолоченных виноградных листьях. Мужчина невольно стал выискивать взглядом тонкую светловолосую фигуру где-то поблизости. И нашел.

Она стояла к нему спиной и накидывала легкий платок на оголенные узкие плечи. Волосы её отдельными крупными волнами свисали с макушки головы, где их основная масса была хаотично собрана двумя деревянными палочками. На ней все ещё была та самая винного цвета юбка с вырезом до бедер. Слово почувствовав чужой взгляд, девушка обернулась.

Они заморожено смотрели друг на друга несколько вязких мгновений, которые вмиг рассыпались, когда он кивнул головой в знак приветствия.

Только двадцать минут назад мужчина, не желая участвовать в награждении, стоял поодаль от гудящей, ликующей толпы, поздравляющей семью Россо с победой на состязании «Даров Вивианны». Аплодировали и невысокой девушке-крестьянке, что так ловко обманула самого бога виноградников. Именно ей, раскрасневшейся и такой улыбчивой, губернатор вручил небольшую статуэтку, изображающую золотое яблоко. Девушка вымолвила слова благодарности и попыталась отказаться от того, чтобы её подняли на руки. Не вышло.

Сейчас их разделяла лишь пара метров, и мужчина решил, что не стоит эту дистанцию сокращать. Его желание как можно скорее вернуться в поместье возросло до нетерпения. Он отвернулся бы, пошел дальше, направляясь к своему автомобилю, но Адалина неожиданно скользнула ему на встречу.

— Здравствуй, — она произнесла это негромко, но уверенно.

Тадеуш посмотрел на её приблизившуюся фигуру и внезапно, сам не понимая почему, изрек:

— Поздравляю с победой.

Элин остановилась на расстоянии вытянутой руки, поджала тонкие губы и поняла, что

рядом с этим высоким мужчиной уже не чувствует того решительного импульса, который заставил её подойти. Но делать было нечего, она здесь и должна продолжить разговор.

— Я хотела спросить, — Адалина затаила дыхание, вглядываясь в прямые черты его лица, словно ища в них разрешения, — эта победа, это ведь не из-за того... ну, того, что я...

— Считаешь, что в моих силах повлиять на решение губернатора и мадам Джулии? — он бы и не почувствовал, что речь его приобрела грубые ноты, если бы не это выражение зеленых глаз.

Девушка, которая с небывалой для себя смелостью решила подойти к нему, спросить о том, что, скорее всего, беспокоило её совесть, снова чувствовала страх. И опять из-за его дьявольского характера.

— Нет, не беспокойся, я не умею судить prematurely. Ваше выступление действительно было лучшим, — с необычно странным ощущением в груди Тадеуш старался исправиться, говорить немного мягче, чем обычно.

— Извини, — ей казалось, что она вновь выставила себя глупой в глазах этого человека.

— Я же предупредил, — произнёс Тадеуш прежде чем понял, что теперь говорить ей такое он, вроде как, не имеет права.

— Прости, я помню... ой, — она широко улыбнулась, когда взглянула на мужчину, — я исправлюсь!

Он и представить себе не мог, каким облегчением для совести Элин оказались его слова. Девушка искренне обрадовалась, даже на несколько мгновений забыла, что перед ней сам великий и ужасный Тадеуш Моор. От этого забвения рядом с ним стало как-то свободнее и гораздо приятнее находиться. И ничего, что он продолжал возвышаться над Элин, точно та стояла у подножия грозного вулкана. На мгновение это показалось ей чем-то нерушимым, даже надежным.

— Вот блиин! Я же говорила! Ни хрена не увидим теперь! — разочарованные возгласы Ринко заглушили гулкие взрывы, за которыми последовали яркие вспышки света.

Элин подняла голову вверх. Тадеуш последовал её примеру и обнаружил, что темный небосвод окрасился лиловым. Мириады далеких звезд танцевали с огнями салюта, и это было действительно красиво.

— А по-моему, отлично видно, — все ещё храня улыбку на своих губах, прошептала Адалина. И только он слышал мог услышать её.

— Согласен.

Мужчина не только слышал, но и чувствовал. Чувствовал, что эти фейерверки в небе людям нравятся не из-за громких хлопков и разноцветных вспышек, а из-за чего-то другого. Названия этому «другому» было не подобрать, но и Тадеушу теперь, совершенно точно, тоже нравились фейерверки.

Семейный ужин событием можно было назвать праздничным, потому что устраивался он редко и только по выходным, когда инициатива главной женщины семьи Моор каменной стеной вставала на пути у Адальбо. Этот мужчина, с огромной, казалось, даже острой в округлостях черепа головой, никогда не мог найти достаточно времени для семьи. Конечно же, так считала его жена — Теула, которую никто не мог упрекнуть в глупых капризах или истеричной мнительности. Именно такая — спокойная и собранная — она понравилась новому главе клана Моор много лет назад, и именно такой она оставалась всегда.

Тадеуш никогда не видел, чтобы мать поддавалась порывам своих эмоций: сильно злилась или горько рыдала. Всего в ней было в меру, быть может, это и уравнивало импульсивность отца, которая по наследству досталась младшему сыну. Размышляя над этим, молодой мужчина плавно переводил взгляд с одного родителя на другого, а затем и на брата. Натан сегодня был напряжен как никогда, хотя и пытался скрыться за своей дежурной, ничего не выражающей полуулыбкой. Причина такого напряжения сидела рядом и очень бойко отвечала на вопросы Теулы.

— Маргарита, вы ведь выступали на фестивале «Золотого Колеса»? — спокойно поинтересовалась немолодая женщина.

Она расположилась по правую руку от Адальбо, который, казалось, был занят только поглощением пищи и распитием спиртного. Но Тадеуш точно знал, что отец внимательно слушает ответы девушки, приведенной его братом на сегодняшний ужин в качестве предполагаемой невесты.

— Да! Столько человек пришло посмотреть, я даже удивилась, ведь в прошлом году было гораздо меньше, — с широкой улыбкой, открывающей белоснежные ровные зубы, произнесла Маргарита.

И не было в этой улыбке ни тени лукавства, даже намек на лживость эмоций, девушка действительно светилась искренностью, что приятно удивляло. Такая смелость среди гостей их семьи встречалась не часто, а от любой молодой особы сложно было ожидать чего-то большего, чем смущение и страх при виде знаменитого на весь город семейства.

— Какой номер у вас был? — продолжала поддерживать разговор Теула.

— Я пела одну старую красивую песню, но она оказалась не так красива, как танец.

— Да, я знаю, что победила семья Россо. К сожалению, не имела возможности увидеть ни ваше, ни их выступление. Но у вас замечательный голос, я ведь слышала его и не раз. Что же это за танец, поразивший судей больше, чем ваше исполнение?

Внешне Тадеуш был спокоен и даже выглядел излишне расслабленным. Ужин удался на славу, потому как его развлекал вид старшего брата, который, наверное, потерял пару лет жизни от напряженного наблюдения за поведением своей девушки. Натан всегда был излишне хладнокровен, скрывая под хладнокровием постоянную и изнуряющую работу мозга, а так же волнения по поводу и без; характером он пошел в мать, но иногда вел себя слишком предусмотрительно. Не стоило так беспокоиться по поводу Маргариты, если именно её он выбрал себе в будущие жены.

Было бы забавно наблюдать и дальше за хмурым братом, но до слуха донеслось имя, которое Тадеушу вспоминать сегодня совершенно не хотелось.

— Адалина Бигейл? Не знала, что у Бигейлов есть ещё дочь, помимо Литиции.

— Пусть Тадеуш расскажет. Твой младший сын был членом жюри в этом году, — внезапно вмешался в беседу папа Адальбо. — А вы, Маргарита, можете потом поколотить его за то, что не дал вам первое место. Только давайте после свадьбы, так сказать, на полных правах члена семьи.

Молчание длилось пару секунд, но этого вполне хватило, чтобы среди присутствующих произошла разительная перемена в контрастах чувств. Во-первых, Тадеуш заметно напрягся, даже стал чем-то походить на брата: теперь уже младшему Моору не лез кусок в горло. Во-вторых, Натан, услышав последние слова отца, позволил себе облегченно улыбнуться. Теперь его мягкий взгляд был прикован к удивленной Маргарите.

— Действительно, Тадзио, что это был за танец? И правда ли девочка из семьи Бигейл так всех поразила? — Теула сидела рядом, поэтому ей не составило труда повернуться к сыну и взглянуть на него бледно-голубыми глазами.

— Семья Россо сделала постановку на сюжет «Винной песни», а эта девушка сыграла роль крестьянки, — Тадеуш сделал паузу, решая, как бы полнее ответить, чтобы избежать дальнейших расспросов на неприятную ему тему. — Они неплохо пели и танцевали, но, думаю, победили, благодаря тому, что немного изменили конец. Публике и жюри это очень понравилось. Мы оценили проделанную работу над сюжетом, костюмами и прочим, поэтому решили присудить первое место им. Я не возражал, тем более, что у Россо давно были проблемы с бизнесом, следовательно, призовые деньги потратятся с умом.

— Ох, ну ты как всегда, — мягко посетовала мать и обратилась с очередным вопросом к Маргарите.

Теула не любила такие ответы-отчеты сына, но большего от него она добиться не могла, потому что тот был вылитый отец. А вот Адальбо, наоборот, нравилось, что сын идет по его стопам и, прежде всего, решает всё рационально, даже прагматично.

Чайник свистел так пронзительно, что Ринко наконец очнулась от задумчивого созерцания раскачивающейся на стуле Элин и выключила газовую плиту. Приподняв за пластмассовую ручку горячую емкость и слегка пошевелив ею в воздухе, девушка разочарованно вздохнула. Вода в чайнике испарилась практически вся.

— Элин, может, маме твоей позвонить? — решила прервать молчание Ринко, когда заглянула в напряженное лицо подруги.

— Они с сестрой в столице, ты ведь знаешь, что у Литиции выставка, какое позвонить? — ответ прозвучал очень громко и раздражительно, от чего обе вздрогнули. — Прости, Рин.

Рыжеволосая девушка снова вздохнула и попыталась сжать губы в улыбку, но вышла только неуверенная гримаса. Её тихая и уравновешенная Элин говорила так несдержанно грубо только в моменты сильнейшего волнения, тогда, когда не видела никакого выхода из ситуации.

И сейчас, с большими бледно-зелеными глазами, блестящими от усталости и безнадежности, Адалина казалась ещё меньше, чем на самом деле. На стуле она устроилась как-то неуклюже: сидела на самом краю в такой позе, словно вот-вот готова была подскочить и помчаться на поиски. Но места для поисков закончились.

Как только Элин узнала, что её младшая сестра не появлялась ни в школе, ни дома три

дня, они с Ринко устроили целое розыскное мероприятие. К сожалению, выяснить удалось лишь то, что Джилин последний раз видели в компании её нерадивых друзей.

— Ну, а отцу, Элин?

— Он ведь в больнице, будет только хуже, если скажем. Да и что он сделает, ну, что? — голос её теперь стал надрывным, скомканным.

— Она объявится, вот увидишь!

— Почти четыре дня! Пойми, она ведь никогда не пропадала на столько! Максимум на второй день о ней уже сообщали из участка, а теперь что? Идти в полицию? А они станут этим заниматься? Да и тогда всё узнает папа. Второй инфаркт его добьет, — Элин продолжала говорить, не замечая, что глаза наполняются слезами: — Я не знаю, что делать, Рин, не знаю, где её искать.

Ринкарна смотрела на свою подругу и едва сдерживалась, чтобы тоже не заплакать. Жалость, сжимавшая её сердце, рвалась наружу, но девушка рассудила, что хоть кто-то из них двоих должен сохранять веру в лучшее.

Для самой Ринко семья Элин была чем-то странным. Каждый редкий раз, когда она видела этих людей, никак не могла понять, что их объединяет. Прожив со своими многочисленными родственниками в большом, шумном и очень уютном доме, рыжеволосая девушка знала, что такое любовь матери, поддержка старшего брата или же доверительные ночные разговоры с двоюродной сестрой. Ринко очень любила свою семью, любила папины шутки и мамины пироги, бабушкины салфетки, своих маленьких племянников и даже двух чьих-то ворчливых тетюшек, степень родства с которыми определить так и не смогла. Все всегда в этой семье делалось вместе, все проблемы решались сообща и никто никогда не отказывался помочь.

Что же до родных Адалины, то таковыми они только назывались. Отец хоть и любил своих девочек, но был истинным человеком искусства и слишком часто предпочитал работу над очередным шедевром времяпрепровождению с дочерьми. Мать, по мнению Ринко, родила своих двух последних детей без какой-либо на то причины, потому что в её жизни существовала только Литиция. Одаренная девочка с раннего возраста поражала своим воображением и умением переносить все фантазии на бумагу. Теперь Литиция знаменитый художник, работы которого рады принять все картинные галереи страны. Что же до двух остальных дочерей, то Адалина была хоть немного, но любимым ребенком, а Джилин не досталось даже этого. Когда Джил родилась, картина Литиции победила в международном конкурсе, и счастья матери не было предела. Через три года она отправилась вместе со своей талантливой девочкой в столицу, чтобы сопровождать несовершеннолетнюю дочь на первой в её жизни выставке. И тогда же, оставленные на попечение няни, Элин и Джил попали в первую в своей жизни, но «передрагу». С тех пор Адалина была единственной, кто чувствовал ответственность за жизнь младшей сестры, но жизнь эта неумолимо катилась по наклонной. Разве могла Элин сделать хоть что-то, когда сестру, за её безобразное поведение, отправили в пансион за пределами городка? Джилин вернулась оттуда изменившейся до неузнаваемости, а потом начались проблемы с алкоголем, наркотиками, полицией...

— Нам ведь могут помочь, — поймав внезапное озарение, произнесла Ринко.

— Твоих родных мы беспокоить не будем! Ни за что! — с готовностью возразила подруга.

Она кончиками пальцев потерла слезящиеся глаза, от чего тушь размазалась по коже.

— А я не про них. Давай сюда свой мобильник и иди умываться! — отчеканила

курносая девушка и протянула руку за требуемым устройством.

Отчаявшаяся Элин покорно отдала телефон, а затем направилась в их небольшую ванную комнату, где в зеркале увидела своё усталое лицо с угрюмым взглядом зеленых глаз.

Разноцветные бутылочки и баночки издавали свои разнообразные запахи, но больше всего выделялся гель для душа, чей кокосовый аромат резко вдохнула девушка. После такого же резкого выдоха Адалина внезапно поняла, кому с её телефона может позвонить подруга.

— Кому ты звонишь?! — воскликнула Элин, едва оказавшись на кухне.

Но со своим вопросом она опоздала, так как Ринко уже опустила старенький мобильный на стол.

По желанию Тадеуша Моора в ночном клубе стало настолько тихо, что можно было услышать шум прибоя за окном. Хотя море находилось на приличном расстоянии от здания.

Расположившись в невысоком кожаном кресле, молодой мужчина наблюдал за тем, как Эзра добавляет лед в свой виски. Но взгляд бледно-голубых глаз не был сосредоточен на чужих движениях, а скорее направлен куда-то внутрь.

— Как прошел ужин? — решил поинтересоваться Эзра, садясь напротив босса в такое же кресло.

— Хреново. Хотя у меня теперь есть невестка.

— Что ж, можно поздравить вашего брата с прекрасным выбором, — усмехнулся парень. — Маргарита Кинти одна из красивейших девушек нашего города, так что...

— Красивейших, — задумчиво повторил Тадеуш.

В его голове почему-то появились мысли о внешнем виде Адалины. Мог ли он сказать такие же слова о ней? И как бы она повела себя, оказавшись на месте Маргариты? Та своей бойкостью и открытостью понравилась отцу, но явно насторожила уравновешенную мать. И даже если решение оставалось за главой семьи, то одобрил бы он скромную светловолосую девушку?

— Как ты думаешь, Адалина бы понравилась отцу?

— Вы собрались жениться? — удивленно воскликнул Эзра.

Его ошарашенный взгляд метнулся от сосредоточенных черт лица босса к стеклянной емкости на столике рядом, и вернулся обратно. Нет, бокала коньяка было явно недостаточно для таких откровений со стороны Тадеуша. И при том, что разговор столь неожиданно перетек в нужное ему русло, Эзра все равно чувствовал нарастающую внутри тревогу.

— Ты свихнулся? — не понял молодой мужчина, но прежде, чем послать помощника далеко и надолго за такие дикие предположения, сам осознал глубину предыдущего вопроса. — Нет, я просто спросил. Забудь.

Молодой мужчина не то что не пробовал подумать над своими чувствами, а просто свирепел от одной мимолетной мысли, подсказывающей верный ответ.

— Вам же она, вроде как, понравилась, — осторожно предположил Эзра.

— Какая, к черту, разница?

— Действительно, никакой, — согласился парень, понимая, что попытка добраться до сути провалилась.

Прошло пару минут молчания, за которые Эзра успел опустошить свой бокал и даже придумать толковую тему для разговора. Но только он в неуверенном жесте провел ладонью по своим темным-каштановым волосам и собрался с мыслями, чтобы легче начать диалог,

как Тадеуш произнес:

— Мне сообщили, что Карин умерла.

Молодой мужчина понял сразу: Эзра знает, и, судя по лицу, давно. Побледневший парень растерялся в глазах босса лишь на миг, но тут же взял себя в руки. Если Тадеушу доложили, то это ещё ничего не значит, тем более, что у помощника были на сокрытие информации свои причины.

— Я не думал, что вас стоит беспокоить, рассказывая об этом.

— Выбросилась из окна, Эзра. Беспокоить стоило! — раздраженно заявил босс.

— Да, зависимость редко кто преодолевает, ещё и без последствий! Она не смогла, — попытался оправдаться парень, но притих под сердитым взглядом Тадеуша.

— Ты думаешь, я не понимаю, что именно из-за меня она опустилась?!

Так Эзра и думал, потому что знал этого человека не первый год. Темноволосый парень откровенно считал своего босса полным эгоистом, которого никогда не волновала судьба любой из женщин, брошенной им. Да и какое дело было Тадеушу Моору до рыжеволосой девицы, два года назад засунутой по его же инициативе в клинику Пакушо? Кто, спрашивается, виноват, что она не могла жить без этих наркотиков? Насильно уколы никто не ставил, все сама. Только так, наверное, и могла справиться с той дикой болью, которую оставляла страстная безответная любовь к мужчине. Хотя этот мужчина явно давал понять, что больше Карин ему не нужна.

— Поддержку оказали её семье? — уже спокойнее поинтересовался Тадеуш.

— Да, сразу же, — без тени улыбки ответил Эзра.

Он лично помогал сильно постаревшей матери хоронить тело Карин. До сих пор перед глазами темноволосого парня стояло это белое, морщинистое, залитое слезами лицо пятидесятилетней женщины.

Эзра был уверен, что его босса действительно не беспокоили муки совести, он просто прагматично просчитывал, как быстро избавиться от возможных в данной ситуации последствий.

Но парень ошибался, потому что Тадеуш, едва узнав о самоубийстве Карин, с тяжестью осознания понял, кто отчасти виновен в этом поступке. За прошедший месяц немало девушек сказали ему о том, что своей вседозволенностью он наносит непоправимый вред. Только одна из сказавших донесла эту мысль собственной смертью.

От затягивающего водоворота мрачных выводов молодого мужчину спас раздавшийся телефонный звонок. Эзра взглянул на экран своего мобильного и с удивлением в глазах поднес устройство к уху.

— Лина? Что-то случилось?

Но из динамика раздался другой голос, обеспокоенный тон которого сразу заставил темноволосого парня собраться с мыслями.

Тадеуш, услышав одну из форм знакомого имени, ощутил какое-то сковывающее напряжение во всем теле. Ему совсем не нравились такие полуночные звонки от светловолосой девушки. Звонки на мобильный Эзры.

— Что? — грубым тоном он потребовал отчета, едва его помощник положил трубку.

— Сестра Адалины пропала. Просили помочь в её поисках.

— Едем, — решительно сказал младший Моор, поднимаясь с кресла.

Количеством всевозможной мебели Тадеуш был удивлен не меньше, чем Эзра в свое первое посещение этой небольшой квартирki. Дверь им открыла Ринкарна, которая перед прибытием гостей успела привести в порядок не только себя, но и трясущуюся Элин. Последняя попыталась сначала разозлиться на предприимчивую подругу, даже произошло что-то вроде ссоры, но потом все-таки сдалась, не видя другого выхода.

Первая мысль, проскользнувшая в голове Адалины при виде Тадеуша, была до удивления нелепой: «До побеленного потолка он не достает». Но в небольшое помещение, заваленное разнообразными вещами, молодой мужчина вписывался, как слон в посудную лавку.

— Привет всем, — громко возвестил об их появлении Эзра.

— Здравствуйте, — неловко ответила Ринко.

Она никак не ожидала, что здесь окажется младший наследник семьи Моор, и потому пристально смотрела на него, позабыв о правилах приличия. Но тому было совершенно плевать на изумленную рыжеволосую девушку, он уже направлялся к кухонному столику, за которым сидела Адалина.

— Не думала, что ты приедешь, — тихо отозвалась девушка, едва Тадеуш остановился в полушаге от неё.

Элин смотрела куда угодно, но только не на молодого мужчину. Однако он заметил припухлые покраснения — признаки недавних слез. Казалось, что все, начиная от её лица и заканчивая загорелыми лодыжками, потеряло свою удивительную гибкую изящность, стало безжизненно острым, болезненным.

Он подошел, чтобы что-то что-то выяснить. Он хотел узнать подробности исчезновения её сестры, а потом приступить к поискам. Он думал, что будет действовать четко: соберет информацию, раздаст соответствующие указания своим людям. Но те переживания, которые так исказили весь её облик, привели мужчину в замешательство. Тадеуш не знал, какие слова говорят, чтобы чуть-чуть успокоить или немного взбодрить человека в подобной ситуации. Раньше не было никакой необходимости это знать.

— Ты найдешь Джилин? — всё так же тихо, всё так же наблюдая за стрелкой настенных часов, спросила Адалина.

— Только, если ты мне поможешь, — негромко ответил Тадеуш.

Ни Эзра, ни Ринко, наблюдая за разговором этих двоих, не решились вмешаться.

Она бессмысленно наблюдала за тем, как он ругается на кого-то через мобильный телефон. Казалось, тонкий экран треснет от изливаемого потока грубых высказываний, но этого не произошло.

— И чтобы через пять минут я получил толковый отчет об этом притоне! — закончил Тадеуш.

Четыре часа прошло с тех пор, как начались масштабные поиски семнадцатилетней Джилин Бигейл, а результатов не было никаких. Узнав, что её нет ни у друзей, ни у знакомых, Тадеуш спросил об итогах лечения в наркологической клинике.

— Ей там не помогли, — ответила Элин, даже не удивившись тому, откуда мужчине известна такая информация.

— Джилин всё ещё наркоманка, — недовольно высказалась Ринко.

— Рин, не надо так!

— А кто ей дает деньги на эту дрянь, а, Элин? Кто? — не обратив внимания на серьезный тон подруги, она продолжала свою тираду, — родителям ведь давно уже плевать на неё!

— Я даю ей деньги на еду! И не трогай родителей, они и без того многое сделали.

— Как же, сделали. Предоставили вас двоих самим себе, полная свобода воли! И ничего, что Джилин даже школу не закончила?

Тадеуш молча наблюдал за их размолвкой. И после, также ничего не говоря, он направился за Элин, которая шлепнула возмущающуюся Ринко по щеке и быстрым шагом покинула квартиру.

У невысокой ограды, где белели в полутьме большие лилии, мужчина внезапно понял, что это ещё одна сторона Адалины. И с этой стороны открывалась такая же стойкая, смелая и гордая девушка, но уже защищающая не себя, а свою семью. Какой бы та семья не была.

Она увидела, что Тадеуш остановился рядом, потому стала быстрыми движениями ладоней вытирать соленые капли на щеках.

— Знаешь, когда мне было десять, я случайно сломал отцовский компас. Это был подарок его старого друга, и отец очень дорожил компасом. Но влетело не мне. Мой старший брат, Натан, зная, каков отец бывает в гневе, взял всю вину на себя. Конечно, потом мы прикрывали друг друга несчетное количество раз. Но ту ситуацию со сломанным компасом я буду помнить всегда.

Элин вслушивалась в его ровный голос, как вслушиваются в рокот спокойного моря, и не замечала, что в глазах уже не осталось слез, а сердце сжимается от обиды не так сильно. Ответ её прозвучал почти шепотом:

— Когда Джилин исполнилось три года, мама уехала с Литицией в столицу, а мы остались на попечение няни. Няня была совсем старенькой, поэтому любила поспать на потрепанном кресле в нашей гостиной. И вот, едва она засыпала, Джил обязательно придумывала какую-нибудь затейливую игру. Только научившись кое-как бегать и лепетать по-человечески, она умудрялась залезать на самые непреодолимые высоты и оказываться в самых непроходимых дебрях.

Те дебри я тоже не забуду никогда. Она решила, что мы вместе должны охотиться на божьих коровок в оврагах на окраине города. Как назло в тот солнечный день этих жучков было полным полно, но прятались они в самых необычных местах. Забираясь всё дальше и дальше, мы не замечали, что овраги становились все круче, а земля у их края всё рыхлее. Думаю, неосторожно ступив на такую землю, Джил и упала. Как же я взволновалась, когда услышала её рёв. Она плакала не только от испуга, но и от того, что болела вывихнутая ключица. Не помню, каких усилий мне стоило вытащить её из глубокого оврага, даже не могу вспомнить, как мы потом оказались рядом с взрослыми. Но помню слова старой няни, которую, к сожалению, уволили после. Она сказала: «Ты её старшая сестра, и, порой, ей не на кого будет положиться, кроме тебя».

Адалина замолчала, потому что больше слов не нужно было ни ему, ни ей.

Спустя четыре часа после их разговора у Тадеуша снова зазвонил телефон. Элин вздрогнула, как вздрагивала несколько раз до этого, потому что не могла успокоить в себе

нервное чувство ожидания.

— Они нашли девушку, похожую на Джилин.

Едва услышав слова молодого мужчины, она сразу же поняла, что это её сестра. Разгоревшаяся уверенность оказалась сильнее любых сомнений.

Перед глазами стояла белизна, такая чистая, слепящая, что даже выступали слезы. Или слезы появились из-за чего-то другого? Элин замерла и попыталась выслушать молодого доктора в белом халате.

— Она в терминальном состоянии, но мы проводим реанимационные мероприятия. В любом случае, у всех есть шансы.

— Что за состояние, вы нормально сказать можете?

Голос лучшей подруги звучал где-то в стороне. Элин различала в нем нервные, надрывные тона, как будто слышала каждую мельчайшую частицу звука. Она ответила быстрее врача, она ответила только себе, чтобы удостовериться, что все происходит на самом деле:

— При смерти.

— Да, но мы делаем всё возможное!

— Делайте больше!

А эти слова были сказаны сильным голосом, резким, не терпящим возражений тоном. Он принадлежал тому, на кого можно было положиться, кто обязательно выполнит обещанное и даже поймет без потока ненужных фраз.

После ухода побледневшего доктора, Тадеуш наблюдал, как Адалина не мигая смотрела на горящую табличку с надписью «Реанимация». Тонкая фигура девушки утопала в большой голубой футболке, из-под нижних краев которой виднелись темно-красные шорты. Она и не думала сменить свои простые домашние вещи на что-то другое, мысли девушки были заняты только сестрой. Перед её глазами до сих пор стояло то полуразрушенное здание, с изрисованными граффити стенами и выбитыми окнами. Стекло, смешанное с мелкими камешками и осколками шифера, хрустело под ногами при каждом тяжелом шаге. И там, где-то в темном сыром подвале нашли Джилин. Первое, что увидела Элин — лицо, почти синее, точно лишенное воздуха, лицо, выпачканное чем-то грязно-бурым, такое незнакомое, но с такими родными чертами. Она упала на колени рядом с этим лицом, рядом с этим худым, изможденным телом в рваной одежде. Упала, чтобы почувствовать едва уловимую, задышающуюся жизнь в груди младшей сестры.

Сколько надежды хранила эта стойкая девушка, хотя надежды никакой и не было. Эзра сразу же сообщил Тадеушу, что притон, в котором обнаружили Джилин, оказался полон трупов. Передозировка тем самым наркотическим веществом. И сестра Элин была единственной, кто пока ещё подавал признаки жизни, после принятия этой дряни. «Пока ещё», — сказал Эзра, решивший непосредственно участвовать в поисках, и Тадеуш запомнил эту фразу. Запомнил, потому что во всех предыдущих случаях был летальный исход, и потому, что сказать об этом исходе следовало Адалине. Её сестра умрет, либо случится чудо.

Тадеуш никогда не задумывался не только над чудесами, но и над чувствами тех, кому нужно сообщить о чем-то плохом. Неизбежно плохом.

— Адалина, послушай, — произнес он, присаживаясь на серую больничную кушетку

рядом с девушкой. — Твоя сестра...

— Ты как-то сказал, что у меня волосы, точно цветы сакуры.

— Что? — он смотрел в её зеленые глаза и не понимал, почему она заговорила об этом.

— Была история... однажды ночью Джилин взяла из отцовской мастерской всю красную краску: акрил, акварель, гуашь, даже батик... Она смешала её на большой палитре и раскрасила мои светлые волосы. А я ничегошеньки не почувствовала, зато утром, вот утром был настоящий ужас, всё ведь засохло. А когда её спросили, зачем она это сделала, то Джил ответила просто: «Папа учил, что белый с красным будет розовый. Элин станет такой красивой, как сакура!» Волосы с тех пор отрасли на много, но розовый оттенок все равно остался, я не знаю, почему так. Но я знаю, что если она чего-то хочет, то обязательно этого добьется. Жить она хочет.

После они долго сидели молча. Тадеуш не стал говорить Адалине о том, что сестра её обречена. Быть может, он тоже немного поверил в чудо.

А за большими серыми дверьми, над которыми мигала табличка с надписью «Реанимация», точно бледнеющий рассвет очередного дня, возвращалась к жизни семнадцатилетняя девушка.

— Вооот это жопа! — с чувством произнес Саймон, когда они, наконец, добрались до нужного места.

— Да уж, пахать дня три, не меньше, — согласилась Ринко, приложив ребро ладони ко лбу, чтобы солнце не мешало оценивать фронт работы.

— Зажаримся, — констатировала Элин.

Она с наслаждением потянулась — размяла затекшие конечности. Копчик и пятая точка болели на этот раз не от сидения, а от того, что пришлось трястись и подпрыгивать в стареньком грузовичке. Они добирались до виноградных плантаций всего лишь двадцать минут, но из-за неровной грунтовой дороги успели наставить немало синяков.

Элин глубоко вздохнула и посмотрела вдаль. Чистейшее в своей акварельной голубизне небо раскинулось над длинными грядами виноградных кустов, за которыми разливались зелено-желтые цепи пологих холмов. Тут и там на них виднелись одиночные кипарисы, обжигаемые лучами яркого солнца. Воздух был тяжелый, влажный, пахло приторно сладкой землей. А за спинами возвышалась стена из желтого кирпича.

Эта стена, фазенда и прилегающие виноградники — всё принадлежало мадам Джулии. Во время сбора урожая она нанимала всех желающих заработать. Платила утонченная мадам не хуже других, а виноградники не желала продавать, потому что это была память о муже. Память, которая перерабатывалась в масло отличного качества и пользовалась на рынке косметики большим спросом.

— Наведаемся в дом или сразу за работу? — усмехнулся Саймон, чьими стараниями девушкам выпала возможность добыть немного денег.

Желающих попасть на эти плантации было полно, но смысленный парень знал, что договориться о подработке следует за пару месяцев до созревания винограда.

— Сверхурочно не работаем! — заявила Ринко и развернулась к фазенде. — Вперед!

Следуя за друзьями, Элин мысленно возвращалась к сестре, которая ещё не очнулась. Как она могла оставить Джиллин? Но Ринко пригрозила: если Элин не отправится с ней на плантацию и не отвлечется от всех этих поликлиник, то они с Саймоном притащат подругу сюда насильно.

Ещё одной причинной явилась мать. Едва услышав по телефону, что её младшая дочь снова куда-то «влипла» и чуть не погибла, она наотрез отказалась оплачивать больничные счета. Это было жестоко, но Адалина ничего не могла сделать. Оставалось лишь ждать ответа от Литиции, которая всегда помогала своим сестрам.

Элин решила, что ей нужен небольшой дополнительный заработок. А поскольку их «Мастерская» начинала работу только в октябре, то денежные средства у девушки были практически на нуле. Дошло до того, что в этом месяце весь груз арендной платы за их квартиру лег на плечи рыжеволосой Ринко. И как бы Элин не было стыдно, но её сестре помочь больше не мог никто. Отец, который буквально пару дней назад покинул стены больницы и сразу приступил к созданию очередного шедевра, так и не узнал, в какой ситуации оказалась Джиллин. Адалина просто побоялась рассказывать ему об этом, лишь намекнув, что сестре нездоровиться. В ответ он поведал дочери о новой вдохновенной идее и снова вернулся к своему холсту.

Элин физически чувствовала тяжесть навалившихся проблем, но думать о них уже не было сил. Сейчас девушку беспокоили только палящий небесный диск и легкий платок, который следовало надеть, чтобы не получить солнечный удар. Впереди её ждала пара дней кропотливой работы, разбавленной веселыми вечерами у костра на морском побережье.

— О! Кажется, сама мадам решила навестить свои владения.

Проследив за направлением взгляда Саймона, Адалина увидела белый автомобиль. Отсутствие крыши давало возможность разглядеть алый салон машины, которая, безусловно, принадлежала мадам Джулии. За этим средством передвижения следовало второе, не менее дорогое, но не такое вычурное. Метал другой машины стойко сохранял матово-серый цвет, отчего поверхность не отражала слепящие солнечные лучи.

— Эй, ребята, вы на плантации? — раздался громкий голос.

Из тени длинной акации вынырнул высокий худой мужчина лет пятидесяти.

— Так точно! — бодро ответила Ринко.

— Тогда вам ко мне, я отвечаю за распределение по рабочим участкам, — мужчина остановился в нескольких шагах от них. — Меня зовут Санхо.

Адалина успела заметить, что он слегка хромот на правую ногу, хотя это никак не отражалось на скорости передвижения. На его худом, словно иссушенном лице выделялись большие глаза с выцветшей карей радужкой и широко растянутый в длину рот, который озаряла улыбка.

— А вы тут местный управитель, да? — полюбопытствовала рыжеволосая девушка, на что получила таинственный ответ: «Вроде того».

— Мадам Джулия сегодня решила посетить фазенду, да и не одна. Так что, ребята, работаем до четырех, чтобы ближе к вечеру не мозолить глаза гостям.

— А завтра?

— Не расслабляйтесь, завтра как обычно.

— Ладно, — согласился Саймон, — какие участки наши?

— Следуйте за мной, — кивнул смуглый мужчина и направился в сторону виноградников.

Преодолев обратный путь и остановившись у гряд плантации, Элин поняла, что пора надевать платок. Она ловко сняла свой потрепанный рюкзачок из пестрой ткани и с характерным звуком расстегнула молнию переднего кармана. Но к её удивлению светло-зеленого платка там не обнаружилось, как не обнаружилось его и в других отделениях рюкзака.

— Вот там и там, до тех палок, ясно? Корзины стоят под кустом, видим? — втолковывал Санхо, пока Элин ещё раз обыскивала все карманы. — Приступаем, ребята!

— Эй, Лина, чего застряла? — Саймон навис над девушкой, сидевшей на корточках и копавшейся в своем рюкзаке.

— Да я платок не могу найти.

— Ну и фиг с ним, ничего не произойдет. Вон, кусты с тебя ростом, будешь почти в теньке.

— Э, нет, без головного убора не дело, — с досадой пробормотал Санхо.

— Забыла? Элин, давай я тебе шляпу свою дам? — тут же к разговору присоединилась Ринко.

Её озадаченный вид напомнил Адалине, сколько проблем за последнее время пришлось решить рыжеволосой подруге.

— Спасибо, но не надо. Я так, как-нибудь, — ответила Элин.

— Как-нибудь не пойдет, — задумчивый тон пожилого мужчины внезапно сменился утвердительным: — Есть у меня для тебя задание. А эти двое пусть тут работают, пойдём.

Элин облегченно вздохнула и, помахав друзьям на прощание, последовала за Санхо. Они обошли фазенду и оказались в небольшом саду, где сладко пахло розами. Их кусты пестрели повсюду самыми разнообразными оттенками: начиная от бело-голубого и заканчивая иссиня-черным. У начала сада находился недлинный туннель, арочную конструкцию которого украшали изумрудные листья винограда. Среди них едва различимо проглядывали светло-песочные гроздья.

— Здесь солнце тебе не грозит. Внизу не так много винограда, но ты пока собирай, а я скажу парням, чтобы стремянку принесли.

— Спасибо, — смущенно ответила Элин.

Выложенная камнем дорожка под её ногами была выметена очень чисто, она не заметила ни одного пожелтого листка или сломанной ветки. Адалина прошла по тоннелю и оказалась у широкой деревянной веранды, чьи белые ступени находились у самого входа в арку. На веранде были расставлены стеклянные столики и плетеные кресла с мягкими сиденьями. Видимо, именно здесь со своими гостями собиралась отдыхать мадам Джулия.

Пока Адалина опускала гроздья винограда в корзину, два русоволосых паренёк принесли старую стремянку. Они лишь поинтересовались, куда её поставить, и также быстро исчезли, даже не дав девушке шанса их как следует разглядеть. Впрочем, то, что она при возможной следующей встрече их не узнает, Элин заботило меньше, чем устойчивость стремянки. Переносная лестница заржавела в некоторых местах своей конструкции и выглядела хлипкой. Следовало бы пойти и попросить другую стремянку, но, во-первых, девушка не знала куда идти, а во-вторых, даже если бы и знала, то постеснялась бы. Поэтому Адалина аккуратно взобралась на третью ступеньку, решив, что пока такой высоты будет достаточно. Но едва она потянулась за первой гроздью, как стремянка подозрительно закрипела и опасно пошатнулась. Элин испугалась так, что крепко вцепилась в алюминиевые перекладины и замерла на месте.

— Если боишься высоты, то не нужно было туда лезть.

Она знала, совершенно точно знала, кому принадлежит этот голос. И хотела бы, чтобы его обладатель оказался последним, кому довелось увидеть её в очередной глупой ситуации.

— Я не боюсь, — пролепетала Элин и попыталась слезть с опасной конструкции.

— Стой.

Адалине пришлось снова замереть, что помогло задаться не таким серьезным, но всё же значимым вопросом: что здесь делает Тадеуш Моор? Пока она удивленно наблюдала за ним, он быстро спустился со ступеней веранды и подошел к стремянке. Его руки сжали металл опорных стоек, когда мужчина произнес:

— Теперь можешь спуститься.

— Тут не так уж и высоко, — смущенно отозвалась светловолосая девушка, уводя свой взгляд от чужого лица.

Почти полторы недели прошло с той ночи, когда нашли Джиллин, и это была их первая встреча после случившегося. Элин много раз задумывалась над своими ощущениями тогда, когда встретила Тадеуша на фестивале, и потом, когда он приехал, чтобы помочь. Все её мысли не вели к чему-то определенному, но девушка осознала, что ей совсем не страшно, когда младшему Моору от неё ничего не нужно. Кажется, целую вечность назад на той

крыше он дал обещание, хотя Адалина страшилась последствий своего отказа. И теперь она знала, что перед ней не просто эгоистичный наследник самой влиятельной семьи города, а, прежде всего, мужчина, которому держит слово.

— Из какой дыры они достали эту лестницу? — грубым тоном высказался Тадеуш, когда увидел, насколько старой оказалась стремянка. — Зачем ты вообще на неё залезла?

Элин заметила, что теперь ей не нужно высоко поднимать голову, чтобы заглянуть в лицо мужчине. Это её невероятно смущало, хотелось даже отвернуться, спрятаться, сделать что угодно, лишь бы не находиться так близко.

— Да я... — едва она хотела ответить, как её раздраженно перебили.

— Каким дебилем надо быть, чтобы притащить эту рухлядь сюда! Сейчас найду того, кто это сделал, и шею сверну!

— Подожди! — воскликнула девушка, как только мужчина, резко отпустив стремянку, сделал пару шагов к противоположному концу тоннеля. — Не мог бы ты...подержать её? Да, лучше поддержи, а я соберу виноград, его здесь немного. Пожалуйста.

Он остановился, чтобы вслушаться в этот негромкий мелодичный голос, который пытался произнести всю фразу так быстро, насколько хватало решимости.

— Хорошо. Соберешь и спустишься оттуда, — Тадеуш вернулся и вновь крепко сжал металл в своих руках.

— Угу.

Когда он отошел от стремянки, Адалина даже не поняла, что может упасть. Её волновали те безликие парни, которые принесли сюда старенькую лестницу. Если Тадеуш их найдет, а в его упорстве она не сомневалась, то точно что-нибудь сломает. Девушка решительно подумала о шишках, которые должны достаться только ей, но даже не ожидала, что раздраженный мужчина так быстро согласиться с ней.

— Эзра сказал, что твоя сестра всё ещё не вышла из комы. Осторожней!

Девушка поднялась почти на самый верх лестницы, чтобы дотянуться до винограда на потолке тоннеля. Забираясь выше, она совсем не думала о том, что её бедра, до середины обтянутые бежевой тканью шорт, окажутся на уровне глаз молодого мужчины. Он предпочел рассматривать молча далеко не из соображений тактичности.

— Нет, но состояние стабильное, — просто ответила Элин, с улыбкой вспоминая, как темноволосый парень через каждые два дня заглядывал в палату к Джилин, чтобы принести цветы, фрукты, и поинтересоваться о здоровье девушки. В последнюю их встречу, Адалина сказала ему, что нашла подработку на виноградниках мадам Джилин. Улыбка тут же слетела, как увядший виноградный листок.

— Ты один из гостей, да? — девушка должна была убедиться, что их встреча случайна, должна была услышать это от него.

— Сказать тебе настоящую причину моего приезда?

Когда она положила огромную спелую гроздь в небольшую корзинку, стоящую на плоской ступеньке выше, он едва закончил свой вопрос. Её тонкая рука так и осталась в корзинке, а сама девушка сверху вниз взглянула на Тадеуша. Зеленые глаза внимательно смотрели в бледно-голубые.

— Я не хочу, чтобы ты меня боялась. Адалина, я даже думать о тебе не хочу.

Слова с тем же смыслом он прошлым вечером говорил Эзре. А парень, понимая, что его босс впервые в своей жизни действительно влюбился, не знал, что предпринять. Но, тем не менее, как бы вскользь упомянул о поездке Адалины и её друзей, которая должна была

состояться на следующий день. Он даже сообщил, куда и зачем они отправятся. Дальновидный помощник был уверен, что босс найдет предлог попасть на фазенду мадам Джилин, несмотря ни на что.

Тадеуш до последнего момента не сомневался в своих намерениях провести выходные так, как провел и предыдущие: выясняя, куда делся тот злосчастный контейнер с проклятыми наркотиками. Но ранним утром сегодняшнего дня, когда Натан встретил его в малой столовой и сообщил, что мадам Джилин приглашала их погостить, молодой мужчина почему-то не смог отказаться. Конечно же, он не собирался встречаться со светловолосой девушкой. Пожалуй, ему бы просто хватило спокойного ощущения, что она где-то рядом. Срывает спелые, сочные кисти винограда и улыбается при далеком взгляде на залитые солнцем зеленеющие холмы.

И она срывала эти чертовы кисти, только оказалась гораздо ближе, чем просто рядом. Вышел бы он на веранду, когда заметил этот хрупкий силуэт, если бы не решил, что она может упасть из-за боязни высоты?

— А чего ты хочешь? — наконец спросила Элин, не в силах терпеть тягостное молчание. Она ожидала определенных слов, знала, что он может потребовать, да и вправе требовать, всего, чего бы ни пожелал. После спасения сестры она была ему обязана, хотя, даже не поблагодарила мужчину за помощь.

— Чёрт его знает, — неожиданно усмехнулся Тадеуш.

Элин послышалась в усмешке горечь, но она не успела понять его ответа, потому что мужчина продолжил:

— Ты закончила?

— Нет, но корзину нужно опустошить.

— Давай её сюда, поставлю на землю, а потом спустишься, — предложил собеседник, на что услышал самонадеянный ответ:

— Я сама отнесу.

— Отнесешь, не спорю, — это было сказано таким тоном, что Адалине сразу стало ясно: не позволит.

После того, как Тадеуш разобрался с потяжелевшей корзиной, он снова вернулся к стремянке, стараясь держать её очень крепко. Но это не спасло Элин от неосторожного шага. Ставя ногу на предпоследнюю ступеньку, девушка неожиданно соскользнула и чуть не полетела носом в алюминиевую конструкцию. Тадеушу пришлось использовать всю свою ловкость, чтобы одной рукой держать стремянку, а другой перехватить падающую девушку.

— Ох, — с облегчением выдохнула она.

— Я же предупреждал, — недовольно прозвучал его голос так близко от её уха, что Элин замерла.

Взгляды их снова столкнулись, только на этот раз лицо мужчины оказалось всего лишь в паре сантиметров от её собственного. Элин вздрогнула, а вместе с ней вздрогнуло сердце. Он почувствовал это и с неприятным ощущением подумал, что ей претят пусть даже вынужденные, но его прикосновения. Тадеуш не мог убрать свою руку от талии девушки, ведь тогда бы она точно упала.

— Ты без опоры и я не...

— Кажется, я больше не боюсь, — удивленно вымолвила Элин.

Она не собиралась говорить того, что только что осознала, глядя в его нахмуренное лицо. В то время как лицо это меняло свою вертикальную складку между прямых бровей и

свои плотно сжатые губы на чуть менее жесткие, выражающие удивление черты, сама Элин медленно краснела.

— Совсем? — тон его голоса неожиданно стал тише и, наверное, ещё ближе.

Прежде, чем ответить, Адалина неловко нащупала опору в виде предпоследней ступеньки и поставила на неё обе ноги, а затем также осторожно развернулась, не давая молодому мужчине возможности убрать руку. Наоборот, пришлось даже крепче перехватить девушку за талию, так как та снова умудрилась едва не свалиться.

— Что ты...

— Спасибо, Тадеуш, — перебила она мужчину и легко коснулась губами его щеки.

Он был настолько близко, что ощущалось удивление, шумной волной отозвавшееся в широкой груди.

— Что ж, — услышала она ответ, сквозь гулкие быстрые удары сердца, — можешь забыть моё обещание.

Элин, конечно же, поймет, что он имел в виду обещание оставить её в покое, но это будет позже. Сейчас же Тадеуш, зная, как рискует спугнуть зародившуюся надежду, приблизился к этой надежде настолько, что решил коснуться её теплых губ своими. Он не был аккуратен в движениях, он не думал о последствиях, он просто поцеловал хрупкую светловолосую девушку. А она, зажмурив глаза, осторожно приоткрыла рот в ответ, чтобы также потянуться к его губам. И даже металлические ступени, которые оставят недолгий отпечаток на её спине, не могли помешать прикосновению так, как сделал это чей-то громкий голос:

— Я, конечно, подозревал, что брат у меня казанова, но кто бы мог подумать, что ты умудишься найти девушку там, где в радиусе пятнадцати километров ни единой живой души!

— Я его позже убью, ты не против? — тихо произнес молодой мужчина прямо ей в губы.

Элин не была против, она даже не была «за», скорее, просто — не была. Смущенная до крайней степени, с ярким румянцем на щеках, девушка, наконец, спустилась со стремянки, и своим шагом в сторону дала Тадеушу понять, что руку с её талии следует убрать. Мысли в голове Адалины лихорадило от неловкости ситуации, а чувства в груди колыхало от чего теплого.

— Познакомишь нас? — с улыбкой поинтересовался мужчина, чьи черты лица так напоминали черты Тадеуша.

— Ой, Адалина! — неожиданно воскликнула темноволосая девушка, в которой Элин узнала Маргариту Кинти.

— Маргарита? — удивленно произнесла она, наблюдая, как та перегнулась через перила веранды и с любопытством оглядывает всех присутствующих.

— Адалина, значит? — переспросил Натан, память которого прекрасно сохраняла и обрабатывала информацию. — Ну, дорогой брат, это уже совсем нечестно. Скажу отцу, что член жюри из тебя хреновый.

— Заткнись, Натан!

Элин чувствовала, что Тадеуш начинал злиться, и снова это происходило из-за неё.

— Адалина, присоединяйся к нам! — беззаботно предложила Маргарита.

— Ты, конечно, засранец, но я не в обиде. Хотя мог бы, в таком случае, первое место и невестке отдать, — старший брат явно шутил, забавляясь тем, что в семье никто даже и не

подозревал о новой страсти младшего.

— Ещё слово и я тебе сломаю шею!

— Извините, мне нужно работать!

Неоправданно громкий тон заставил всех обратить внимание на Элин. Она резко подняла корзинку и развернулась, чтобы отнести её к ящикам по другую сторону сада. За минуту до того, как она быстрым шагом направилась к выходу из тоннеля, Тадеуш смог уловить выражение её серьезных темно-зеленых глаз. Возможно, именно из-за этого взгляда он и не решился следовать за ней.

— И зря ты так, Натан, она победила честно, — проводив взглядом фигуру Адалины, задумчиво произнесла Маргарита.

— Знаю, но Тадеуш мне редко угрожает из-за девушки, на это стоило посмотреть.

— Эй, я ревную! — смешливо воскликнула молодая особа, чьи темно-каштановые локоны все ещё волнами струились за перилами веранды.

— Не свались в розы.

— Я вас двоих сам сброшу откуда-нибудь повыше, если будете мне об этом напоминать, — раздраженно прорычал Тадеуш.

Поднимаясь по ступеням, он сильно задел плечом старшего брата и даже не подумал извиняться.

Мадам Джулия с присущим ей изяществом аккуратно отделила маленькой ложечкой немного клубничного парфе и поднесла его ко рту. Не так медленно, но одинаково осторожно ела десерт и Маргарита, сидящая рядом. Женщины изредка перебрасывались несколькими короткими фразами относительно вкуса еды, запаха роз, настроения мужчин и прочего. Что же до настроения, то у одного из них — Натана — оно было превосходным, а у другого — Тадеуша — ни к черту.

Оказавшись на веранде, компания из четырех человек расположилась по правую сторону от виноградной арки, чтобы та не загораживала вид на благоухающий пестрый сад. Также арка теперь не загораживала холмы и далекие плантации у их подножия, которые напомнили Тадеушу о закончившемся терпении. Он вглядывался в виноградники, чью нежную зелень окрасила золотая волна закатного солнца, и уже почти решил, как ему следует поступить.

— Санхо, что там делает лестница? — негромко поинтересовалась мадам Джулия, когда пожилой мужчина поднимался по ступенькам.

Он хотел сообщить хозяйке, что рабочие на плантациях уже закончили, но вместо этого пришлось вспомнить о стремянке, так и оставшейся стоять в тоннеле из винограда.

— Простите меня, мадам, совсем вылетело из головы. Я сейчас же скажу парням, чтобы убрали.

— А, вторая ступенька — места для поцелуев, — произнес Натан, стараясь не встречаться взглядом с младшим братом.

— Стремянку нужно выбросить, — отозвался Тадеуш, — конструкция стара настолько, что разваливается на глазах!

— Не пойму, чем тебе не угодил эта лестница, Тадеуш, но если уж так, то пусть её выбросят. Санхо, ты сделаешь это? — спокойно расставила всё на свои места мадам Джулия и положила последнюю ложечку парфе в рот.

— Конечно, мадам. Я хотел вам сообщить, что сбор винограда на сегодня окончен.

— Замечательно. Можешь идти, — кивнула женщина.

На Санхо, казалось, больше никто не обращал внимания, и он спокойно покинул веранду, чтобы выполнить поручение хозяйки. Но Тадеуш проследил за тем, как высокая фигура пожилого мужчины скрылась в арочном туннеле, а после перевел осторожный взгляд на брата. Натан держал в руке бокал с красным вином и рассказывал дамам какую-то занимательную историю. Обе женщины слушали его по-разному: Маргарита с улыбкой и должным вниманием, присущим влюбленной девушке, а мадам Джулия с отстраненной вежливостью, так как думала о чем-то своем. Сам же Тадеуш внимал только звукам за пределами веранды. Его не интересовал стрекот в саду и шелест легкого ветра в листве, только шум в пределах виноградной арки. И едва этот шум стал удаляться, молодой мужчина поднялся с кресла.

— Ты куда? — спросил Натан, заметив, что брат направился к ступеням веранды.

— Прогуляюсь, лучше не ждите, — без всяких эмоций в голосе ответил Тадеуш и нырнул в тусклый тоннель.

Через полчаса, когда солнце совсем скроется за пологими холмами, здесь будет мягкий

полумрак. Но пока молодой мужчина ещё мог различить каменную кладку под ногами и фигуру по другую сторону арки. Именно за этим силуэтом он неспешно последовал, чтобы на достаточном расстоянии от веранды окликнуть его и прибавить шаг.

Санхо не торопясь шел к западной стене фазенды, где находились большие мусорные баки. Стремянка была не очень тяжелой для такого крепкого человека, но останавливаться с ней, когда раздался чей-то голос позади, оказалось неудобно.

— Скажи мне, наемные рабочие ночуют здесь? — спросил Тадеуш, разглядывая алюминиевые ступени лестницы в руках у пожилого мужчины.

— Да, в отдельных постройках от основного здания. Но там сейчас никого нет, — пробормотал Санхо.

— Они уехали в город?

— Нет, зачем им туда? Молодежь же одна, вот и отправились к морю, веселятся, костры жгут. Тут, тем более, совсем близко, если через виноградники идти.

— А если на машине?

— Так дальше по трассе.

— Благодарю, — задумчиво кивнул Тадеуш и направился к подъездной аллее.

Удивленно наблюдая за удаляющейся спиной в темно-голубой футболке, Санхо никак не мог уловить смысл разговора. Но он больше и не пытался, так как стремянка напомнила своей тяжестью о том, куда следовал мужчина. А ведь та тихая светловолосая девушка предупредила его, что гости вышли на веранду, и что там она собирать виноград уже не может. Следовало убрать стремянку раньше, но Санхо совсем позабыл об этом.

Тадеуш огибал розовый сад, приторные запахи которого уже изрядно раздражали. При своем стремительном шаге он также быстро достал телефон и открыл меню контактов.

— Извините, босс, — донесся взволнованный голос из динамика, спустя немалое количество гудков.

— Ты там оглох? Эзра, мне нужен её номер, — с нетерпением озвучил свое требование Тадеуш.

— Чей?

— Эзра!

— А, Адалины! Я вам сейчас перешлю.

На этом разговор их был окончен, и молодой мужчина распахнул дверь своего автомобиля. Телефон точно приземлился на соседнее с водительским сиденье, а сам Тадеуш оказался за рулем.

Далекая полоса горизонта почти проглотила сверкающую медную монету, но море всё ещё перемешивало свои темно-сливовые воды с рыжей краской солнца. Адалина спокойно наблюдала за уходящим днём и тихой рябью волн, сидя на теплом зыбком песке. Рядом кипела жизнь: приносили ветки для костра, доставали съестные припасы из сумок, много болтали и смеялись. Но она, погруженная в свои мысли, не слышала суеты вокруг, её пространство наполняли протяжные крики чаек и тихий рокот моря. Пожалуй, она бы сидела так ещё очень долго и думала о том, что не рассказала Ринко о встрече с Тадеушем.

После того, как Элин буквально сбежала от компании молодых людей, ей пришлось вернуться к плантациям за пределами фазенды. И невероятной удачей было то, что у ящиков,

куда сгружали заполненные гроздьями корзины, девушка повстречала свою бывшую одноклассницу. С её слов стало ясно: она уже получила деньги за работу и собирается обратно в город. Адалина так обрадовалась этому факту, словно ухватила за последнюю соломинку, потому что одноклассница без проблем согласилась отдать светловолосой девушке свою широкополую шляпу с лентами.

Тут же, у ящиков, обнаружилась и хозяйственная постройка, из которой доносился голос Санхо. Элин робко постучала в деревянный дверной косяк, обратив на себя внимание, и сообщила смуглому пожилому мужчине, что собирается присоединиться к своим друзьям. Они же немало удивились, когда увидели Адалину в огромной желтой шляпе, которая, несмотря на свой размер, очень шла девушке.

Спустя час после окончания плодотворной работы все трое отправились на ближайший пляж. Ещё во время сбора винограда общительная Ринко разговорилась с остальными ребятами на плантации и теперь у костра собралась большая компания.

— Элин, ужин, — улыбнулась курносая подруга, протягивая девушке ломоть ржаного хлеба и поджаренную на костре сосиску.

— Спасибо, — отозвалась она, взяв еду.

До носа тут же долетел запах подгорелого мяса, а руки испачкались сажей.

— Именно поэтому из нас двоих кулинарю я.

— А зато поджаристая!

— Пригорелая, я бы сказала.

— Зануда, — хмыкнула Ринко и сразу же заговорила о другом, — сегодня танцуем? А то я уже обещала!

— Ну, раз ты уже обещала.

— Эй, Элин.

— А?

— Что-то случилось? — негромко спросила Ринко.

Её обеспокоенный взгляд и мгновенно слетевшая с губ улыбка отозвались в сердце Адалины теплой благодарностью.

— Нет, не волнуйся, я просто устала, — проговорила светловолосая девушка, — вот сейчас ещё немного отдохну, и мы с тобой спляшем им под «Винную песню».

— Ладно, — вздохнула подруга. — Тогда пойдем, я заставлю Саймона играть нам на бузукке.

— Я думала он с гитарой! — удивленно воскликнула Элин.

— Решил выпендриться, — в ответ девушка лишь пожала плечами.

Пока эта стройная, рыжеволосая особа в своих коротких джинсовых шортах и белой майке давала ненужные указания Саймону по игре на инструменте, Адалина успела съесть незамысловатый ужин.

Солнце окончательно скрылось за горизонтом, и пляж стала окутывать мглистая дымка надвигающейся ночи. Казалось, что костер разгорелся ярче, и своими красно-оранжевыми всполохами может добраться до самих звезд. Хотя те были едва различимы на темнеющем небосклоне.

— Элин, идем! — звонкий голос Ринко прорвался сквозь толпу, окружившую огонь, и светловолосая девушка оказалась в самом центре.

Воздух вокруг наполнился знакомыми звуками — Саймон извлек их из тонких струн — а ночь обрела пестрые краски.

Все вокруг смотрели на танцующих с интересом, подпевали, хлопали, а Ринко и Элин видели только пылающее пламя, да мелькавшие в круговерти пляски размытые лица.

К концу первого куплета рыжеволосая девушка пригласила присоединиться к танцу кого-то из толпы, а на середине припева и остальных. Кажется, что их бедный музыкант и сам хотел присоединиться к общему веселью, но ему приходилось раз за разом повторять одну и ту же мелодию. В конце концов, Саймон совершенно устал и, когда звуки бузуки внезапно затихли, а толпа недовольно загудела, парень заявил:

— Все ундина, слезла чешуя! Дальше — платно!

Делая глубокие вдохи и выдохи под дружный смех ребят, Адалина почувствовала вибрацию телефона в заднем кармашке своих шорт. Она решила ответить подальше от шума. Отойдя на достаточное расстояние, Элин удивленно взглянула на светящийся экран, где горели цифры незнакомого номера. «Может быть из поликлиники?» — подумала девушка, и сердце внутри сжалось в комок. Но ему пришлось дрогнуть как минимум пару раз, едва она, приложив мобильный к уху, услышала своё имя.

— Тадеуш?

— Я жду у обочины, — донеслась бесцветная фраза в ответ, и вызов был прерван.

Элин с ещё большим удивлением посмотрела немного вверх и заметила высокую фигуру, стоящую у барьерного ограждения.

В отличие от дороги, пляж находился уровнем ниже, и к нему приходилось спускаться по ступеням широкой деревянной лестницы. В первый раз девушке показалось, что эта лестница очень длинная, но сейчас она преодолела её в несколько секунд. Причина такой спешки была не в том, что Тадеуш Моор не любил ждать (Адалина даже не вспомнила этого), а в том, что он мог спуститься к ней сам. Это привлечёт много лишнего внимания, да и Ринко станет задавать вопросы, на которые пока не хотелось отвечать.

— Как ты нашел меня? — чуть отдышавшись, произнесла Элин.

— Это было несложно.

Своей уклончивой фразой и странным взглядом бледно-голубых глаз Тадеуш заставил девушку насторожиться. Но то, что показалось странным, вдруг приобрело мягкость, которая отразилась и в голосе:

— Ты танцевала.

— Да, — с облегчением вздохнула Элин.

Глупо было торопиться. Он приехал не только что, если успел увидеть танец. Он действительно ждал. И не стал бы спускаться к костру.

— Тогда, в клубе, почему ты не хотела танцевать?

— Там бы ты не стал ждать.

— Вот как, — Тадеуш на мгновение замолчал и перевел взгляд на потухающую полосу горизонта. — Странная перемена.

До его слуха донесся шорох придорожного песка из-под чужих легких шагов, но он никак не ожидал, что эти шаги направятся к автомобилю. Когда Тадеуш снова обернулся, Элин восхищенно произнесла:

— Какая красавица!

— Не думал, что тебе нравятся машины, — отозвался молодой мужчина, с жадностью ловя взглядом легкие прикосновения подушечек её пальцев к матовому капоту.

— Не все. Я в них совсем не разбираюсь, но мне очень нравится, когда у машины такая вот форма. Хм, как это, обтекаемая, что ли? — с улыбкой пояснила девушка.

— Вроде того, — кивнул он в ответ.

— Линии плавные, но при этом смотрится очень мощно.

— Мне придется поджечь свою машину, если ты не замолчишь.

Повисло молчание. Оно сопровождалось лишь шумом людей у костра и едва различимым рокотом моря. У Элин на губах остался невысказанный вопрос, ответ на который она получила, едва взглянув на Тадеуша.

— Ты жестокий.

Он не заметил неловкого движения, которое она сделала навстречу ему, потому что смотрел лишь в темно-зеленые глаза на серьезном лице.

— Знаю.

— Ты эгоистичный.

Решительность переполняла её прыгающее сердце в той же мере, что воды переполняли море за спиной молодого мужчины. Но вместе с тем девушку не покидал боязливый трепет, который она испытывала при каждом робком шаге.

— Знаю.

— Ты самоуверенный.

— Адалина, я знаю!

Только теперь Тадеуш увидел, что она совсем рядом, сто ит лишь слегка протянуть руку и вот...

— И ты ведь знаешь, как меня зовут друзья, — широко улыбнулась девушка, но это не скрыло дрожь в тихом голосе.

— Лина.

— Это для всех.

— А я не все?

Знала бы сама Адалина, каких усилий ему стоило оставаться спокойным при этих словах.

— Просто Элин. И ты мне нравишься, Тадеуш. Нравишься, потому что я могу тебе доверять. Потому что твоя жестокость — это твоя сила. Потому что твой эгоизм — это твоя решимость, а твоя самоуверенность — это твоя воля. Ты всегда знаешь, чего хочешь, но не всегда считаешься с желаниями других. Но мне ты дал обещание, и не смей его нарушать!

— Требование? — усмехнулся младший Моор, едва она закончила свой монолог.

Это покрасневшее создание, которое ему все больше хотелось заключить в объятия, изрекало довольно проникновенные мысли.

— Да! И выполняй его до тех пор...

— Только на секунду. Ты все ещё помнишь, чей я там наследник, и что вообще очень страшный человек?

Любой бы посчитал сказанную фразу угрозой, но нельзя же угрожать с такой улыбкой на лице. Едва ли не впервые наблюдая за тем, как уголки его вечно прямых губ немного приподнимаются и растягиваются, Элин удивленно притихла. Из головы почему-то разом выскочили все мысли. Тадеуш воспользовался её минутным замешательством и осторожно опустил свои большие руки на тонкую талию. Ему пришлось наклониться, чтобы их лица оказались на одном уровне. Светловолосая девушка тихо рассмеялась:

— Ты такой высокий! Мне придется каждый раз становиться на стремянку, если...

— Если что? — негромко произнес Тадеуш, с удовольствием наблюдая её смущение. — Если захочу тебя поцеловать?

Голос его был совсем рядом. Так близко находились губы. А теплые руки окутывали с некой грубой аккуратностью. И потом этот поцелуй, на который она решилась сама, который так боязливо отдала ему, не осознавая, что своими нежными прикосновениями лишает молодого мужчину возможности трезво мыслить.

Серую стену делила ровная полоса зеленого цвета, как раз на уровне глаз Адалины. Обычно ей казалось, что по этой полосе, точно таракан, ползет тоска, а за ней плетется сонливость. Обычно — это когда в больничной палате было тихо до такой степени, что писк приборов казался барабанными ударами. Обычно — это когда остро пахло медикаментами и хлорной известью. Обычно — это когда Джилин в своей обездвиженности выглядела, как мрачная восковая кукла.

Пусть мрачность и осталась в виде кругов под глазами и мертвенной бледности, но на воск кожа девушки теперь не походила. И запахи таблеток неожиданно ушли благодаря аромату сочных яблок. А зеленая полоса стала изумрудной травой, тянущейся к жизнерадостному солнцу.

— Блин, чего лыбишься? Дай мне ножницы! — требовательный возглас Джилин разнесся по палате и даже выскочил в коридор.

На секунду к ним заглянула женщина в белом халате, чтобы удостовериться, что все в порядке.

Элин продолжала приподнимать уголки губ и смотреть на сестру с необыкновенной теплотой в глазах. Вслушиваясь в её громкий, чуть хриплый голос, светловолосая девушка заново возвращалась к тем волнообразно гудящим ощущениям внутри. Они преследовали и настигали Элин за эти несколько дней слишком часто. Не так ли чувствуется счастье?

— Не получишь ты ножницы, пусть волосы отрастают, — спокойно ответила Адалина и продолжила очищать яблоко от кожуры цвета рубина.

На лице Джилин, казалось, каждая черта выражала недовольство, которое вылилось в резкое дерганье крашенных черных волос. За то время, пока девушка была без сознания, пряди немного отросли, и теперь она напоминала взерошенного воробья. Элин считала, что это гораздо лучше, чем её прежний мальчишеский вид.

— Я до них доберусь сама! — воинственно заявила Джил.

— Обязательно. Как только окрепнешь и сможешь нормально держаться на ногах, — серьезно произнесла её сестра. — Что тебе сказал доктор?

— Блин, ну я ему говорю: «И чё я здесь забыла?», а он мне: «Вы, милая моя, доигрались с наркотиками!». Вот я выпала, ты представь? Доигралась! Да я вообще первый раз иглой пользовалась, что за хрень он нес?

Элин положила очищенное яблоко в глубокую тарелку и взглянула на девушку самой темной зеленью своих глаз. Оттенок этот был такой, какой бывает у беспокойных деревьев во время беснующихся порывов ветра перед ураганом.

— Джилин, это не шутки. Ты ведь обещала мне, — казалось, тон её голоса остался тем же, но чувствовалось что-то грустное в этих коротких фразах.

— Я завяжу! — тут же возмутилась собеседница, не понимающая, почему ей не верят. — Больше не притронусь к наркотикам!

— Тебе что, понравилось в Пакушо?

— Нет, мне ни хрена не понравилась эта дыра!

Адалина решила больше ничего не говорить разозлившейся сестре. Но та сама продолжила диалог:

— Кстати про то и сё. Помнишь, когда с фруктами появился этот мистер тридцать два, я сказала, что где-то видела его рожу?

— Да, помню.

Появление Эзры, как обычно неожиданное, вызвало совершенно разные реакции. И если Элин приветствовала молодого человека доброжелательной улыбкой, то её сестра сразу же заявила: «О! Я тебя точно где-то видела!» Но пока она вспоминала, где же видела темноволосого парня (да так тогда и не вспомнила), его широкая улыбка таяла на глазах. Наблюдая за тем, как лицо Эзры меняется от радостно-приветливого до сердито-раздраженного и обратно, светловолосая девушка немало удивилась. Но потом парень вел себя как ни в чем не бывало, даже на дерзкие высказывания Джилин реагировал спокойно. Поэтому Элин благополучно выбросила бы эти мимолетные перемены из головы, если бы сестра снова не заговорила о них.

— Так вот. Я вспомнила! Я рассказывала тебе про Карин? Ну, ту болтливую девушку, с которой мы вместе бегали покурить на крышу клиники? Единственный нормальный человек, среди всего этого полумертвого сброда!

— Да, да, рассказывала, а вспомнила о чем? — Элин пришлось поторопить сестру, так как часы внезапно подсказали, что время посещения подходит к концу.

— Да об этом Эзре и вспомнила! Мать Карин её часто навещала, слезливая такая тетушка, но несколько раз приходил он, — словно в подтверждение своих слов Джилин хлопнула ладонью по белой простыне.

— Ну, может, это была его знакомая или девушка, кто знает, — безразлично отозвалась Адалина и поднялась со стула. — Мне пора.

— Эй! Лин-лин, если встретишь этого Эзру сегодня, то спроси, как там дела у Карин?

— Спрошу я, только, пожалуйста, не зови меня этим детским прозвищем, — проворчала Элин.

— Вали, вали, нянька, — беззлобно произнесла Джилин, заметив, что в ответ ей лишь рассеяно улыбнулись.

Покидая палату сестры, Адалина думала о том, что сегодняшним вечером может и увидит Эзру, но только при одном условии: если ей хватит смелости.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Последний разноцветный фантик присоединился к общей кучке на столе, и озадаченная пустой конфетницей Ринко потянула руку за шоколадным печеньем.

— Эх, а я даже не отдохнула, — решила пожаловаться девушка, рассыпая крошки печенья на стол и на две мусорные горки. Одна состояла исключительно из оберток недорогих шоколадных конфет, а другая — из скорлупы фисташек.

— Откуда фисташки-то? — поинтересовалась Элин. — В наших магазинах их редко встретишь! Оставила бы мне немного, обжора.

— Да мне самой чуть-чуть дали! О, кстати, щас я тебе поведаю на какого чудика сегодня наткнулась!

Когда рыжеволосая девушка заканчивала фразу, собеседница уже едва слышала её. На той части скатерти, куда ещё не успела попасть неряшливость Ринко, лежал мобильный телефон Адалины. И стоило ей опять взглянуть на его потертую, серебристую поверхность, как все мысли в голове сливались в одну. Она должна была просто позвонить. Это следовало сделать ещё вчера, а лучше всего позавчера, но можно было перенести и на завтра. А

послезавтра? Послезавтра, конечно, тоже хорошо, но уже как-то слишком. Тадеуш снова дал ей обещание, однако ограничил его пятью днями, сказав, что ни в коем случае не станет ждать больше. А если она в течение этого времени не сумеет решить, чего хочет, и сама не позвонит ему, то пусть «пеняет на себя». Условия, конечно, были выдвинуты не самые лучшие. Теперь Адалине оставалось лишь взять в руку мобильный и нажать кнопку вызова.

— ...и этот чудик с каким-то невообразимым светловолосым лесом на голове спрашивает у меня, где у нас тут развалины старинного замка. Думаю: «Какие ещё развалины?», а потом до меня доходит, что он о тех доисторических валунах, что валяются у Трэсхи. И вот честное слово, если бы не тот твой доклад об архитектурных памятниках древности, хрен бы я вообще поняла, чего от меня хочет этот парень! Ну, в общем, ткнула я ему пальцем в сторону вулкана, говорю: «Видишь гору здоровую? Вот это потухший вулкан Трэсха. К нему одна дорога ведет, а там, где она кончается у его подножья, поворачиваешь налево». Он забеспокоился, что заблудится, и настойчиво стал уговаривать меня побыть проводником, — Ринко расплылась в самой очаровательной из своих ехидных улыбок. — Ха! Нашел дуру! Я ему отвечаю, что каждая собака знает, как туда добраться, и пусть вообще спрашивает на выезде из города. Говорю, мол, прости-прощай и собираюсь улепетывать, а он меня рукой так галантно придержал, я аж насторожилась, ну, думаю, щас придется отбиваться! Но нет, сунул мне в ладонь жменьку фисташек и поблагодарил! Во, дурило! Я-то все думаю, чем он там щелкает во время нашего разговора?

— А мне доклад по архитектуре предложили расширить до исследовательской работы, — негромко отозвалась Элин.

Не сильно удивленная тем, что подруга не отреагировала должным образом на её рассказ, Ринко так же легко продолжила развивать новую тему:

— Вот и займись. Тебе все это нравится, а лишние баллы никому ещё не вредили, — девушка отправила в рот вторую половинку печенья и запила её едва теплым чаем.

— Территория у подножия Тресхи, включая развалины старого замка, принадлежит семье Моор и давно обнесена забором.

— А, так тот турист с фисташками только и сможет, что поглазеть издали? Забавно, — курносая собеседница немного посмеялась, но затем притихла, будто что-то вспомнив, — стоп, а для тебя-то это разве проблема?

И снова приятный смех Ринкарны наполнил их квартирку, в которой полумраком вечера расплывались призрачные тени на стенах, а сладкие запахи заполняли легкие.

Адалина не слышала вопроса подруги. Она не особо задумывалась и над своими ответами ей, потому что мысленно решала, как следует поступить. Стоило ли тянуть до последнего момента для того, чтобы озвучить своё робкое решение или же... Девушка резко схватила телефон и поднялась. Её ноги, напряженные из-за продолжительного сидения, потребовали движения. Она прошлась несколько раз от небольшого деревянного стола, где сидела растрепанная Ринко, до диванчика с пестрым пледом.

— Знаешь, Элин, хватит трусить. Просто позвони ему, — неожиданно серьезно проговорила подруга.

— Кому? — девушка застыла на полпути к дивану и крепче сжала мобильный телефон в руке.

— Тому, с кем провела полвечера прошлой субботы. Или ты думаешь, что с пляжа вас двоих не было видно?

Адалина повернулась, чтобы посмотреть на рыжеволосую подругу, чей внимательный

взгляд и нетипично спокойный вид говорили о многом. Её вечно смеющиеся солнечные черты лица, дергающиеся при постоянном движении кудряшки и что-то жующий рот — все это замерло.

— Прости, я хотела рассказать, как только сама разберусь, — виновато пробормотала Элин.

— То есть, когда пятого родишь? — без тени злобы усмехнулась Ринко. — Я и вижу, как ты разбираешься! Третий день сама не своя, в стены залипаешь, чуть ли не с чайником разговариваешь каждое утро! Либо ты ему звонишь, либо звоню я и говорю, что ты выходишь замуж за другого!

— Не надо! — возразила Элин, пряча телефон за спину, словно это могло как-то убереечь его от цепких пальцев рыжеволосой подруги. — Я сама!

— Ты же уже все решила! Я даже уверена, что тем же вечером, дубина! — та возмутилась в ответ и грозно поднялась со стула. — Даю час на болтовню, пока я плаваю в ванной! И спаси тебя Вивианна, засранку такую, если не выскажешь этому индюку все, как есть на самом деле! Ясно?

— Ясно, ясно, — испуганно закивала девушка.

Она даже отступила на шаг, когда подруга проходила мимо, чтобы на всякий случай убереечь свой телефон от посягательств.

— Надеюсь, Тадеуш со своими ребятами не зайвится сюда, когда я вся такая раскрепощенная буду выплывать из ванной в одном полотенчике, — нахально заявила Ринко перед тем, как хлопнуть дверью.

Когда кончилось семейное собрание, и Адальбо грозно объявил: «На этом всё», внутри Тадеуша закипела настоящая ярость. Помимо того, что от передозировки наркотиками погибло ещё два подростка, в городские слухи каким-то непостижимым образом просочилась информация о том, что к смертям причастна семья Моор. Только определенный круг лиц знал об этом чертовом контейнере с наркотиками, и тот же круг знал, кому контейнер принадлежал. А из этого следовало, что кто-то проделал дыру в большой семейной бочке и тихо сливает драгоценное вино в массы. Подозревать своих было последним, чего хотел бы Тадеуш, но после того, как отец четко дал понять, что сыну пора бы разобраться с проблемой, он другого выхода не видел. Его контейнер — его оплошность, а за собой следует подметать, даже если могут подмести другие.

— Черт его знает, как разгребать эту хрень! — прорычал Тадеуш, когда они с Эзрой направлялись в малую гостиную.

— Я сам не пойму, даже допросив сестру Адалины, ничего не удалось выяснить. Джилин знала парня, толкнувшего им всем дурь, но он всегда её сбывал, а кто, в свою очередь сбывал ему — неясно, — дал ответ Эзра.

— А почему неясно?

— Потому что парень умер в том же подвале.

И снова все упиралось в глухую бетонную стену, которая выразилась лишь молчанием, повисшим между разговаривавшими. Куда пропали испорченные наркотики, было понятно, а вот кто за этим стоял, так и осталось невыясненным. Тадеуш каждый день перебирал все возможные варианты, задумываясь над тем, кому вообще могло понадобиться воровать контейнер, а потом травить молодежь в городе. Зато теперь, когда жители уже начинали

задаваться похожими вопросами, а заодно и обмениваться слухами о причастности к этому Мооров, молодой мужчина кое-что понял. Цель у ублюдка, сбывавшего яд и сгубившего столько жизней, одна — насолить всей семье. И если это было действительно так, то круг подозреваемых расширялся, поскольку врагов у семьи хватало. Сплошная головная боль.

— Думаю, нам следует отдохнуть, босс, — заявил Эзра, решив, что будет не лишним отвлечь Тадеуша от постоянных раздумий, — куда сегодня отправимся? В клуб?

— Нет, — негромко, но четко ответил мужчина, — хочу съездить в Южное поместье.

— Что ж, я предупрежу Четора.

— Утром заедешь.

Прежде, чем уйти, Эзра одним кивком головы дал понять Тадеушу, что услышал его, и тем же кивком распрощался. Парню давно было известно, что в Южном поместье, которое всецело принадлежало лишь Тадеушу, молодой мужчина бывал редко и только один. В этом месте он мог пропадать все выходные. И никто, даже сам папа Адальбо не достучался бы до своего младшего сына, если бы захотел. Впрочем, нечастые порывы одиночества скрашивали две огромные собаки никому не известной породы да старый угрюмый сторож Четор, которые обитали на территории поместья круглый год.

«Босс смылся из дурдома», — называл такие отлучки Эзра, когда ему приходилось объяснять тугим на ум Дойлу и Рафу, куда делся их ненаглядный начальник. А те, обрадовавшись, что не будут биты хотя бы пару дней, напивались до потери сознания тем же вечером, за что получали тумачи уже потом. До серьезных травм не доходило только благодаря увещательным талантам Эзры, а последнее время ещё и не так часто бушевавшему темпераменту Тадеуша.

Едва темноволосая голова помощника скрылась за дальней веткой обильной на листья яблони, молодой мужчина услышал звонок своего мобильного. С большой неохотой и уже явно нарастающим раздражением он извлек телефон из кармана, ожидая, что его отдых вот-вот прервут очередные семейные проблемы. Но все оказалось гораздо хуже, так как проблемы были личного характера. На светлом экране небольшими черными буквами обозначилось имя «Адалина».

Ещё в прошлый раз Элин отметила это удивительное свойство молодого мужчины: не вписываться в хаотичный интерьер их квартиры. Даже в рубашке простого покроя и обычных на вид джинсах Тадеуш выглядел, словно дикий сказочный зверь среди обыкновенного бытового леса. Огромный зверь.

Она внимательно следила за тем, как сахарный песок теплого кофейного цвета наполняет полупрозрачную баночку. А до слуха доносилось едва уловимое дыхание и чуть различимый стук кружки о поверхность стола. Как он, такой широкоплечий, с большими руками, может так плавно двигать этим мощным телом? И так тихо ставить небольшую чашку терпкого, кислого, пусть немного горького брусничного чая? Элин видела в этом что-то необычное, даже новое. Ещё больше она удивлена была, когда обернулась, не в силах более чувствовать спиной мурашки от того, что он, наверное, наблюдает. И действительно, Тадеуш смотрел, но не прожигая взглядом, не оценивая, а словно пытаясь уловить нечто ускользающее от него.

— Не горький? — произнесла она только оттого, что нельзя было больше стоять и удивляться тому, какой же её гость громоздкий для этой маленькой кухни.

— Не горький, — отозвался Тадеуш и в отличие от собеседницы не отвел глаз. — Эти частые покраснения на твоих щеках, ты не больна?

— Что? — девушка коснулась прохладными ладонями скул, горящих румянцем. — Я... нет, извини, просто...

— Просто я тебя смущаю, — высказал свою догадку гость и не поверил, что её щеки могут пунцовать ещё сильнее. — В этом проблема?

Элин вдруг нахмурилась и с громким стуком поставила полную сахарницу на стол. Затем она опустилась на табурет, стоящий рядом, и вместе с глубоким вздохом набрала в своё колотящееся сердце решимости.

— Я почти привыкла к твоей прямолинейности. И мне она даже нравится. Это гораздо лучше, чем какие-нибудь ужимки, недомолвки и пошлые намеки.

— Чьи?

— Что, чьи? — настороженно переспросила девушка, когда услышала резкость в тоне мужчины, но тут же поняла: — Нет, нет, я образно! Ко мне никто не приставал.

— Продолжай.

— Я хочу узнать тебя лучше, наверное, — робко сказала Элин, растеряв свою стойкость из-за того, что сердцу понравился порыв чужой ревности.

— Это «нет»?

— Это дружба.

Она ожидала, что Тадеуш разозлится. Точно знала, что эти бледно-голубые глаза станут чуть темнее от раздражения, или прямые черты исказит недовольство. Но ничего не произошло.

Молодой мужчина сидел на единственном в этой кухне стуле со спинкой, что позволило ему откинуться назад и сложить руки на груди. Его голова, чуть склоненная набок, и прищуренные глаза выдавали мрачный, но упрямый настрой, а это, в свою очередь, говорило о каком-то замысле.

— Поехали, — внезапно заявил Тадеуш и решительно изменил положение рук: потянулся за ключами от машины, которые лежали на скатерти.

— Куда? — удивилась девушка, поднимаясь с табурета вслед за собеседником.

— Узнаешь меня лучше, — ухмыльнулся гость.

Едва открыв рот, Адалина поняла, что ей нечего ответить на такое заявление. Где заканчивалась серьезность этого высокого молодого мужчины и начиналась благосклонность, она не знала, а потому сердилась. И только девушка решила сообщить собеседнику о том, что это совсем не смешно, как хлопнула ближайшая дверь. На кухне внезапно материализовался рыжий вихрь в махровом халатике до колен.

— Элин, забери свой мобильник, если собралась сваливать. Ой, здрасте, — Ринко прервала их диалог с такой широкой улыбкой, что никому и в голову не пришло на неё разозлиться.

Тем более, что настойчивое пихание в руки ошарашенной Адалины телефона, имело верное направление.

— Это что? — с неожиданной брезгливостью в голосе спросил Тадеуш и указал пальцем на серебристое устройство.

— Мой сотовый, — ответила Элин, посмотрев на гостя с недоумением. — А что?

— Кляча старая! — хихикнула Ринко и уже развернулась, чтобы отправиться в свою комнату, когда услышала раздраженное высказывание:

— Не нравится, так дайте мне денег на новый!

И дело было не только в том, что Тадеуш и Ринкарна довели девушку до легкой неуравновешенности, которую и злостью не стоило называть. Просто Элин действительно любила эту потертую «раскладушку», которую ей на восемнадцатый день рождения подарила старшая сестра.

— Ой, ну не...,- начала отвечать рыжеволосая подруга, но остановилась, удивленная действиями молодого мужчины.

А тот, в свою очередь, спокойно опустил руку в карман штанов, вытащил банковскую карту золотого цвета и протянул Адалине. Все это было проделано с таким непроницаемым выражением лица, что в голову девушки не закралось и мысли об издевательствах.

Пелену повисшей тишины внезапно разорвал звонкий смех курносой Ринко, которая не могла удержаться, чтобы не высказать свое мнение по поводу ошарашенного вида подруги:

— Пфахах, а я-то думаю, когда её кто-нибудь обломает с этим вечным: «Не нравится — купи новый!»

— Ринко! Иди, куда шла, я тебя умоляю! — выпалила раскрасневшаяся от стыда Элин.

И даже тогда, когда хохочущая рыжеволосая нахалка скрылась за дверьми, девушка не смогла расслабиться и оторвать смущенный взгляд от бежевых цветов на скатерти. Она напряженно чувствовала молчаливое присутствие молодого мужчины, и, пожалуй, так же, как и он, не желала затягивать разговор.

— Пожалуйста, больше не делай ничего такого, — вздохнув, тихо произнесла Адалина.

— Я забыл, что ты не принимаешь подарки, — ответил Тадеуш.

Карта уже была возвращена на место, а ключи в его руке брякнули так, точно говорили «пора».

— Меня это обижает.

Слова как будто дали волю маленьким разрядам острого тока пройти по той натянутой струне в груди, которая беспокоила молодого мужчину своими колебаниями.

— Я не хотел, — он нахмурился из-за непонравившихся ощущений. — Поэтому ты вернула все платья и украшения, которые так старательно припрятал Эзра?

— Ты разозлился на него, — Элин уже готова была расстроиться, потому говорила почти без вопросительной интонации.

— Он не знает о том, что я в курсе.

И снова мимолетная тишина, казавшаяся ей гулкой из-за быстрых ударов сердца.

— Думаю, — только теперь, понимая, что её волнение заметно утихло, девушка смогла взглянуть на своего гостя, — я поеду с тобой.

Тадеуш ничего не ответил, потому что эта замечательная робкая улыбка и такие яркие зеленые глаза поразили его своей искренностью.

Эта гостиная заканчивалась там, где начиналась другая вселенная, потому что высокие бархатно-темные стены плавно перетекали в широкую лоджию. Пространство её от пола до самого потолка состояло из идеального в своей прозрачности стекла, а за ним начиналась ночь. Она смотрела в эту ночь и так долго не могла оторвать взгляд, как будто пятнышко луны на черном небосводе заворожило её разум.

Даже не за окном, точно под ногами, лежало покрывало цвета самого мрачного обсидиана, который только можно отыскать у вулкана. И где-то в центре этого покрывала причудливыми узорами переплетались яркие огни её родного города. Их были сотни, почти тысячи, и они горели так ярко, что можно было различить силуэты зданий и улочек. Но эти едва уловимые очертания, как большая сверкающая капля, своим широким началом впадали в беззвездную вселенную: в спокойное иссиня-черное море.

— Зимой здесь, наверное, ещё красивее, — тихо произнесла Элин, когда услышала его шаги за спиной.

— Приедем и зимой.

В этом голосе больше не было чего-то такого, от чего, при их первой встрече, ей хотелось убежать. Оставалось только обещание. А обещания Тадеуш выполнял.

Адалина обернулась слишком резко для того, чтобы неожиданно чуть не влететь носом в мужчину, но его реакция предотвратила столкновение. Думая о её неприязни к прикосновениям и придерживая девушку за хрупкие плечи, Тадеуш почувствовал, что она дрожит. С неприятным привкусом огорчения, он собрался убрать руки, но тут же ощутил, как что-то теплое коснулось груди.

— Ужас, я рядом с тобой всегда такая неуклюжая, — донеслась приглушенная смехом фраза. — Чувствую себя глупой.

Он видел только светловолосую макушку головы, чья обладательница так доверчиво уткнулась лбом в его рубашку. А под этой рубашкой учащенно гремело сердце.

— Значит дружба, Элин? — Тадеуш говорил негромко, но в голосе его можно было уловить тона на порядок ниже, чем обычно.

Он впервые назвал её так, потому в груди что-то безудержно сорвалось на бег, а на губах расцвела неуловимая улыбка. Что она должна теперь ответить? Сказать, что боится всего на свете: людского мнения, плаванья в море, жестокости? Но его не боится. Только немного смущается и все больше хочет прикоснуться тонкими пальцами к загорелой коже там, где начинаются острые линии шеи. Или рельефно вырисовываются тугие мышцы пресса.

Совсем недавно они ехали по длинной трассе в полном молчании. За окном его машины, чья идеальная форма не позволяла отвести взгляд зеленых глаз, проплывал тот же ночной город. Автомобиль несся все быстрее, взбирался все выше по пустынной дороге, а огни на покрывале обсидиана мрачно и притягательно заставляли девушку замирать. Элин и не подозревала, что ей до влюбленности понравится вид города ночью, такой темной, как эта.

Когда картина из мириад городских звезд скрылась за поворотом, а машина плавно стала сбрасывать скорость, Элин поняла, что совсем не чувствует неловкости. Мерный гул мотора был единственной мелодией, которая мешала их молчанию наедине. Казалось, что

только оно и уместно все те двадцать с половиной минут поездки. Будто что-то происходило в том тесном пространстве между двумя молодыми людьми, но происходило так незаметно, словно и вовсе не существовало. Но это что-то определенно было, так как Адалина ощутила его потерю, когда вышла из машины и услышала грозный лай собак.

Девушка наблюдала за тем, как Тадеуш касается шерсти двух огромных бурых зверей, чьи морды доставали ей до талии. Они с дикой радостью принимали краткие поглаживания хозяина и с удовольствием пачкали своими грязными лапами его рубашку. Но безумное счастье резко сменилось настороженным рычанием, когда собаки почуяли движение со стороны незнакомого гостя. Элин опасливо замерла, дабы не злить животных, но хватило одной жесткой команды: «Место», чтобы псы послушно отправились в свои вольеры. Молодой мужчина проводил их опущенные хвосты задумчивым взглядом, а после обратился к Адалине, сообщая, что она может подождать его в доме.

Из-за выключенных фонарей, девушка не видела фасада здания, в которое вошла, но интерьер гостиной подарил ей приятное удивление. Едва Элин закрыла за собой дверь, как сработал датчик движения, и большая комната наполнилась мягким оранжевым светом. Приятно запахло деревом и окутало теплом — она немного озябла за те несколько минут, что провела на свежем воздухе. Девушка почувствовала, что находится в удобной чаше, заросшей большой мебелью из темно-зеленой обивки.

Спустя несколько минут Тадеуш тоже вошел в гостиную и обнаружил, что кресло, которое он предпочитал другой мебели в этой комнате, уже занято. Элин сняла босоножки и с удовольствием прошлась по гладкому теплему полу из черного дерева, а затем устроилась в глубоком и самом удобном на вид кресле. Она подобрала ноги под себя и поставила локти на один из широких подлокотников, чтобы устроить подбородок на сомкнутых у начала кистей ладонях. Когда их взгляды встретились, девушка широко улыбнулась, чем вызвала подобие улыбки в ответ. Молодой мужчина с плохо скрываемой неохотой сообщил своей светловолосой гостье, что ему нужно переодеться. Его испачканная светлая рубашка на ходу была расстегнута, от чего Элин вспыхнула легким румянцем и принялась рассматривать пол. Тадеуш без каких-либо задних мыслей поднялся на второй этаж по лестнице из темных дубовых досок.

Когда же он вернулся, то не нашел девушку на прежнем месте. Её тонкий силуэт в длинном платье из легкой белой ткани неожиданно вырисовался на фоне широко французского окна. Там, в самой темной части гостиной, где начиналась лоджия и где свет приходилось включать самостоятельно, Адалина очарованно наблюдала за удивительно красивой ночью. Наблюдала и сама не знала того, что завораживает своими чертами не меньше, чем эта ночь.

И теперь, после его вопроса о дружбе, в пространстве повисло ненавистное ожидание. Это чувство раздражало девушку, поэтому она отстранилась и подняла голову вверх, ловя свежий запах стирального порошка. Сейчас на неё смотрел человек, который хотел услышать только один, совершенно определенный ответ. Она готова была дать его тому, кто держит обещания и помогает в трудную минуту. А как же тот, кто при мгновенной вспышке ярости может с легкостью сломать чужую руку?

— Я много раз слышала о том, что...нет, — она слегка покачала головой. — Ты ведь знаешь, каково это — убить человека?

— Я не стану отвечать, — мрачно произнес мужчина.

— Знаешь, — прошептала она в ответ.

Её настойчивая близость и потемневшая зелень глаз выражали решительное требование лучше, чем какие-либо слова. Но то, что он мог рассказать, не предназначалось для таких ушей. Он бы предпочел, чтобы девушка никогда не видела его жестокости, и вообще находилась как можно дальше от любых дел семьи Моор. Сейчас Тадеуш осознавал это так четко, что от нарастающей злобы на самого себя скрипело сердце.

— Когда становишься старше, кое-что начинаешь понимать. И я давно уже понял, что в моем прошлом нет ни черта, чем можно было бы гордиться. Строгость воспитания отец направил на брата, я же рос в атмосфере вседозволенности. Даже теперь не знаю, чего не могу получить в этой жизни, потому что у меня всегда есть всё. И ты, Адалина, не была исключением. Я не скажу тебе, что ты перевернула мое представление об отношении к другим, как видишь, поступаю по-своему до сих пор. Но я многое сделал из того, за что обязательно отвечу, в том числе и за чужие жизни. Это было давно, и это было самое дерьмовое время после моего совершеннолетия, тогда из-за моих выходов пострадало много людей. Про те года ты от меня никогда ничего не услышишь, ясно? Это все, что тебе нужно знать, и больше не спрашивай о подобном.

Голос его не стал громче, и даже злости в нем не было ни на йоту. Он действительно не испытывал подобных чувств, только складывалось ощущение, что ей, точно маленькому ребенку, нужно объяснять, какие вещи находятся под запретом.

— Хорошо, — просто ответила Элин.

Тадеуш задержал свой внимательный взгляд на её лице, чтобы с облегчением осознать — она действительно не испугана. Он убрал руки с маленьких плеч, так как решил вернуться в теплую зелень гостиной. Но девушка опередила его и, ухватившись за край рубашки, потянула мужчину за собой.

— Покажи мне дом, пожалуйста, — произнесла она с улыбкой и неспешно направилась к узкой лестнице на второй этаж.

Молодой мужчина покорно последовал за ней, но едва они оказались на последней ступени, как Элин остановилась из-за раздавшегося позади вопроса:

— Где твоя обувь?

— У двери, — без лишних раздумий ответила девушка.

— И с чего ты решила ходить босиком?

Элин осторожно обернулась, чтобы понять, почему в чужом голосе сквозит недовольство.

— Так пол ведь теплый.

— И грязный.

Они внимательно смотрели друг на друга пару мгновений, пока до неё каким-то непостижимым образом не дошло, что сейчас произойдет. Но было уже поздно. Под её внезапное и до мольбы смущенное: «Нет, не надо, я прошу тебя, только не так», Тадеуш притянул девушку к себе и, придерживая за талию, с легкостью перекинул через плечо.

— Поставь меня, пожалуйста! — Адалина не оставляла попыток достучаться до молодого человека, но он как будто её не слышал.

В таком неудобном положении, с чувством, что почти двухметровая высота для неё — это слишком, Элин, к своему счастью, провела не много времени. Буквально тут же она услышала громкий звук удара о дерево, что навело на мысли об открытии двери «пинком». Её внесли в комнату, бледно освещенную луной (свет проникал сквозь широкие окна) и через пару шагов, которые отозвались неприятным потрясением где-то в районе живота,

девушку поставили на что-то мягкое.

Она была благодарна Тадеушу за то, что он ходит быстро, так как перемещаться этим способом ей совершенно не понравилось.

— Не делай так больше! — раздосадовано проговорила Элин, когда получила возможность шатко стоять на упругой кровати.

— Я принесу твою обувь, — с усмешкой отозвался мужчина, у которого в голове до сих пор витали мысли о необыкновенной легкости этой растрепанной девушки.

Элин была сейчас почти на одной с ним высоте. В глазах её все ещё отражалось досадное смущение, но губы уже чуть приоткрылись для неловкой улыбки, а скулы поднялись немного выше, из-за вышедшего наружу смеха. Нежность прозвенела в голосе Элин, когда она мягко произнесла:

— Лучше подойди ближе.

Словно очарованный её мимикой, Тадеуш повиновался. Один мизерный полушаг и её теплые пальцы уже касались твердых скул, прямого подбородка, опускались на жесткую кожу шеи. Когда она поцеловала его застывшие в невысказанном вопросе губы и внезапно получила настойчивый ответ, мужчина коснулся ладонями её талии. А затем, пытаясь не отрываться от глубоких поцелуев и медленно садясь на кровать рядом, Тадеуш осторожно притянул эту хрупкую фигурку к себе. Но едва Элин податливо попыталась опуститься к нему на колени, как запуталась ногами в длинной ткани собственного платья. Это вышло так неожиданно, что молодой мужчина, который неуклюже был повален на спину, почувствовал на своих нижних ребрах чужие колени.

— Я идиотка, — снова рассмеялась Адалина. — Тебе не больно?

Она аккуратно попыталась изменить свое положение. Но когда её ноги оказались на покрывале, а часть туловища все ещё оставалась на чужой груди, Тадеуш поднялся сам и одним резким движением перевернул девушку на спину.

— Я бы снял это платье, оно мешает, — голос его звучал так проникновенно, что сердце её сделалось совсем неумным.

— Тадеуш, я...

— Я знаю.

Она чувствовала прохладный шелк покрывала своим затылком, она видела горящий взгляд его глаз — и это все дышало нескрываемой угрозой. Мужчина, нависший над ней, теперь стал опаснее любого извержения самого огромного вулкана.

— Я знаю, — повторил он, — и, как выяснилось, я могу ждать.

Он переместился в более удобное положение — сел рядом, а Элин, в свою очередь, даже не шевельнулась, только закрыла лицо ладонями и виновато произнесла:

— Я веду себя хуже, чем маленький капризный ребенок.

— Мне нравится.

— Я даже уже знаю, чего хочу, но мне страшно это получить! — не услышав слов мужчины, продолжила бормотать девушка.

— Сомневаюсь, что сейчас ты хочешь от меня чего-то большего.

— Дай мне время, — она, наконец, убрала руки от лица, чтобы с их помощью создать себе опору и сесть.

— Только не так много, иначе мне снесет крышу, — серьезно произнес Тадеуш, смотря на Элин взглядом цвета жидкой ртути.

— А мои прикосновения сделают только хуже? — настороженно поинтересовалась она.

— Возможно, — левый уголок его рта неожиданно растянулся и подался чуть вверх. — Но не сегодня.

Элин не стала говорить молодому мужчине, что ей очень нравится, когда его губы застывают в такой полуулыбке.

Для молодого человека утро это начиналось с не самых приятных известий, что со стопроцентной вероятностью вело к изначально незадавшемуся дню. Следующее, не столь неприятное, но слишком необычное обстоятельство вызвало у Эзры настороженные подозрения, которые следовало незамедлительно проверить. И поэтому он, обычно задерживаясь на пару минут у вольеров с псами, сегодня предпочел не тратить время зря и сразу направился к парадной двери.

Свежий утренний воздух дымкой рассеивался вокруг, цепляя прохладой оголенные до локтя руки, что не очень понравилось парню. А ещё ему не очень понравилось считать себя помешанным, когда уже у самой двери мелодия, которую он совершенно точно слышал пару мгновений назад, вдруг затихла. Словно и не было вовсе ничего, кроме радостного лая за спиной да дружного щебетания каких-то ранних птиц. Но Эзра совершенно точно слышал музыку, наличие которой уже само по себе являлось странностью для владельца дома.

Очередное необычное явление пригрезилось парню и как будто растворилось вместе с негромким шелканьем входной двери. Едва Эзра переступил порог, как у самой лестницы ему померещился тонкий силуэт в рубашке до колен, легким шлейфом скользнувший на ступеньки и скрывшийся за стеной, которая отгораживала лестницу от импровизированного бара. На ступенях послышался стук шагов и даже, как показалось Эзре, раздался шепот. Он уже был готов поверить, что ему не привиделось и его босс здесь не один, но последний все-таки спустился со второго этажа в полном одиночестве.

— Босс! — высказал свое приветствие Эзра, но от удивления так и забыл закрыть рот. Смутило молодого человека не столько то, что лицо Тадеуша отражало одно лишь довольство, сколько то, что сам Тадеуш был без рубашки.

— Ты вовремя, — отозвался мужчина.

Он не спеша прошествовала к барной стойке, где стояли две пустые черные чашки, и взял свой мобильный, лежавший там же.

Эзра, застыв у двери, внимательно наблюдал за перемещениями босса. И когда взгляд его отметил количество чашек и наличие корзинки со свежей выпечкой, явно доставленной из пекарни на Третьей улице, парень удивился ещё больше. Младший глава семьи Моор никогда не завтракал мучными изделиями, тем более не выпивал двух чашек за раз.

— Я бы привез завтрак, босс, незачем было вам с утра мотаться, — проговорил Эзра, едва мысли в его голове собрались целостной картиной.

— Четор ездил, — донесся отстраненный ответ.

— Вы не одни?

— Не один, — усмехнулся Тадеуш и повернул голову в сторону лестницы.

Оттуда донеслись едва уловимые звуки быстрых шагов, и в темно-зеленой, точно покрытой листвой гостиной появилась Адалина. В правой руке она сжимала шлейки босоножек.

Ему казалось, что удивляться этим утром уже нечему, но когда перед глазами предстала улыбающаяся светловолосая девушка в платье цвета первого снега, парень был немало

ошарашен. И если у Тадеуша на втором этаже не пряталась ещё одна особа женского пола, то именно Лина пару минут назад разгуливала тут в рубашке.

— Доброе утро, — обратилась она к Эзре. — Там не сильно холодно?

— Доброе, — автоматически выдал молодой человек и позабыл ответить на вопрос, потому что у самого в голове поселился не менее важный.

Девушка, будто не замечая двух внимательных пар глаз, дошла до ближайшего кресла и аккуратно присела на его мягкий широкий подлокотник. Легкие кружева у подола её платья приподнялись, от чего тонкие босые ноги оголились до лодыжек. Это весьма удобное обстоятельство позволило Элин беспрепятственно надеть свои босоножки.

— Опять без обуви, — с легким недовольством в тоне заговорил Тадеуш.

— Здесь совсем не грязно, — она застегнула второй кожаный ремешок и плавно выпрямила спину. — Лучше верни мне телефон.

— Понятия не имею, о чем ты.

Эзра не без любопытства следил за диалогом, так как всё происходящее вызывало живейший интерес. И расслабленная поза молодого мужчины, который облокотился на серый мрамор столешницы, и улыбающиеся глаза девушки, чьи плавные черты потеряли обычную скованность. Оставалось только гадать, что же случилось между этими двумя.

— Тадеуш!

— Тебе уже пора. Опаздываешь, — легким кивком головы он указал на настенные часы, а затем обратился к своему помощнику. — Довезешь её до университета.

— Хорошо, босс, ещё что-нибудь? — проговорил Эзра, понимая, что на место любопытства пришло что-то менее приятное.

— Нет, — Тадеуш плавно перевел взгляд на Адалину, которая поднялась и слегка провела руками по ткани платья. — Жди в машине.

Парень даже не кивнул в знак того, что понял приказ босса. За ним просто щелкнула входная дверь, скрывшая хмурое раздражение, а потом наступила волнительная тишина.

— И все же, где мой телефон? — каблучки Элин простучали пару раз, и звук их замер у барной стойки нефритового цвета.

— А где моя рубашка? — вкрадчиво поинтересовался молодой мужчина.

— На кровати, — она произносила это на вздохе, потому что вот-вот собиралась отвечать на поцелуй.

Даже притом, что Тадеуш склонился к ней, девушке пришлось встать на цыпочки, чтобы хоть немного обнять этого широкоплечего мужчину. Его руки уже скользили по ткани платья гораздо ниже, ощущая податливое напряжение упругих мышц.

Этим утром Элин до ужаса смущалась при виде нагой мужской груди, но глубокой ночью ей это ничуть не мешало прикасаться тонкими пальчиками к рельефной коже пресса. Одному небу известно, как мужчина смог сохранить самообладание, и как девушка набралась столько смелости, что уснула рядом с ним в одном нижнем белье, хоть и прикрытом чужой рубашкой.

Почти половину пути она предавалась замечательным воспоминаниям, которые окрашивали сегодняшнее утро в нежно-зеленые тона. С задумчивым налетом улыбки на губах, Элин вновь возвращалась к моменту пробуждения и откуда-то взявшимся бежевым тапочкам, к ароматному завтраку и громкому музыкальному каналу по телевизору. Все, чем

были наполнены те пару часов, вызывали в душе удивительно теплые ощущения счастья. Она беззаботно, забыв о собственном внешнем виде, разгуливала по дому, даже успела пробежать от входной двери до лестницы, когда послышались чьи-то шаги. Как выяснилось, это приезд Эзры подстегнул девушку в таком темпе забрать свои босоножки, которые Тадеуш грозился принести сам. И если бы не его последние слова, девушка в следующие пару дней изводила бы себя ожиданием следующей встречи.

— Отдам тебе новый, — сказал перед её уходом Тадеуш, — только если..

— Верни старый! — она спешила его не дослушать.

— Хорошо, — нетерпеливо прорычал мужчина, — получишь старый, если примешь моё приглашение!

Она согласилась прежде, чем услышала, что приглашают её на празднество в честь помолвки Натана и Маргариты. Но отступить из-за робости и страха Элин не решилась, так как тоже хотела держать свои обещания. Тем более что телефон ей действительно вернули, даже два.

— Я открою окно? — наконец нарушила молчание Элин.

Они ехали вдоль моря, и цвет утреннего неба над кромкой воды был такой необыкновенной голубизны, что девушке хотелось увидеть его не через стекло.

— Конечно, — без каких-либо эмоций ответил Эзра.

Парень и припомнить не мог, когда его досаждало такое откровенное недовольство. Причины тому крылись во многих факторах, но самым главным теперь была связь Тадеуша и Адалины. Всегда прекрасно владевший собой молодой человек понимал, что теперь сам может взорваться в любой момент.

— Эзра, — повысила голос Элин, чтобы её было слышно сквозь быстрый морской ветер, — скажи, а у вас сейчас много проблем?

— С чего взяла? — он кинул на девушку быстрый взгляд и вернулся к слежению за дорогой.

— Ну, в городе туча слухов ходит о том, почему молодые люди умирают от передозировки.

— Лучше тебе в это не лезть, — хмуро отозвался собеседник.

Девушка лишь недоуменно пожала плечами и поднесла ладонь к правой стороне головы, чтобы придержать раздуваемые ветром пряди. Кажется, Эзра был не в самом лучшем настроении, чего за ним раньше не замечалось. Но девушку больше волновало то, какой шум сейчас поднимет Ринко. Впрочем, шум шумом, а листки и ручку подруга дать обязана, иначе поездка в университет окажется бесполезной.

— Я тут вспомнила, — Элин решила ещё раз потревожить раздосадованного парня, когда они уже подъезжали к месту назначения, — моя сестра все утверждает, что ты знаешь её подругу.

— Сомневаюсь, что меня интересуют девушки этого возраста, — вырuling на нужную улицу, откликнулся Эзра

— Да не совсем её, кажется, она говорила, что Карин старше.

— Кто? — парень не расслышал имени, плавно останавливая машину.

— Карин, — повторила Адалина и отстегнула ремень безопасности. Её взгляд был устремлен сквозь лобовое стекло, так как девушка хотела рассмотреть количество живых душ в пределах главных ворот. А поскольку учебное время настало вот уже как двадцать минут назад, то пустота равнялась огромному облегчению со стороны светловолосой особы.

— Откуда ты знаешь её! — казалось, Эзра приложил титанические усилия, чтобы его озлобленное, почти дикое восклицание прозвучало не так громко.

— Это Джилин, не я, — Элин была удивлена такой резкостью, даже посчитала себя виноватой из-за какой-то неверно произнесенной фразы, а потому попыталась разъяснить: — сестра познакомилась с ней в Пакушо, а недавно сказала, что ты часто навещал эту Карин. Я и хотела у тебя спроси...

— Нечего тебе вообще об этом заговаривать, — уже спокойнее сказал собеседник, — иди, опаздываешь.

— Но..

— Иди.

Ничего не понимая, но совершенно точно осознав, что ответа она так и не получит, Адалина вышла из машины. Она не видела своей вины в плохом настроении этого извечно доброжелательного парня, но все равно чувствовала некую долю причастности. Однако даже такой факт не смог омрачить замечательные события сегодняшнего утра больше, чем услышанная напоследок фраза:

— Можешь поболтать на эту тему с боссом, он-то точно порадует тебя ответом.

Автомобиль тронулся с места слишком резко, чего Элин никак не ожидала. А ещё она не ожидала такого неприятного разговора, который вкладывал толику сомнений в её гудящее сердце.

С первого взгляда могло показаться, что молодой человек расслаблен: голова его была откинута немного назад, руки безвольно распластаны вдоль верха спинки дивана, а ноги согнуты в коленях и широко расставлены врозь. И только напряженные прямые черты лица подсказывали, что мужчина далек от состояния нирваны. В гудящей голове мешались мысли, связанные проблемой, большой и неприятной. Разрешение её требовало немалых усилий и, более того, несло за собой отрицательные последствия. Достигнуть той стадии смирения, когда стоило переходить к решительным действиям, молодой мужчина не мог, пока не мог. Насущные проблемы тоже не дремали, а заставляли морщиться от хрустящих звуков битого стекла.

— Босс, стул вернуть-то? — раздался приглушенно-хриплый голос Рафа.

— На хрен, — сказал Тадеуш, точно что-то выплюнул.

Он не изменил позы, даже не открыл глаз, только ещё раз раздраженно ругнулся, тем самым закрепляя эффект своего плохого настроения. На подчиненного это подействовало как надо: Раф сразу понял, что босса лучше не беспокоить не под каким предлогом. Поэтому он постарался очень тихо собрать остатки стекла на совок и вслед за ребятами покинуть комнату, в которой теперь сильно сквозило.

Так случилось, что порывам ветра было дозволено беспрепятственно гулять по кабинету младшего Моора, чем они беззастенчиво и пользовались. Именно такое наглое вторжение встретило Натана, когда тот появился в дверном проеме.

— Проветриваешь? — поинтересовался он, проходя в комнату и чувствуя, что под тонкую рубашку забираются холодные потоки.

Ответ последовал так же, как и ожидался, поэтому до зияющей дыры окна мужчина дошел в тишине. Очередной порыв ветра настиг его, когда он слегка высунул темноволосую голову наружу, чтобы лучше рассмотреть последствия извержения вулкана.

Весь дом уже знал о том, что Тадеуш в приступе ярости жестоко расправился с ни в чем неповинным стулом. И сейчас Натан наблюдал безуспешную спасательную операцию: Дойл и Раф возились с кустами шиповника, в которые угодил злосчастный предмет мебели. Каких-то пару месяцев назад внизу, под окнами первого этажа, мог валяться и человек. Тут было одно из двух: либо младший брат эволюционирует, либо кому-то живому повезло не попасться под его горячую руку.

Сам Тадеуш, казалось, ничего не чувствовал. Он просто устал чувствовать, устал думать, говорить, двигаться, но не слушать. Её слушать. Как ни странно, мысли, которые нужно было с таким трудом вырывать у потока проблем и с таким усердием хранить в запретных уголках памяти, дарили ему тихий покой. Однако молодой мужчина не позволял себе этой роскоши, так как ощущал груз ответственности, теперь камнем висящий на шее.

Он понял, что Натан оказался рядом только тогда, когда брат сел в кресло напротив и заговорил:

— Грязи на тебя вылили немало, сочувствую.

Тадеуш резко поднял голову и смерил брата долгим внимательным взглядом. А затем, вместо желаемой: «засунь в задницу», произнес другую фразу, а вернее задал вопрос о том, знает ли уже отец.

— Пока нет, — ответил Натан.

Он сам испытал напряжение, понимая, что сейчас Тадеуш мысленно возвращается к тем утренним событиям, которые привели его в такую ярость.

Тогда младший Моор спускался по ступеням торгового центра в намерении быстро пересечь небольшую площадь с фонтаном и сесть в припаркованный автомобиль. Следом шли его люди, а площадь (что обычно для такого времени суток) была полупустынна. Та женщина возникла, словно из неоткуда. Она появилась на пути так неожиданно, что молодому мужчине пришлось остановиться и вопросительно взглянуть на препятствие. Он не мог не заметить её растрепанные волосы, мятую одежду и, хуже того, искаженное горем лицо. Одни лишь глаза на маленьком, бледном лице горели таким гневом, какой бывает у тех людей, чьё сильное страдание помutilо разум. Едва заметив Тадеуша, женщина начала громко кричать, проклиная всю семью Моор, из-за которой погиб её единственный сын. Злые, выстраданные истерикой ругательства разносились по всей площади, точно крик умирающей птицы. Даже те редкие прохожие, которые торопились по своим делам, застыли от такой картины. Женщина всё продолжала извергать потоки своей ненависти, пока не дошла до края, за которым оставалась только безысходная попытка отомстить обидчику. Все произошло за считанные секунды: она попыталась наброситься на младшего Моора, но не успела сделать и шага, как ей преградили дорогу сильные широкоплечие мужчины. Внезапно лицо её, рассеченное гневом и болью, словно подернула судорога, и женщина стала медленно опускаться на колени. Глаза свои она закрыла сухими желтыми ладонями, потому что не могла унять слезы, покотившиеся по щекам.

Все то время, пока лились потоки обвинений, Тадеуш стоял исполинским изваянием и совершенно не понимал, что в этой ситуации стоит предпринять. Только тогда, когда женщина разрыдалась, младший Моор со злостью отогнал своё оцепенение. Он даже остановил Эзру, который было ринулся, как и всегда, разрешить неприятную ситуацию без особых последствий. Молодой мужчина сам подошел к сгорбившейся на брусчатке фигуре и, аккуратно взяв её за плечи, поднял с колен. «Моя семья не имеет никакого отношения к смерти вашего сына. Но, если хотите кого-то винить, вините меня», — после этих фраз женщина отняла соленые ладони от лица. Она с гневом посмотрела на Тадеуша, и в её взгляде можно было прочесть пожелание самой мучительной смерти. Но слов не осталось ни у кого. Зато остался тяжелый осадок и страшная озлобленность на самого себя да на того уродя, по вине которого наркотики погубили столько молодых людей.

— Не думаю, что нужно взваливать всё на свои плечи, — прервал молчание Натан.

— Отвесить половину тебе? — неприязненно донеслось от дивана. — Закрыли тему.

— Как скажешь, тем более, я пришел, чтобы разрешить одну маленькую проблему.

— Не сейчас, Натан, — нахмурившись, отрезал Тадеуш, которому хватало забот по самую макушку. И, судя по тому, что брат занят подготовкой к предстоящей помолвке, то влезать ещё и в это младший Моор не желал.

— Может, выслушаешь, а потом уже будешь соглашаться?

Тадеуш знал этот настойчивый взгляд и хамоватую улыбку, которая выразительно подчеркивала упорство сидящего напротив человека.

— Так вот, проблема моя состоит в том, что помолвки по нашим старым традициям проходят так шумно, как потом не проходят и свадьбы. И, чтобы как можно живее разнообразить весь этот шум, Маргарита решила танцевать вальс. Со мной. А танцоры у нас по мужской линии все прирожденные, ты же знаешь, — Натан сделал мимолетную паузу,

чтобы уловить усмешку на лице брата. — Отказать Маргарите я пробовал, но она слишком хорошо умеет уговаривать меня в те моменты, когда думаю другим местом. Именно поэтому, мне предстоит научиться танцевать вальс. Понимаешь же, что я не собираюсь позориться и нанимать какого-нибудь учителя или, хуже того, ходить на специальные занятия. Мне нужен человек, который даст пару советов и уроков, более того, человек знакомый. И ты знаешь, кого я имею в виду.

— Я, по-твоему, вожу дружбу с нашим ансамблем народного танца? — недовольно отозвался Тадеуш.

— А теперь можешь подумать головой.

— Да я не... — взгляд брата навел на мысли о том, что всё гораздо ближе, чем кажется. — Адалина?

— Она самая, — кивком подтвердил догадку Натан, — устроишь нам встречу?

— Устрою, — задумчиво проговорил Тадеуш.

Возможность услышать её мягкий голос отозвалась приятным всполохом тепла где-то в глубине груди.

Уютная, обставленная по вкусу матери гостиная, стала гораздо просторнее, когда всю мебель передвинули к дальней стене. Хотя места снаружи, или в том же холле, было более чем достаточно, Натан решительно заявил, что не станет заниматься этим на глазах у всей семьи. Им лично была выбрана небольшая гостиная в дальнем северном крыле, и он сам раздавал указания людям, которые передвигали мебель. Тадеуш спокойно наблюдал за изменениями в интерьере, наслаждаясь тем, что делать ему, собственно, ничего не нужно. Но к прибытию Адалины от отстраненно-задумчивого взгляда младшего Моора не осталось и следа.

Он позвонил ей с вопросом, умеет ли она танцевать вальс, а когда услышал удивленный утвердительный ответ, то сказал, что ему нужна помощь. Элин и предположить не могла, как её умения помогут мужчине, но войдя в карминовую гостиную, почти сразу все поняла. Вернее, ей помогли понять.

— Здравствуйте, — отозвалась девушка, когда обнаружила, что в комнате с пышными гардинами оказался не только Тадеуш.

— Здравствуй, нас, кажется, не представляли друг другу? — вежливо поинтересовался человек, чьи прямые черты лица говорили своей схожестью буквально все.

— Натан, верно? — улыбнулась Адалина.

— Мой брат, — уточнил Тадеуш, который внезапно осознал, что без его участия этот разговор вообще не имеет права на существование.

— Весьма полезная информация.

Сарказм Натана он мог пропускать до бесконечности, точно глухая, бетонная стена просто позволял колким словам отлетать от себя. Только так выходило не всегда, например, сейчас было не самое подходящее время для фраз в подобном ключе.

— Чем я могу помочь? — спросила светловолосая девушка.

Она переводила взгляд от одного брата к другому в надежде хоть от кого-то услышать ответ. И, конечно же, больше рассчитывала на то, что именно Тадеуш всё объяснит. Но молодой мужчина, расположившись на широком подоконнике и подмяв под себя золотую ткань штор, только бросал неприязненные взгляды на старшего брата.

— Я вижу, этот угрюмый медведь, записавшийся в мои родственники, не удосужился объяснить? — в очередной раз усмехнулся Натан. — Дело в том, что мне необходимо освоить вальс.

— Венский, я полагаю?

— Да, кажется, именно о нём мне и прожужжали все уши, — собеседник говорил немного удивленно, — поразительная догадливость.

— Не думаю, — тихо рассмеялась Элин, — это единственный вид вальса, который умеет танцевать Маргарита, вот я и предположила.

— Тадеуш, с каких пор тебе нравятся порядочные скромные девушки? — не удержался от комментария Натан, за что получил очередной испепеляющий взгляд.

— Как ты думаешь, легко ли танцевать, когда ноги из самой задницы торчат? — угрожающе поинтересовался молодой мужчина.

Но черты лица его, до того настороженно-напряженные, значительно смягчились, когда Элин оказалась рядом. Она намеревалась поставить свою тканевую сумку на подоконник и вместе с тем подарить Тадеушу очень теплую улыбку. Он обосновался здесь основательно и, кажется, не собирался никуда уходить, именно за это девушка была ему благодарна. Потому что оставаться наедине с малознакомым, хоть и не вызывающим тревоги человеком, она бы не хотела.

— Венский вальс — это не так уж и сложно, — Адалина повернулась лицом к стоящему в центре комнаты мужчине. — Только не очень будет удобно вам что-то показывать из-за моего роста.

Натан невероятными усилиями сдержал свой порыв, чтобы не ответить девушке: «А со стремянкой?», и не получить следующий гневный комментарий брата. Вместо этого он произнес:

— Не думаю, что это сильно испортит дело, я намного ниже Тадеуша.

— Что ж, — пожала плечами Элин, — тогда я переобуюсь и начнем.

— Замечательно.

В следующие полчаса молодого мужчину, который самым внимательным образом наблюдал за передвижениями пары в центре гостиной, выворачивало то внутренне чувство собственности, щедро отмерянное ему при рождении. Когда он соглашался помочь брату, то и представить не мог, что для него это обернется таким испытанием. И что вальс окажется таким интимным в своей близости танцем.

— Ваша правая рука должна быть как бы опорой для локтя партнерши, а ладонь находится на уровне лопаток, — светловолосая девушка сама направляла руки Натана, располагала их в нужном положении. —левой держите мою ладонь вот так. Спина прямая! Запомнили?

— Постарался.

Элин улыбнулась и искоса взглянула на Тадеуша, тот был мрачнее тучи. Это, пожалуй, стало единственным, что её смутило, поскольку близость другого человека в танце она воспринимала как нечто само собой разумеющееся.

— Давайте сначала потренируемся так, а потом я покажу правильное положение ног. Когда я говорю раз, вы делаете шаг вперед с правой ноги, а я шаг назад с левой, затем на два-три вот такие два такта, точно топчетесь на месте, — девушка воспроизвела «топтанье на месте» и продолжила. — Затем, вы с левой ноги отступаете на шаг, а я наступаю с правой и повтор тактов.

— Только не стоит сильно идти в наступление, а то так можно и не жениться, — пошутил Натан.

— Я начинаю считать, — прервала его веселье девушка, — Иии, раз, два, три...

С нескольких попыток у Натана даже стало получаться, а когда наставница решила закрепить результат, то дела пошли как нельзя лучше.

Вскоре Тадеушу начало надоедать его наблюдательное занятие. О том говорил лениво блуждающий по комнате взгляд и расслабленная поза. Казалось, что под следующее размеренное «раз, два, три», мужчина сможет закрыть глаза и спокойно уснуть.

К этому моменту Элин объяснила своему ученику практически всё, что можно было передать словами: шаги, движения, положения и повороты головы, фиксация взгляда, чтобы из-за кружений не вызвать тошноту, да и прочее. Теперь следовало переходить к следующему этапу, который заключался в совмещении всего вышеупомянутого в единое целое для создания танца.

— Начнем? — произнесла она и вплотную приблизилась к Натану.

— Что ж, пожалуй, я решусь и на это.

— Держите крепче!

Её левая нога скользнула между колен мужчины и осталась там зафиксированной, а правая плавно была вытянута носком чуть в сторону. После Элин удостоверилась, что партнер так же верно расположен, как и она, чтобы беспрепятственно выгнуть спину с необычайной грацией.

Нескромная близость их ног и её волшебная гибкость сделали то, от чего сонливости молодого мужчины настал конец. От резкого напряжения, охватившего все тело, Тадеуш почувствовал, как мышцы живота сократились, вытолкнув в желудок нечто-то такое, что камнем провалилось в неведомые глубины организма. Осторожная ревность завладела его сознанием, как навязчивая идея, которая выискивает в каждом прикосновении что-то непозволительное.

Их танец закончился на первом же счете ошибкой Натана, но начальная поза все никак не давала покоя младшему Моору. А самым невыносимым было то, что он не имел права прерывать процесс обучения. Ему оставалось только жадными рывками отмечать её красивые, изящные движения да мягкие касания к чужому телу.

С одной стороны, оказаться на месте брата и танцевать на помолвке Тадеуш не согласился бы ни за какие обещания. Но с другой стороны, сейчас Адалина в физическом плане была гораздо ближе к Натану, чем к нему. Как бы долго он на неё не смотрел, осознание того, что она спокойно может находиться в руках другого мужчины, накрывало все новой и новой волной. Светловолосая девушка по собственной воле спокойно прижимала оголенные колени к чужим ногам, указывая верное расположение в танце. И не было на лице никаких пунцовеющих пятен или расширенных в испуге глаз.

— Ещё раз? — спросила Элин, взглянув на застывшего Натана.

— Нет, думаю, что на сегодня всё, — его взгляд был направлен на настенные часы. — Кажется, нам с Тадеушем пора заняться кое-чем более важным.

— Что ж, — тихо ответила девушка, — азы я вам показала, теперь лучше бы начать тренироваться с Маргаритой, чтобы потом не было никаких неудобств.

— А я-то надеялся на следующую встречу, — собеседник усмехнулся и в легком наклоне туловища поцеловал правую руку Адалины. — Благодарю.

Девушка рассмеялась, а затем присела в шутливом реверансе. Она не восприняла

поведение мужчины как что-то непозволительное, в отличие от кого-то третьего, кого эти двое благополучно игнорировали.

— Натан, — донеслась волна раздражения от широкого окна.

— Ты прав, нам пора.

И если Тадеуш не хотел придушить собственного брата в этот самый момент, то желание сломать что-нибудь присутствовало точно. Элин внимательно наблюдала за поведением обоих мужчин, все больше убеждаясь в том, что они очень разные.

— Я провожу Адалину, — сообщил Тадеуш, когда Натан попрощался с девушкой и направился к двери.

— Делай это в темпе, отец не любит ждать, — послышался ответ, который вызвал у Элин умильную улыбку. Некоторые привычки, оказывается, передаются по наследству.

Высокие стройные деревья окрашивались мягкими оттенками вечера по обеим сторонам от Адалины, когда она вместе с Тадеушем шла по кипарисной аллее. В её конце начиналась короткая подъездная дорога, где девушку уже ждал автомобиль.

— Я думаю, что у него все получится, — уверенно произнесла Элин, кутаясь в свою короткую кофточку поверх бледно-желтого платья.

— Получится, — холодно отозвался собеседник.

Они только ступили на гладкий камень аллеи, а девушке уже приходилось спешить за мужчиной, так как тот внезапно устремился вперед. Его нервное состояние чувствовалось и в этой резкой походке, и в пустых ответах, а хуже того, читалось и на лице.

До легкой обиды Элин не понравилось такое отрешенное настроение, поэтому она вложила все силы, чтобы ускориться ещё больше и обогнать собеседника. Когда тонкая фигура скользнула вперед и замерла на его пути, он тоже остановился. Взгляды их столкнулись, но как бы она не хотела выразить всю свою решительность, плавные линии лица были слишком мягкими. Ещё нежнее её красоту делали два аккуратных пучка волос за небольшими ушами. Они теперь щекотали кожу шеи, так как девушке пришлось высоко поднять голову.

— Ты злишься на меня? — осторожно спросила Элин.

— Ты не боялась быть рядом с другим, — его серьезный тон звучал упреком, но никак не злостью.

— Я боюсь мужчин только в том случае, если они сами решают, чего я хочу. И когда таким решениям я противиться не могу.

Она вернула ему упрек в двойном размере, от чего Тадеуш был немало удивлен.

— Тебе не о чем беспокоиться, — тихо продолжила Элин, — это не первый раз, когда ко мне обращаются за помощью, поэтому у меня давно выработался некий профессиональный навык. К чужим прикосновениям во время танца я отношусь совершенно нейтрально.

— Мне не нравится этот навык, — произнес молодой мужчина.

— Если ты завидуешь, то могу и тебя научить танцевать вальс, — губы её растянулись в улыбке.

— А если ревную?

Когда Элин находила в себе очаровательную смелость подшучивать над ним, то Тадеушу, откровенно говоря, становилось неприятно и неловко. В такие моменты все внутри

него требовало вновь занять лидирующую позицию их отношений, а для этого хватало лишь прямолинейности. И смущенная, раскрасневшаяся девушка вновь оказывалась в его полной власти.

Только на этот раз смятение Адалины переросло в робкое огорчение, выразившееся лишь молчанием да резким разворотом на сто восемьдесят градусов. Он так и не смог понять, чем задел её, и даже не решился это выяснить. Их путь до конца аллеи продолжился под мерное шуршание темнеющей листвы, но когда они оказались в полушаге от автомобиля, Элин неожиданно заговорила:

— Ты ведь сам позвонил.

— Верно, — ответил молодой мужчина, внимательным взглядом охватывая ровную спину перед собой.

— Но что ты хотел на самом деле? Я совсем не понимаю, почему ты разозлился. Мне надо было отказать твоему брату? Но ты сказал, что нужна моя помощь! Разве я могла отказать?

Как это было ни странно, но он разобрал всё, что сумела пробормотать девушка.

— Ты всегда можешь мне отказать, и я ничего с этим не сделаю, — быстро и четко выговорил молодой мужчина.

Слова дались ему тяжелее, чем он ожидал, так как признание в собственном бессилии из-за чувств к другому человеку было чем-то новым и весьма неприемлемым.

— Я не заставляла себя, я действительно хотела помочь, — теперь девушка обернулась, чтобы увидеть странный оттенок в чужом взгляде.

— Рад этому.

— Тогда почему ты сердисься?

— Потому что я кретин, Элин! — прорычал Тадеуш, не в силах сдерживать свой эмоциональный порыв.

Неужели ей был неясен тот простой факт, что он успел тридцать раз проклясть себя за неспособность контролировать раздражающее чувство собственности. О ревности он мог говорить свободно, используя её, точно инструмент для смущения девушки, но вот раскрывать свои истинные чувства Тадеуш явно не намеревался. Ещё одна непозволительная роскошь.

— Думаю, такого от тебя ещё никто не слышал, — её большие зеленые глаза смотрели на собеседника с полным непониманием.

— И не услышит.

Элин знала, что сейчас, возможно, не самое лучшее время и настроение, но этот вопрос, беспокоивший её уже несколько дней, неожиданно возник в голове. Он дребезжал надоедливым гудением и требовал, чтобы его задали именно сейчас, пока есть возможность получить откровенный ответ.

— Я должна кое-что спросить.

— Что? — слегка сузив разрез бледно-голубых глаз, произнес Тадеуш.

— Почти три года назад моя сестра попала в клинику Пакушо и там познакомилась с одной девушкой, — Адалина начала объяснять издали, чтобы заранее стереть все недоразумения. — Мне кажется, что они поладили, может быть, даже подружились.

— Мне узнать об этой девушке? — перебил её собеседник.

— Возможно, ты о ней слышал, потому что Джилин, увидев Эзру, вспомнила, что он часто бывал в Пакушо, приходил к Карин. А когда я спросила у самого Эзры, то он, ну, как

мне показалось, разозлился. Хотя потом и сказал обратиться к тебе.

— Карин? — имя было произнесено таким тоном, что Элин оно показалось проклятым.

— Сестра просто хотела узнать о судьбе этой девушки.

— Она мертва.

Адалина ощутила желание тихо выдохнуть из-за появившейся неловкости, но слова мужчины заставили её сосредоточиться на одном немаловажном факте: он знает. И об этой Карин, и о том, что с ней стало.

— Эзра рассказал? — она одним неуверенным движением руки поправила ремень сумки на своем плече.

— Нет, — задумчиво ответил мужчина, — не рассказал.

— Она из твоего прошлого? — озвучила Адалина неожиданную мысль.

— Из того самого прошлого, о котором тебе знать не нужно.

Он серьезно смотрел в эти удивительно зеленые глаза, но лишь мгновение, потому что их обладательница быстро отвела взгляд в сторону.

— И так будет всегда, чтобы я не спросила? — произнесла она таким огорченным тоном, который он не мог оставить без внимания.

— Тебя это не должно касаться.

— Уже касается, — тихо начала Элин, но затем продолжила гораздо громче, — пока я рядом с тобой, меня, так или иначе, будет касаться каждая сторона твоей жизни. И о тебе самом я хотела бы знать только от тебя же, а не от кого-то третьего.

— Нет! — громко возразил Тадеуш. Но стена его уверенности в том, что он сможет оградить Адалину от всего, по его мнению, нежелательного, пошатнулась и, кажется, получила трещину.

— Тадеуш, пожалуйста.

В просьбе он услышал что-то очень важное.

Теперь он не мог убедить себя в том, что ей многого знать не стоит. Пожалуй, в словах Элин были какие-то моменты, с которыми ему следовало согласиться. Например, фраза, значившая, что говорить о себе лучше самому же. Она и без того забивает свою голову слухами и сплетнями, разговорами с Эзрой, да и прочим, а это все не ведет к сближению. Даже не выясняя все дотошно, девушка сталкивается с какими-то совершенно недопустимыми остатками информации. И выходит это, как не печально осознавать, слишком часто и излишне случайно. Хотя бы вопрос о Карин. Каким непостижимым образом Адалина оказалась связана с ней? Через сестру-наркоманку, которая узнала Эзру! Этот мир слишком тесен для того, чтобы Тадеуш рисковал, не желая посвящать Элин в своё темное прошлое.

— Хорошо, — ответил он после недолгого размышления. — Завтра вечером я буду свободен, и ты приедешь ко мне. Я обещаю рассказать все, что захочешь.

— Спасибо! — с улыбкой отозвалась девушка.

— Услышанное тебе точно не понравится.

Но мягкие прикосновения рук, которые попытались сомкнуться за его спиной, не дали мужчине окончательно испортить расставание мрачными предсказаниями. Объятия на прощание были всегда настолько нежными и осторожными, какие могли быть только у неё. Он же, наоборот, прижимал к себе так крепко, что светловолосой девушке удавалось почувствовать всю твердость мышц под чужой одеждой.

Когда дверь хлопнулась, а машина тронулась с места, Тадеуш ещё чувствовал легкий

знакомый запах её дорогих духов. И было чертовски приятно от того, что Элин понемногу учится принимать его незначительные знаки внимания в виде небольших подарков.

Зеркало было огромным, таким же огромным, как и он, поэтому с легкостью вмещало полное отражение не только молодого мужчины, но и той части комнаты, в которую заглядывало. Тадеуш, осмотрев себя с головы до ног, решил, что даже при сильном желании матери и своем неожиданном рвении выглядеть чуть лучше, чем обычно, не собирается надевать галстук-бабочку. Этот несуразный предмет был немедленно сдернут с шеи и отброшен куда-то в сторону, что существенно изменило картину в зеркале.

— Я тоже думаю, что вам лучше без него, босс, — отозвался Эзра.

Он спокойно сидел в кресле и следил за движениями мужчины с каким-то отстраненным интересом. За исключением этого, все в молодом человеке было как прежде: улыбка, хорошее настроение, болтливость и исполнительность. Тадеуш так и не смог увидеть ничего странного, чтобы скрывалось за обычной услужливостью его помощника. Хотя тот факт, что Эзра стал намного развязнее в его присутствии, слегка бросался в глаза, но это не доходило до той степени наглости, которую младший Моор предпочитал жестко пресекать.

— Ты задержался сегодня, — со своим обычным недовольством произнес он. Но цель у этого недовольства была только одна: показать, что все как всегда.

— Ну, босс, не только у вас есть личная жизнь.

На широкую улыбку Эзры Тадеуш никак не отреагировал. Мужчина отвернулся от надоевшего зеркала и взглянул на своего помощника обычным в своем безразличии взглядом.

Позавчера они разговаривали с Адалиной, и кое-что для младшего Моора осталось невыясненным. Это непосредственно касалось Эзры и частых поездок в клинику Пакушо. Проверить информацию Тадеуш мог только при том условии, если была возможность добраться до старых журналов посещения. Но они замечательным образом превратились в пепел при пожаре, произошедшем после самоубийства Карин. И снова все упиралось в эту девушку, чья дерзкая самоуверенность некогда понравилась Тадеушу.

— Встреть Адалину, она будет через двадцать минут у главного входа, — в приказном тоне отозвался младший Моор.

— Так рано? — удивился помощник, но уже сменил позу, чтобы подняться с кресла. — Мне присмотреть за ней, пока вы не освободитесь?

— Да.

После ухода Эзры, Тадеуш нашел ещё немного времени для того, чтобы позвонить человеку, на которого он мог положиться в такой неприятной ситуации. Мужчина дал весьма четкие указания, не услышал никаких лишних вопросов и закончил разговор.

Помощник, почти друг, практически правая рука, а в общем смысле тот, кому все эти годы доверял младший Моор, теперь оказался под подозрением. И черт бы с этой клиникой, да и с той же Карин, мало ли какие причины были у Эзры ездить к ней! Но стоило лишь допустить хотя бы малую причастность парня ко всей этой панике с наркотиками, как слишком много временных фактов складывалось воедино. Начать хотя бы с того, что когда со склада пропал контейнер, Эзра находился в недельной «командировке». Задача, поставленная перед ним тогда, требовала непосредственного присутствия в Пакушо. С одной

стороны — алиби, а с другой — все же неограниченная возможность распоряжаться своим временем, которое можно использовать и на трехчасовую поездку обратно.

Тадеуш не отличался сдержанностью, но даже в такой ситуации он понимал, что его грубые и резкие действия приведут к нежелательным последствиям. Ему необходимо было убедиться в том, что Эзра не причастен к случившемуся. Или причастен.

Просторное патио позади огромного поместья семьи Моор сегодня утопало во всевозможных оттенках синего. Сапфировые тканевые банты венчали многочисленные столы и стулья, а огромные лилии цвета лазурита наполняли все двадцать семь ваз, которые смогла насчитать Адалина.

Пока девушка занималась нехитрыми вычислениями, молодой человек, сидевший на стуле рядом, наблюдал за ней.

— Лина, мне следует извиниться за свою грубость при нашей последней встрече.

— У всех бывает плохое настроение, — с улыбкой ответила девушка и пожалала оголенными плечами. Это движение заставило Эзру скользнуть взглядом по тонкой линии ключиц к женской шее и неожиданно обнаружить затененный слоем пудры след. На золотистой коже едва заметно выделялось круглое покраснение.

— Точно, — ухмыльнулся собеседник и даже не подумал отвести взгляд, — скажи-ка, вы с боссом недавно встречались, так ведь? О чём болтали?

Девушка вдруг поняла, что разговор, по началу ни к чему не обязывающий, вдруг сменил своё беспечное направление на прямо противоположное. Даже не в тоне голоса молодого человека, а в чём-то гораздо более сложном, она почувствовала угрозу. Сам Эзра всё также доброжелательно смотрел в её сторону, и потому ощущения от прозвучавшего вопроса странно и противоречиво столкнулись в её восприятии.

— Думаю, что это наше дело, — тихо, но твёрдо произнесла девушка.

— Лина, дай-ка я тебе кое-что поясню, — с виду Эзра был спокоен, как воды пресного озера, но ему до внезапного раздражения не понравился ответ Адалины. — Пока ты имеешь дело с кем-то из членов семьи Моор, особенно если это один из тех, кто в ближайшем будущем возглавит семью, то ничего «нашего» у тебя с ним быть не может. И это не потому, что я так хочу, а потому, что семья хочет обезопасить себя от нежелательных претензий со стороны не только любовниц, черт знает кем себя возомнивших, но и внезапно возникших внебрачных детей.

Они оба знали, что Элин никогда не позволит себе предъявить хоть какие-то права на то, что ей не принадлежит и принадлежать не будет. Но Эзра сказал то, что считал нужным сказать, а Адалина его прекрасно поняла. Вновь ощутив пропасть между своим маленьким миром и огромными возможностями молодого мужчины, который так чувственно касался губами её шеи тем замечательным вечером, девушка высказалась без каких-либо эмоций:

— Позавчера я приехала в Южное поместье. Уехала утром. Мы разговаривали о Карин.

— И он тебе всё рассказал? — не без удивления в голосе поинтересовался парень.

Элин только кивнула. Её потухший зелёный взгляд медленно цеплялся то за одну бледно-голубую завитушку на скатерти, то за другую. Внутри груди что-то неприятно жгло холодом, хотя это ощущение точно не касалось того прошлого, завесу которого Тадеуш приоткрыл перед ней.

— И что ты об этом думаешь? — Эзра чувствовал не только превосходство над тихой

девушкой с поникшими плечами, но и некий отдалённый страх.

— Я не сказала Тадеушу, но ты ведь был влюблён в неё, наверное, да? — почти беззвучно пробормотала она.

— Что за чушь? С чего ты это взяла?

— Случайно узнала о том, что ты часто навещал её в клинике. Вот и подумала.

Она, казалось, и не заметила ошарашенного, почти обозленного лица, чьи черты заострились ещё больше. Это лицо внезапно подалось вперед, вместе со всем корпусом, чтобы как можно сильнее выразить свою угрозу.

— Что ты ещё не сказала Тадеушу? — Эзра понизил голос до скрежета, от которого девушка внезапно очнулась.

— То есть?

Адалина осознала, что молодой человек отнёс её фразу ко всему услышанному, но почему-то инстинктивно промолчала. Не стала разубеждать сердитого собеседника, что про его визиты в Пакушо Тадеуш всё-таки знает.

— Адалина! — звонкий выкрик вмиг окутал пустынное патио.

Эзра повернул голову на звук и резко принял своё первоначальное, якобы расслабленное, положение. Элин, внимательно следившая за такими переменами, внутреннее содрогнулась от испуга.

— Здравствуй, дорогая, — Маргарита с широкой улыбкой распахнула объятия навстречу поднимающейся со стула Элин. — Натан сказал, что ты специально приедешь пораньше, чтобы мы смогли порепетировать последний раз под твоим толковым присмотром. Что-то ты хмурая, плохо себя чувствуешь?

— Нет, нет, — похолодевшей спиной она ощутила цепкий взгляд Эзры, — всё в порядке, просто волнуюсь, скоро здесь будет много незнакомых людей.

— Ну, одного, даже очень близко знакомого, тебе хватит с головой, — насмешливо произнесла Маргарита, намекая на вполне себе ясные для неё самой отношения между Тадеушем и девушкой. — Эзра, передай ему, пожалуйста, что я конфисковала Адалину.

— Конечно, — донеслось в ответ.

Когда они обе исчезли в светлом проеме распахнутых дверей, молодой человек понял, что сегодня ему предстоит скрыть свою неожиданно выползшую наружу тайну. Чего бы это ни стоило.

Войдя в широкую галерею, где колонны песочного цвета легко пропускали гуляющий ветер, он был изумлён увиденным.

Маргарита и Натан слаженно плыли в ритмах тихой музыки, что доносилась из маленьких наушников, которые так предприимчиво захватила невеста и которые они теперь делились на двоих. Видно было, что даже в выстроенной по желанию прадеда галерее, длинной в пять сотен метров и шириной в три больших шага, места им катастрофически не хватало.

Но это Тадеуш заметил многим позже, после того, как гибкий чарующий образ перестал занимать всё его внимание и заострять углы ощущений.

Её платье из тончайшего полупрозрачного шифона лоскутами темнеющей ткани уходило в пол. Шелк сочной зеленью плотно окутывал фигуру в самых изящных местах, но словно позабыл о хрупкой шее и плечах девушки. Они тянули к себе его внимание не больше

того, что было сокрыто под нарядом, но ощущения от недавних прикосновений к этой нежной коже вновь всплыли в памяти. Тадеуш понял, что окончательно свихнулся, когда девушка, стоящая к нему спиной, чуть поправила волосы. Эти светлые, едва розоватые пряди ровными крупными волнами ниспадали, точно водопады цветущих ветвей на зеленоватую крону. Адалина не походила на ту самую сакуру, она словно была ею.

Она ощутила его приход раньше, чем услышала эхо шагов, а потому обернулась уже с улыбкой.

— Я жаждалась тебя, — вместо приветствия произнесла девушка.

— Моя вина, — ответил Тадеуш, не чувствуя в её словах упрека, — позже можешь попросить всё, что захочешь.

— Вообще вытряси из него как можно больше, чтобы знал, как заставлять девушку ждать, — рассмеялась Маргарита.

Пара закончила свой танец, но невеста всё ещё оставалась в объятиях будущего мужа.

— Закрой уже ей чем-нибудь рот, — беззлобно посоветовал брату Тадеуш, отметив то, как с полной уверенностью в своем неограниченном владении этой молодой женщиной, Натан располагает руки на её талии.

— Сам разберись, — парировал собеседник.

Он был доволен и только что полученным поцелуем, и собой в частности, потому не стал сыпать иголками в сторону отношений самого Тадеуша. Тем более, что их второй участник являл фигуру вполне себе приятной и доброй девушки, которая заслуживала уважения.

— Или я разберусь, — проворковала Маргарита и достала из нагрудного кармана Натана свой мобильный телефон. — Ого! Да я едва успеваю переодеться!

— Я могу помочь, — предложила Адалина.

Она вспомнила, как ей самой пришлось возиться с длинным дорогим платьем, дабы надеть его максимально аккуратно, а потом ещё и воевать с косметикой, которая раньше редко выходила за рамки туши и обычного блеска для губ.

— Спасибо, но думаю, что справлюсь сама, — Маргарита в этот момент видела лицо Тадеуша, чьи глаза выражали нежелание вновь терять светловолосую девушку из виду.

— Поторопись, — предостерег Натан, и его очаровательная будущая супруга действительно поторопилась так, что в мгновение ока не только выскользнула из его рук, но и стремительно исчезла за одной из дверей, ведущих в жилые комнаты.

Сам же Натан прошел между светлых колонн и направился в патио, чтобы, как он сообщил, встретить первых гостей. На самом деле этим должен был заниматься не только старший брат, но Тадеуш предпочел задержаться в полутени крытой галереи.

— Мне казалось, что он ясно намекнул на желательность твоего присутствия там, — кивнула Адалина в ту сторону, куда ушел Натан.

— Подождёт.

Он наклонился к ней за поцелуем и с удовольствием отметил, что высокие каблуки добавляют немного комфорта их немислимой разнице в росте. Девушка ответила ему вроде бы как всегда, но он перехватил узкие руки, которые потянулись за такими нужными прикосновениями. Элин с удивлением взглянула на свои чуть сжатые в мужских пальцах ладони.

— Если будешь распускать руки, то на помолвку мы попадём не скоро, — с усмешкой во взгляде пояснил свои действия Тадеуш.

Девушка с нежной улыбкой заглянула ему в глаза, а затем легко коснулась губами их сцепленных рук. Действие вызвало внутри молодого мужчины такую терпкую волну, что в голову закралась настойчивая мысль об использовании какой-нибудь стены для более тщательного объяснения с Элин. Но где же в этой чертовой галерее было найти хоть одну не отделанную стену? Хотя бы та, что оказалась ближе всего к спине хрупкой девушки, уже не имела и шанса на удобную опору, потому что во всю трехметровую высоту её украшал мраморно бледный барельеф обыкновенного тележного колеса с восьмью толстыми спицами. Следы от выпуклостей — это явно не являлось тем, что должно было остаться на её коже.

— Лучше пойдём, — тихо вздохнула Элин, своим тонким слухом уловив разносившиеся вдалеке голоса.

Тадеуш согласился с этим, так как мысли о том, что на самом деле должно бы оставаться на коже его девушки, могли изрядно помешать сегодняшним планам.

Наверное, он понял, что такое отвечать за кого-то, когда Раф и Дойл впервые ввязались в драку с какими-то отморозками из Пакушо. Отморозки оказались сыновьями Жоана Тонэ, важного человека в пределах промышленного городка. Ситуация представилась в таком свете: парни из семьи Моор напали на совершенно «безобидных» ребят из семьи Тонэ. И если бы эти ребята разобрались сами, а не подослали после избиения возмущенного папашу, возможно, Тадеушу и не довелось бы решить первую свою проблему без грубой силы. Приказом Адальбо младший сын должен был принести извинения за своих людей. Тадеуш не противился, логику отца он перенял ещё с пеленок.

Но здесь выходило иначе. Светловолосая девушка в своем струящемся зеленом платье была только его гостьей. Конечно, официально её пригласили на помолвку, как и всех остальных, но, в отличие от них, Адалина не имела практически никаких связей с семьей. Она не была родственницей (к большому счастью), не входила в число друзей, а просто прикреплялась к нему. Лишь подумав об этом, Тадеуш недовольно дернул уголком рта. Ему самому не нравился нынешний статус светловолосой девушки, но с этим фактом пока приходилось мириться. И нести ответственность.

Именно поэтому Элин постоянно чувствовала его цепкий взгляд, даже если младшего Моора рядом не оказывалось по каким-либо причинам. А причин нашлось много, потому что молодой мужчина с умением играл роль главы большой семьи. Папа Адальбо должен был прибыть через полчаса вместе с женой, и только Тадеушу приходилось заботиться о надлежащем приёме самых важных гостей. Это требовало всех его сил и внимания, но ему каким-то непостижимым образом удавалось всегда ухватиться за несколько свободных минут и негромко развлечь Элин историей о ком-то из присутствующих. Сказать, что она была безмерно благодарна за его усилия, значит — не сказать ничего.

— Разве обычно наследниками становятся не старшие сыновья? — в одно из таких свободных мгновений, девушка вдруг пришла к выводу, что ей интересен этот вопрос.

— Натан тоже по-своему во главе стола, с официальной стороны, — Тадеуш отыскивал глазами брата, который, обнимая за плечи счастливую Маргариту, что-то громко рассказывал двоюродным дядьям. — Решает юридические вопросы.

— А ты?

— А я все остальные, — негромко проговорил Тадеуш.

Знать и слышать — для Элин всегда было чем-то очень разным, как и сейчас: она прекрасно знала, чем занимается, да и чем может заниматься молодой мужчина, но слышала от него об этом впервые. Неизбежное столкновение эфемерного понимания о том, что дела семьи в большинстве своём представляют темную и незаконную сторону, и точного факта, что этими делами заведует сам Тадеуш, породили в её душе двойкие ощущения. Всё это тоже непременно коснётся жизни девушки, но готова ли она к таким столкновениям.

Возможно именно из-за этих внутренних разногласий, Элин отказалась подходить к его родителям, когда при их шумном появлении, Тадеуш мягким касанием ладони попытался показать, что хочет её представить.

— Извини, — тихо пробормотала она в ответ на его вопросительный взгляд.

Зелень глаз была словно затемнена смятением, которое пресекло все действия младшего Моора на корню. Он отправился приветствовать отца и мать один.

Хотя молодая пара пожелала отпраздновать помолвку в новомодном стиле, все гости по старой традиции начали громко поздравлять родителей жениха. Чтобы долго не затягивать с этими замечательными пожеланиями многочисленных внуков и правнуков, папа Адальбо остановил всё краткой благодарностью и громогласной шуткой. Обидного в ней не было ничего, но Маргарита залилась таким румянцем, что гости оглушили патио долгим дружным смехом. Натан, видя состояние своей девушки, официальную часть помолвки решил открыть сам.

Элин, в отличие от остальных, не вслушивалась в его слова. Она погрузилась в те беспокойные мысли, которые возникли при виде человека, по сути управлявшего всем городом.

Папа Адальбо оказался совершенно неулыбчивым мужчиной. Даже шутка, высказанная им только что, была произнесена с серьезным выражением небольших глаз. Их цепкий взгляд уже успел отметить среди гостей тех, кто не проявил должного уважения и просто не явился, тех, кто все-таки пришел, но лучше бы оставался дома, да и всех тех, кого он лично не знал.

Наверное, столкнусь Адалина несколько месяцев назад с ним где-нибудь в городке, то обязательно испытала бы смутную смесь чувств из почтительности и страха к этому высокому, мощному в плечах и груди человеку. Сейчас же она думала только о том, что Тадеуш поразительно похож на отца. И хотя Натан тоже перенял широту телосложения не от матери, до других мужчин в семье ему было далеко. Их рост с Маргаритой был практически одинаков, но, стоя рядом, молодые люди смотрелись очень гармонично. Элин подумала, что в её случае такой гармонии не достигнуть даже каблуками.

— Мой сын раздражен, но, тем не менее, не забывает настороженно поглядывать на предмет своего раздражения, — внезапно раздался тихий голос.

Элин, наблюдавшая за Маргаритой и Натаном, которые начали свой танец, едва сумела понять, что обращаются именно к ней. А как только поняла, то оторопела, потому что рядом оказалась мать Тадеуша. Будучи очень красивой женщиной, она сумела сохранить необыкновенную молодость в чертах узкого лица, хотя седые нити уже сильно посеребрили её волосы.

— Здравствуйте, — пролепетала девушка первое, что пришло ей в голову.

— Здравствуй, — бездонные, бледные глаза с интересом заглянули в чужое лицо. — Ты совсем не похожа на Летицию, но этот замечательный цвет радужки совершенно точно ваша

семейная черта.

— Вы знакомы с моей сестрой?

— В каком-то смысле я её поклонница, — отвечая спокойной улыбкой, Теула отметила скромную смущенность девушки. — А ты знакома с моим младшим сыном.

Элин позволила себе несмело взглянуть на женщину, которая, казалось, уже обо всем догадалась по румянцу на щеках своей собеседницы.

Красивая мелодия, которую выбрала Маргарита для вальса, подошла к концу, и уже после бурных аплодисментов, Теула неожиданно произнесла:

— Его отец разгромил мой дом, когда услышал семнадцатое по счёту: «Нет». Как видишь, мужчины этой семьи умеют добиваться желаемого.

Смотря в прямую, точно струна, спину удаляющейся женщины, Адалина так и не смогла понять, что же это было: предостережение или наставление? Но девушке стало гораздо легче после их небольшого разговора. Она даже смогла более или менее спокойно выдержать множество взглядов, которые устремились к ней, когда Маргарита своим звонким голосом поблагодарила Элин за помощь и изящным взмахом ладони указала на девушку. Та только с улыбкой кивнула в ответ и скромно опустила глаза под очередной залп аплодисментов.

Столики вместили всех гостей так внезапно и дружно, что Адалине показалось происходящее после настоящим обманом. Поначалу чинная церемония помолвки, как сейчас принято у большинства молодых людей, проходила по плану. Микрофон попадал в руки всем родственникам по порядку старшинства, и звучали обильные поздравления. Особенно разлилась в пожеланиях мама Маргариты, глаза которой все время слезились. Даже многочисленные подарки преподносились молодой паре с аккуратным пересчетом: от меньшего к большему. Только бабуля Кинти, очень седая, но по-юношески веселая женщина, решила оставить право последнего слова за собой. И с того момента, как она объявила о сюрпризе в виде местных музыкантов, специально приглашенных ею на помолвку, всё пошло по старому доброму сценарию. Свадьба приобрела такой размах местного колорита, который был знаком всем присутствующим. Даже Маргарита примирилась с неизбежным весельем, ворвавшимся вместе со звуками гитар и флейт.

— Ты можешь присоединиться к танцующим, — произнёс Тадеуш в перерыве между задорными песнями.

Это было первое, что он сказал ей после того, как они оказались рядом. До этого момента мужчина рассеянно следил за происходящим на незанятой чем-либо площадке между столиками гостей и столиком помолвленной пары. Его одолевали хмурые мысли и предполагаемые ответы на невысказанные вопросы.

— А мы можем немного прогуляться? — неожиданно ответила ему Элин.

— Конечно.

Она нежно касалась его губ своими под большой желто-зеленой яблоней в тени пустынного сада, куда они забрели совершенно нарочно. Тонкие руки с небывалой для них хваткой обвивали сильную мужскую шею, не давая и малейшей возможности освободиться. Его ладони сильно сжимали складки платья на хрупкой талии и бездумно плавали по не менее хрупкой спине.

Пару минут назад Тадеуш с легкостью поставил девушку на низкий парапет, который отделял садовую дорожку от яблонь. Но на этот раз Элин не отозвалась добродушным

смехом на их огромную разницу в росте, а лишь грустно улыбнулась и решила поцеловать мужчину.

Он совсем не был против получить эту поглощающую нежность, но странные настроения девушки портили всё удовольствие.

— Только я решаю, что ты отказываешься меня терпеть, как получаю поцелуй. Это обычные женские заморочки, или мне стоит знать об очередном подводном камне?

— Обычные, — солгала Элин с полуулыбкой и снова потянулась к чужим губам, но Тадеуш слегка повернул голову, не позволяя ей возобновить прикосновение.

— Это из-за матери? Что она тебе сказала?

— У тебя замечательная мама, которая предупредила меня, что от вашей семейной непрошибаемости мне никуда не деться, — смотря ему прямо в глаза, заявила девушка.

— Ты даже не подозреваешь, каким непрошибаемым я могу быть, — в своих излюбленно опасных тонах пригрозил Тадеуш.

— Я, по-моему, не отказывала семнадцать раз, — ей пришлось тихо выдохнуть из-за приятной дрожи, которая оказалась реакцией на наглые прикосновения мужчины к одним из опаснейших мест на её теле.

— Пять, и это только прошлым вечером, — приглушённо ответил он, заставляя её, стоящую выше, немного наклониться, чтобы дотянуться до шеи.

— Там пудра, — предупредила девушка прежде, чем поняла, что ошибается.

Сначала горячее прикосновение языка легло на поверхность чувствительной кожи, смывая безвкусный тальк, а затем шероховатость губ подправила потускневший красный след. Как будет скрывать его теперь девушка подумать не могла, потому что думать в этот момент было не чем.

— Ты издеваешься, — почти на полустоне выдавила она и с силой сжала ткань его рубашки цепкими пальцами, едва побелевшими на костяшках.

Молодой мужчина ничего не ответил, только уже влажные губы опустились на выступающие под тяжелым вдохом ключицы да большие руки ещё теснее прижали к себе тонкое тело. Если бы не такая фундаментальная опора, то девушка давно бы свалилась с парапета, на котором теперь почти и не стояла. Кажется, что вся нижняя часть её тела начинала медленно неметь от пробирающих до дрожи прикосновений, которые она остро ощущала сквозь шёлк. Если бы не ткань, то близость их стала бы гораздо откровеннее.

— Что я говорил о длинных платьях? — он в очередной раз запутался пальцами в одной из плавных складок и, недовольный этим, отвлекся от загорелой кожи с легким запахом жасмина.

— Что? — пролепетала Элин.

— Сегодня же вечером изорву к чертовой матери! — прорычал Тадеуш и замер, словно вдруг вспомнил что-то очень важное.

Руки его неожиданно крепко ухватили девушку за талию, чтобы в следующий момент опустить на садовую дорожку.

— Нам пора возвращаться, иначе Натан убьет меня, если я пропущу винную церемонию.

— Это та традиция, когда самый младший в семье наливает в бокалы молодых вино? — Элин уже ловко поправляла воротник его белоснежной рубашки и возвращала в петельки верхние пуговицы, которые из-за её смелости так легко были расстегнуты.

— Да, — кивнул Тадеуш. — Эзра может составить тебе компанию, пока я буду занят.

— Нет, — голос её дрогнул, когда она произносила это слово, но мужчина не понял от

чего.

Он приподнял пальцами её чуть острый подбородок и заглянул в лицо, скулы которого всё ещё рдели румянцем, но глаза уже выражали совсем другие оттенки чувств.

— Почему?

— Потому что он сначала выспрашивает, а услышав то, что хотел, злится!

— И что он выспрашивает? — настороженный её жалобой, Тадеуш сам попытался не выдать свою злость.

— Дело опять в этой девушке, Карин, — тихо сказала Элин и отвела взгляд в сторону.

— Черт бы её...!

— Тадеуш! Нельзя же так, — проворчала она в ответ на услышанную брань. — Она ведь погибла.

Мужчина замер так неожиданно, что даже широкая грудь под её ладонями перестала вздыматься. Он взглядом скользнул по светлым волнам волос, а затем задумчиво выдал:

— Мне кажется, что мертвые так часто о себе не напоминают.

— То есть? — девушка в поисках ответа заглянула в его лицо, напряженное из-за размышлений.

— Ничего, — Тадеуш вдруг расслабился, чувствуя волну чужого беспокойства. — Возвращайся обратно, а мне нужно кое-что решить.

Элин хотела бы спросить, что же пришло ему на ум, да и как он собирается успеть к церемонии, но промолчала. Потому что молодой мужчина, на несколько секунд прижавший её ладони к своим губам, старался выглядеть намного спокойнее, чем был на самом деле. Она видела его решительность, его нарастающую злобу, и совершенно точно знала: это её не касается.

— Я буду ждать тебя там, — только улыбнулась она в ответ и легко выскользнула из крепких объятий.

Тадеуш не смотрел ей вслед, хотя очень чётко слышал стук тонких каблучков по каменной дорожке. А когда звук затих, мужчина направился в противоположную сторону. Полностью погруженный в свои мысли, которые рисовали всё новые и новые картины убедительных предположений, он пропустил странное мимолетное чувство тревоги.

Он всё же немного опоздал, за что был награждён испепеляющим взглядом брата и совсем недовольным лицом Маргариты. Впрочем, это не произвело на него совершенно никакого эффекта, потому что мысли все ещё были заняты безотлагательным решением одной большой проблемы.

Уже беря в руки прохладную бутылку с многолетним вином и прислушиваясь к стихающим звукам бузуки, Тадеуш попытался отыскать взглядом Адалину. Но ни травянистой зелени её платья, ни светловолосой макушки нигде так и не заметил. Впрочем, папа Адальбо уже произнес положенную в таких случаях речь, и слово должен быть взять младший Моор, чтобы, наконец, открыть бутылку с вином. Потому Тадуш, всецело теперь поглощенный церемонией, отодвинул поиски девушки на второй план. Тем более, что поводов для волнения не было: Элин скорее всего затерялась в толпе гостей.

Мелодичный звон двух бокалов разнёсся по такому непривычно бесшумному патио и молодая пара, предварительно сделав по глотку вина, почти одновременно огласила

пространство звуком бьющегося стекла.

— Винную песню! — тут же громогласно заявила женщина, приходящаяся братьям Моор тетушкой по материнской линии.

Её пожелание стало навязчивой идеей, которую своими выкриками поддержали многие гости. Словно им в угодую раздалось резкое бречание струн.

— Может быть, Адалина станцует? — поинтересовался Натан, забирая у Тадеуша бутылку вина.

— Не думаю, — мужчине пришлось повесить голос так, чтобы быть услышанным сквозь стройное хоровое пение.

— Ты всё же спроси, — присоединилась к разговору Маргарита, — мы с ней могли бы показать этому старичью, как надо плясать.

— Твою бабушку, дорогая, никто не переплюнет.

— Натан, я такой же в старости буду.

— Отказываюсь жениться!

По взгляду Маргариты было ясно, что новый бокал, который Натан аккуратно наполнял красным напитком, сейчас будет отправлен в физиономию, так любящую некстати пошутить. Но мужчина, дабы избежать опасности, подарил своей будущей жене примирительный поцелуй. И, пожалуй, повторил бы подарок, однако Маргарита внезапно была схвачена за руки и с безотказной настойчивостью вытолкнута в центр патио. Там уже бушевало пламя танца, в котором не только женщины, но и изрядно подвыпившие мужчины принимали непосредственное участие.

Тадеуш наблюдал все эти сцены с немым недоумением, хотя даже ему происходящее казалось до придурковатости смешным.

— Сам виноват, — без сочувствия отозвался он, когда брат обратился к нему с шутливой жалобой на будущие перипетии семейной жизни.

— А мы через пару месяцев посмотрим, кто и в чём виноват, — без особой угрозы в голосе предупредил собеседник.

— Через пару месяцев?

— Знаешь, Маргарита дает год, а я всё же не считаю тебя таким тормозом, думаю, созреешь раньше.

— До чего? — уловив убежденность в голосе Натана и уже, кажется, начиная догадываться о теме их диалога, Тадеуш испытал раздражение.

— Она ведь тебе не просто нравится, — внезапно ироничная несерьезность собеседника исчезла без следа.

— Не просто, — мрачно согласился молодой мужчина, — но с этим я разберусь сам.

— Ещё бы, — спустя пару мгновений произнёс Натан, но Тадеуш уже покинул общество брата.

Он направился к толпе гостей, дабы отыскать светловолосую девушку, которая, наверное, ждалась его. Но только через десять минут непрерывных блужданий, пришло осознание того, что Адалины здесь нет.

Уже несколько раз пропели всё те же куплеты незабвенной «Винной песни», и даже успели украсть голубеющую в волосах Маргариты розу, чтобы замученный жених выкупил этот ложный символ невинности. А зеленоглазой девушки Тадеуш так и не дождался.

Покидая гудящее патио, он направился по каменной дорожке к тому месту в саду, где они с Элин расстались, но это ни к чему не привело. Теперь молодой мужчина всерьез начал

волноваться. Оставалось только вернуться и начать спрашивать, не видел ли кто-нибудь тонкую светловолосую девушку, зеленоглазую и до умопомрачения красивую. Конечно же, последних слов он бы никому, а уж тем более себе, не сказал бы, но факт оставался фактом: Адалина исчезла. Мысль эта настолько обеспокоила Тадеуша, что он стал раздражительным. И уже на полпути в патио, когда перед ним внезапно возник Раф, резко поинтересовался:

— Забыл что тут? Опять ни хрена не делаешь?

— Да я...эээ, — парень запнулся от испуга, осознав, что ему не повезло попасть под горячую руку.

— Что?

— Д-дойла я жду, он отлить пошел, б-босс, — пролепетал Раф и мысленно взмолился всем богам, чтобы на этот раз влетело не сильно.

— Ясно, — неожиданно присмирел Тадеуш, — Адалину не видел?

— Босс, — раздался негромкий голос откуда-то справа, не дав тем самым Рафу ответить.

Тадеуш обернулся и увидел перед собой сорокалетнего мужчину, чья незаметная, точно тень, фигура отделилась от старой яблони и вышла на солнечный свет.

— Об этом потом, — отмахнулся младший Моор, так как знал, что ему должен сообщить телохранитель, — лучше выясни, куда исчезла моя девушка.

— Но я всё ещё не нашёл Эзру, — донеслось бесцветное высказывание в ответ.

Напряжение, которое возрастало внутри молодого мужчины с каждой минутой, внезапно увеличилось в разы. И гнев начал закипать мгновенно.

— Выясните мне, чёрт вас возьми, где...

— О, босс, а чё это вы тут? — Дойл, к своему несчастью, выплыл из-за поворота в самый неподходящий момент. А когда увидел горящий ненавистью взгляд Тадеуша, то своим животом ощутил холодное лезвие, пронзающее страхом все нутро. Парень попытался сдаться назад, однако судьба его была предreshена.

— Сюда иди, — приказал младший Моор, — Адалину видел?

— Д-да, — закивал испуганный Дойл, но с места не сдвинулся.

— Где?

— У большой галереи, с Эзрой шла, — глаза Дойла округлялись по мере того, как мрачнело лицо его босса. С каждым услышанным словом черты этого лица заострялись всё больше и больше.

Молчание, повисшее вдруг в пространстве, длилось лишь мгновение, но каждый из присутствующих понял, что грозит оно большим взрывом. Тадеуш использовал эту тишину для того, чтобы быстро и решительно отмести все ненужные эмоции, а затем выдать четкие указания:

— Дойл, Раф, возьмите парней и обыщите каждый куст у галереи. А ты, — Тадеуш серьезно посмотрел на своего телохранителя, — будь поблизости.

Мужчина с совершенно непримечательными чертами лица едва заметно кивнул в ответ. Младший Моор только нахмурился, полнясь злобой ещё больше. Всё теперь развивалось не так, как он того хотел, а контролировать нынешнюю ситуацию Тадеуш просто не мог. И неведение его меркло перед тем ощущением угрозы, которое нависло над светловолосой головой Адалины.

Элин точно помнила, какой дорогой они шли в глубину старого сада. И, возвращаясь обратно, была уверена, что очень скоро окажется среди гостей. Влево — вправо — снова влево, шум голосов становился всё ближе, а звуки музыкальных инструментов различались всё отчётливей. Но когда девушка выбрала очередное ответвление тропы, то перед лицом её выросла огромная зеленая стена. За ней множество людей шумели звоном бокалов и отбиванием ног в ритме быстрого танца. Девушка зашла куда надо, только оказалась не с той стороны. Теперь следовало вернуться обратно и начать свой путь заново. Наверное, она где-то не там свернула.

Что окончательно заблудилась, Элин поняла только тогда, когда практически перестала слышать звуки праздника, а гладкий камень под ногами превратился в грунт.

Девушка застыла в тени большой яблони, чтобы осмотреться и подумать о своих дальнейших действиях. Рядом не оказалось никого, к кому можно было бы обратиться за помощью. Только громко щебетали какие-то птицы да шумела яркая листва над головой. Элин глубоко вздохнула и решила вернуться на ту аккуратную каменную дорожку, по которой только что пришла. Неожиданно до слуха её донеслись приглушенные голоса. Она напряглась, чтобы лучше определить источник звука и тут же заспешила по землистой неухоженной тропе. За следующим поворотом, она знала точно, разговаривают какие-то люди. Но на том месте, где рос огромный куст гибискуса и тропа загибалась влево, Адалина резко остановилась. Чувство возрастающей тревоги заполнило все её ощущения. Возможно, именно из-за этого чувства она не сделала ещё шаг, а, может быть, выплунуть из-за куста ей помешал знакомый голос, внезапно разнесшийся в пространстве.

— Да откуда я знал, что оно всплывёт? — раздраженно возразил Эзра.

— Мне насрать, понял? Это только твои проблемы, потому что я сделал всё, что обещал. И поджёт тот, кстати, обошелся недёшево!

Элин не знала, с кем разговаривает парень, потому что никогда не слышала этого глубокого, точно утробного, голоса.

— Я эту клинику потом на собственные бабки отделал! — продолжал возмущаться человек. — Ты хоть знаешь, засранец, как ты подставляешь нас со своими психами?

— Вы только посмотрите на этого благодетеля! Пару горелых комнат в наркосарае отремонтировал и считает, что вложил в дело. Не забывай, что мы в одной лодке, только я-то с грузом, — в голосе Эзры было столько ядовитой озлобленности, что девушка невольно поёжилась.

— И пойдёшь ты с этим грузом на дно, когда до Моора дойдёт!

— Не дойдёт, если ты, урод, не решишь дать задний ход. Учти, меня закатают в бетон только поверх твоих костей! Что, очко поджигает?

— Да как ты! — громогласно заявил собеседник, но тут же снизил тон до глубокого шёпота, — послушай, зачем нам ссориться? Просто разберись с этой проблемой и всё.

— Разберусь.

На этом, кажется, разговор кончился, потому что Элин не услышала ничего, кроме удаляющихся шагов. Видимо, дальше тропинка была усыпана гравием и девушке страшно повезло, что разговаривающие уходили в противоположную сторону, потому что сама она не

успела бы где-либо скрыться.

Пару минут ей пришлось подождать, чтобы окончательно убедиться в воцарившейся тишине и отсутствии опасных фигур где-то впереди. Затем она осторожно, затаив дыхание, выглянула из-за алеющего куста гибискуса и действительно никого не увидела. Дорожка из мелких камешков расстилалась прямо перед зеленым внимательным взглядом и вела, вероятнее всего, к выходу из садового лабиринта.

— Удивительная способность влезать в мои дела!

От голоса, раздавшегося над самым ухом, девушка шарахнулась в сторону, как от горящего полена, неожиданно оказавшегося у самого лица. Но далеко отойти ей не дали, так как плечи неожиданно крепко сжали чужие руки, чем дали понять, что Элин лучше не дергаться. Сердце девушки ухнуло куда-то вниз, а затем вернулось на место и начало набирать обороты в своём надрывном постукивании.

— Мне начинает казаться, что ты специально вынюхиваешь, — усмехнулся молодой человек, не стараясь разорвать неприятную для неё близость. — Но как можно подумать, что свою любимую игрушку Тадеуш отправит следить, да ещё и за мной? Уму непостижимо.

Даже обычная, ни к чему не обязывающая дружелюбность его голоса не могла больше вводить в заблуждение, потому что озлобленный тон ядом сочился из каждой сказанной фразы. Элин со страхом вслушивалась в эти липкие слова, которые вместе с неприятным горячим дыханием лились в её правое ухо. Кажется, даже светлые волосы приподнялись у корней от пробравшей дрожи. Но как? Как она не услышала приближения Эзры? Слух девушки, уникальный слух, который порой удивлял её саму тем, что улавливал настолько далекие звуки, теперь подвёл. Но тому виной, возможно, была её невнимательность и мягкий грунт под ногами, благодаря которому опасность подступила сзади так бесшумно.

— Я просто заблудилась, — выдавила из себя Адалина, когда плечи её сжали чуть сильнее.

— И я, почему-то, даже не сомневаюсь.

— И хотела узнать дорогу.

— А потому воровато выглядывала из кустов? — очередная злобная усмешка сорвалась с его губ. — Послушай, Лина, нам ведь давно пора побеседовать, верно? Отправимся мы с тобой сейчас в одно тихое местечко, где нас никто не побеспокоит, а то ведь время близится к вечеру, и по саду начнут шнырять пьяные гости да развратные парочки.

— Я никуда с тобой не пойду, — твердо заявила девушка и попыталась вырваться, но цепкие пальцы до боли сжали оголённые плечи, короткими ногтями впиваясь в кожу.

— Лина, я же пока вежливо прошу.

Рост девушки теперь был практически такой же, как и у него, из-за туфель на высоких каблуках, а потому он с легкостью, даже не наклоняясь, заглянул в её нахмуренное лицо.

— Ты сейчас тихо, без единого писка топаешь туда, куда я направлю тебя, и не пытаешь рыпаться, а я, так уж и быть, не угрожаю тебе пистолетом. Всё уяснила?

Девушка покорно кивнула, понимая, что в этой ситуации она ничего не может сделать. Её прорбирала мелкая дрожь от страха, когда ноги неуклюже перемещались по гравию. Как оказалось, для такого покрытия обувь на Элин была не сама подходящая, но Эзру это не волновало.

В полном молчании, с периодичностью в один грубый рывок на каждом повороте, они добрались до обратной стороны сада, где особняк семьи Моор начинался крытой галереей. На пути им никто не встретился, а девушка вела себя так кротко, что хватка на плечах стала

немного мягче.

— Теперь очень быстро идём в правую крайнюю арку, — прокомментировал Эзра, но вместо ожидаемого кивка получил взгляд, устремлённый в сторону гудящих музыкой высоких кустов, что полностью загоразивали патио. — Поверь мне, Лина, едва ты откроешь свой рот, я тут же тебя пристрелю. И хрен кто поймёт, что это моих рук дело, потому что сад я знаю, как свои пять пальцев. Исчезну тут же, а затем как будто вместе со всеми прибегу на твой предсмертный крик. Даже сострою скорбную мину, выслушивая предположения, что тебя могла убить одна из бывших пассий Тадеуша.

— В такое никто не поверит! — воскликнула девушка.

— Тише, твою мать! — прорычал молодой человек. — Поверит или нет, не мои проблемы, хотя его прошлые бабы те ещё суки. Не в пример тебе, конечно, дорогая.

Комплимент прозвучал, точно самое грубое оскорбление, что девушку задело едва ли сильнее, чем возможность умереть от пули.

— Но знаешь, эти вообще не лезли в то, что их не касается, чем ты как раз таки и отличилась, — продолжил Эзра, когда они беспрепятственно нырнули под своды мраморной галереи, — ума не приложу, какой экзотики ему захотелось, что на тебя посмотрел. И надо же, хоть раз в жизни сделал нормальный выбор, а ту... Ах ты дрянь!

Разливаясь в своих разглагольствованиах, молодой человек лишь на немного ослабил внимание, и Элин почувствовала это. Момент был подходящий, так как они находились уже у входа в последнюю арку галереи, как раз таки у той стены, где не так давно девушка смотрела на танцующую пару и ждала Тадеуша.

Она почти не слушала чужие слова, только сама собиралась с мыслями, чтобы как можно решительнее предпринять следующий шаг. Когда Эзру окончательно унесло в пучину монолога, Элин резким движением стряхнула его руки со своих плеч и попыталась вырваться вперед. Но буквально через пару шагов была остановлена и сильным рывком прижата к стене.

— Я тебе говорил без глупостей?! — прошипел ей в лицо взбешенный парень. — Какого хрена ты меня доводишь? Жить не нравится? Дура.

Он комками выплевывал злые слова в сморщенное от боли лицо, к тонкому подбородку которого теперь был приставлен пистолет, что напугало девушку ещё больше. Мысли в голове путались от страха, а боль в спине пульсировала всё сильнее. Удар позвоночника пришёлся прямо на каменные выступы барельефа, и платье из тонкого шифона безнадежно издало звук рвущейся ткани.

— Не смей реветь.

— Больно, — прошептала Элин, едва слыша себя из-за бешено колотящегося сердца.

— Дура, — повторил Эзра и грубо отдернул девушку от стены. — Вали, куда говорил. Ещё раз такое вытворишь, я тебя точно пристрелю.

Адалина без колебаний проследовала вперед.

Всего один коридор, два поворота и они спустились по лестнице куда-то вниз. Эзра ногой отворил перед девушкой деревянную дверь. Элин втокнули в пряную прохладу длинного подвала, где у дальних стен начинался настоящий винный погреб. В полутьме она смогла разглядеть большие дощатые бочки и бесконечный коридор. Всего в паре шагов оказались этажерки с темно-зелёными бутылками вина и небольшие серые ящики, на которые Адалину заставили сесть.

— Сиди тихо. Впрочем, можешь и поорать, это мало чем поможет. Судя по местным

сказкам, подвал строили в те времена, когда богатая знать развлекала себя пыточными камерами для нерадивых крестьян, — Эзра немного отпустил свой гнев, что было слышно в словах, которым вернулась въедливая шутливость. — Видимо предки этой семейки были теми ещё извращенцами, раз отгрохали такой звуконепроницаемый склеп.

Элин смотрела на него с безотчетным страхом и глубокой неприязнью, а спина её и плечи тихой неровной болью напоминали о недавних происшествиях.

— Зачем ты привёл меня сюда?

— Затем, чтобы ты поведала, откуда тебе известно обо мне и Карин, — бросил через плечо Эзра, с трудом передвигая тяжёлый ящик. К его большому сожалению, старая массивная дверь закрывалась на висячий замок только снаружи.

От внимания девушки не укрылось, что небольшой пистолет из тёмного металла парень засунул за ремень брюк, и место это теперь было под неотрывным её наблюдением.

— Я услышала, — тихо проговорила девушка и своими прохладными пальцами коснулась левого плеча, оно болело больше всего.

— От кого ты, на хрен, услышала? Все те, кто видел меня там, либо сдох, либо будет держать рот на замке!

— Не помню, кто-то из знакомых сказал, что..

— А уж не твоя ли сестра-наркоманка? — перебил её ложь Эзра. — Так и есть, тогда, в машине, ты сама мне об этом и сказала!

— Нет, не она! — девушка с таким отчаянием посмотрела прямо в глаза собеседнику, что тот всё понял.

— Не беспокойся, до неё я доберусь позже, — искривив губы в ухмылке, ответил парень и уселся на ещё один ящик, который только что передвинул. — В итоге, она всё-таки что-то знала. Я-то решил, раз девчонка выжила, то может поведать не очень полезную информацию от своего дружка, который сбывал ей наркотики и, к счастью, склеил лапы в том подвале. К счастью для меня. Твоя чертова сестрица пропала очень некстати!

Элин застыла с тем же взглядом безысходности и чувством вновь накатывающего страха, но уже не за свою жизнь. Под этим невидящим зелёным взором грудь молодого человека часто вздымалась от недавних усилий, но он довольно быстро выравнивал дыхание. Пальцы руки, что так грубо дергали девушку за левое плечо, скользнули в каштановые волосы, чтобы отбросить их назад. Видимо, мешали рассматривать побледневшую и испуганную жертву, чьё лоскутное платье было изорвано у подола.

— Что с твоей одеждой? — очень тихо, практически шепотом спросил Эзра.

В глазах девушки скользнуло недоумение, словно она не понимала о чём идёт речь. Элин медленно перевела взгляд на ткань платья.

— Где ты его порвала! — заорал парень, вскакивая со своего места. Лицо его прорезала такая полоса ненависти, что сердце девушки подскочило до самого горла, а затем сорвалось с невидимой нитки и вновь рухнуло глубоко вниз.

Если бы не грохот, раздавшийся в это мгновение, то неизвестно что сделал бы разъяренный Эзра с Элин, чьё тело оцепенело от страха.

— Ты, — зарычал собеседник, оторвав взгляд от двери и вернув его гневным упреком Адалине, — сучка, умудрилась разбросать рваные тряпки по всем коридорам? Не важно! Теперь мне точно нечего терять!

Очередных безумных сотрясений двери и чьих-то громких криков за ней Элин не услышала, потому что из головы пропали все мысли и звуки. Остался только страх перед

ровной поверхностью металла, который легко лег в руку молодого человека, направившегося прямо к девушке.

Под его серьезным внимательным взглядом колонны медленно золотились от лучей закатного солнца. Где-то справа кто-то тянул длинный заунывный романс, а слева Дойл грузно вылезал из кустов, разнося вокруг шелестящие звуки. Тадеуш не обратил на эти звуки никакого внимания, потому что уже пару минут назад точно знал, что поиски вокруг ни к чему не приведут.

— Кончайте шататься по саду, — коротко бросил младший Моор и широким шагом пересек единственную мраморную ступеньку. Первые вечерние тени последовали за ним.

В следующие минуты его люди, собравшиеся у ряда трехметровых колонн, наблюдали, как молодой мужчина пересекает длинную галерею от начала и до конца. Тадеуш прошел мимо жемчужных стен с простейшими барельефами и мимо трёх арочных входов, остановился возле четвёртого. Остановился только потому, что огромное колесо своими выступами пробудило в нём воспоминания. Ледяной взгляд скользнул по мраморным спицам и замер на том месте, где кто-то, точно балуясь с кистью, слегка мазнул по острому выступу алой краской.

— Босс, — произнес Дойл, думая, что Тадеуш забыл о них и беспричинно всматривается в колесо на стене, которое видел сотни тысяч раз с самого детства.

В ответ молодой мужчина только безмолвно наклонился, чтобы подобрать с пола какой-то зеленый лоскуток. На его лицо легла мрачная полоса раздумий, но буквально через секунду он снова двинулся с места.

Четвёртый арочный вход вёл в северное крыло поместья, где справа было множество гостевых комнат, а слева кладовые помещения. И спуск в винный погреб.

— Обыскать комнаты для гостей, — громко скомандовал Тадеуш, когда сзади послышался топот множества ног.

Но, отдавая приказ, он уже точно знал, куда бы сам направился на месте Эзры. Каким-то неведомым чувством мужчина нашёл эту путеводную нить, которая вела его намного левее и ниже.

У входа в погреб он оказался в считанные минуты. Дверь, на которой в праздничный день не висело положенного замка, с первого толчка не открылась. За ней раздался чей-то громкий возглас, и Тадеуш с новыми силами налёг на деревянную поверхность, но что-то подпирало её изнутри. Только с третьего раза мощное тело в своём упорстве смогло ударить по двери так, что она с грохотом оттолкнула препятствие перед собой.

Первое, что увидел мужчина, когда ввалился в подвал, это испуганную зелень чужих глаз. Их обладательница стояла в нескольких метрах от Тадеуша и, казалось, позабыла, как нужно дышать. У её правого виска дрогнуло дуло пистолета, а у шеи сжалась чужая рука. Эзра безопасно устроился за спиной своей заложницы и посылал ненавистные взгляды в сторону Тадеуша.

— Сообразительная девочка, я же вам говорил, босс, — парень первым подал голос, желая взять контроль ситуацией в свои руки.

— Если ты...

— Я не отпущу её! — он оборвал гневное высказывание нежданного гостя и плотнее стиснул горло Элин, от чего она судорожно вдохнула.

— Ублюдок, мать твою, — со злобой выплюнул Тадеуш.

— Тебе повезло, что твой ублюдок сдох ещё в Пакушо! — неожиданно заорал Эзра. Саднящей спиной девушка почувствовала трясущееся от гнева тело.

— Что ты несёшь?! — молодой мужчина цепко хватал взглядом движения парня, в чьих руках находилась угроза жизни Адалины. Ему сложно было подавлять в себе возрастающую лавину гнева и думать хладнокровно. Но в мыслях все-таки шла напряженная работа по поиску выхода из ситуации. Тадеуш сделал едва заметный шаг вперед.

— Карин из-за наркоты не смогла родить твоего ребенка! Да и вообще больше не родила бы! Никогда!

— Значит, Карин, да? — напряжённая линия его губ искривилась в ухмылке. — Всё дело в якобы умершей Карин, Эзра? Это она решила отомстить и уговорила тебя устроить пожар в клинике? А кто из вас двоих догадался насолить мне с помощью этих поганых наркотиков? Тоже её рук дело?!

Едва Тадеуш закончил, как по погребу гулким эхом разнёсся надрывный громкий смех. Элин, которая вслушивалась в этот совершенно непонятный разговор и замирала при каждом движении позади, невольно содрогнулась.

— Не дергайся, — он оборвал свой смех так же внезапно, как и начал, решив сильнее прижать дуло пистолета к вспотевшему виску.

— И с каких это пор Тадеуш Моор стал таким сообразительным? — продолжил Эзра, когда чужое тело снова безвольно застыло в руках.

— Эзра, я найду эту Карин и...

— Адрес кладбища подсказать? Она наложила на себя руки! Слышишь? И в этом, чёрт побери, только твоя вина! Ни хрена ты не понял, и ни хрена не поймёшь, потому что ты — самовлюблённый урод, которому нет никакого дела до таких, как Карин! Такой же, как мой папаша, рожу которого я так никогда и не увидел! Только вот моей матери повезло больше и наркота не помешала ей родить!

— В том, что твоя мать — шлюха, я тоже виноват? — громко поинтересовался Тадеуш.

— Заткнись! Закрой свой чёртов рот, иначе я продырявлю ей бошку!

— Эзра, прошу тебя, — хрипло прошептала Элин, когда стало совсем невыносимо сжиматься горло.

— Не скули, он с тобой поступит также, как и с ней. Хотя сильно сомневаюсь, что ты сильнее Карин. Знаешь, Тадеуш, она ведь почти вылечилась, говорила мне, что хочет начать новую жизнь, выйти замуж, родить детей. Дети вообще стали её навязчивой идеей, я часами про них слушал, а потом смотрел в глаза её матери, которая, в отличие от Карин, знала про бесплодность. Догадываешься, после какой приятной новости Карин решила выброситься из окна? Это ты сломал её жизнь!

Тадеуш слушал его слова с угрюмым молчанием, потому что в голове лихорадочно металась мысль. Он ясно видел Элин и Эзру, которых освещали лучи из маленького подвального оконца, но ничего не мог предпринять. Будь на месте светловолосой девушки кто-то другой, не такой важный, то он бы действовал без колебаний. Пусть с риском для чужой жизни, но быстро и чётко мужчина давно бы разрешил ситуацию в свою пользу. Однако сейчас его одолевали сомнения.

В этот момент Элин поняла, что сил у неё практически не осталось. Длинная мужская рука перехватило горло настолько, насколько хватило сил, поэтому неприятный ком в горле перекрыл весь кислород. И прежде, чем девушка испытала хоть какие-то чувства, сознание

начало быстро покидать её тело.

— Я же сказал тебе... — Эзра ощутил шевеление перед собой и решил, что заложница снова глупит, но глупит как-то неестественно: медленно сползая вниз.

Он отвлёкся лишь на мгновение, пытаясь удержать обмякшую девушку, чьи глаза медленно закрылись, а ноги перестали создавать опору. Тадеуш, чувствуя, что внутри всё выворачивает наизнанку, понял: действовать нужно немедленно. Два метра, которые разделяли их, он преодолел с небывалой скоростью, но прежде, чем его мощный удар достиг противника, раздались два оглушительных выстрела.

— Она в порядке, — ответила Маргарита, отдавая стаканчик горячего безвкусного кофе из автомата.

Тадеуш слегка кивнул и снова прислонился затылком к холодной стене. Он сидел на высокой больничной кушетке, чувствуя, как жжёт ладонь и пульсирует болью левый бок. Однако внутри у него ничто не жгло и ничто не пульсировало. Всё словно покрылось корой застывшей лавы,

— Пойдёшь к ней? — спросила девушка, но когда Натан внимательно взглянул на неё, поняла, что вопрос был не к месту. — Ладно, тогда я сама.

Маргарита аккуратно прикрыла дверь, за что Тадеуш был ей благодарен. Звуки сейчас раздражали. Но Натан, который не мог этого знать, решил выяснить ситуацию до конца:

— Только одного не пойму, если ты из него уже всё вытряс, то почему он жив?

Ответом ему послужил полный неприязни взгляд и угрюмое молчание брата, который не мог сказать, что только благодаря просьбе светловолосой девушки, Эзра ещё имеет право дышать.

— Вон в том шкафу не спирт стоит? — негромко поинтересовался Тадеуш, когда беспричинно обвёл комнату взглядом и заметил серый шкафчик с медикаментами.

— Тебе ещё перед отцом отчитываться, так что нет, не спирт, — хмуро выговорил собеседник. Он сидел напротив, и стул был далеко не самым мягким предметом мебели, на котором побывала его пятая точка, но вокруг этого мысли вертелись в последнюю очередь. Натана думал о сказочном везении брата, который перепрыгнул большой ящик и смог получить не пулю, а след от неё, так как та только задела кожу. Если бы не этот чёртов ящик, то, возможно, с Тадеушем он бы сейчас не разговаривал.

— У него же был шанс выстрелить второй раз, ты ведь не успевал, — заключил Натан вслух свою неожиданную мысль.

— Для таких вещей и нужны телохранители.

— Так вот, кто ему руку прострелил. А с Тонэ что?

— Жоан подозрительно заторопился покинуть вашу помолвку, сразу после исчезновения Адалины, — Тадеуш прервал речь, потому что решил отпить немного из стаканчика. — Людей на парковку я отправил заранее, на всякий случай.

Натан без сожаления вспомнил о прервавшемся празднестве, наблюдая за тем, как брат с отвращением кривит губы на слове «дерьмо». Видимо, кофе из автомата оказался совсем отвратительным.

— Эзра сказал, где остальные наркотики?

— Жоан сказал, — младший Моор помрачнел. — Он землю готов жрать, лишь бы наша семья потеряла влияние, ты же знаешь. А Эзра — хитроумный ублюдок, воспользовался этим желанием и сделал Жоана своим почти партнёром. Это его люди свистнули со склада контейнер и, конечно, они знали, когда сторожа напьются и когда никто из семьи уж точно не нагрянет в доки. Процесс контролировал Эзра, он же занимался всеми бумажками и прочим, с чем я предпочитаю не связываться. Поэтому некоторые вещи до меня так и не дошли. Всё началось тогда, когда я обнаружил отсутствие контейнера.

— Эзру сразу начал подозревать? — Натан решил подойти ближе к сути вопроса.

— Нет, я даже не стал обращать внимание на его частые отлучки в город, хотя уже тогда знал, что кто-то в семье сливает информацию. Когда услышал о самоубийстве Карин не от него, почти не задумался, почему этот гад сразу не сказал. Голова была другим забита.

— Другой.

— Повод для подозрений появился спонтанно, — невозмутимо продолжил Тадеуш. — Выяснилось, что Джилин, сестра Адалины, находилась в клинике Пакушо до самоубийства Карин. Лучше того, они были подругами, и Джилин видела Эзру хренову тучу раз.

— Ну, навещал он твою бывшую подружку и что? — разумно заметил собеседник.

— Ничего, его дело, ты прав. Но только никто этого не мог подтвердить. Персонал клиники, который хоть как-то соприкасался с Карин, либо погиб при недавнем пожаре, либо ничего ни о каком Эзре не слышал. Этих молчаливых свидетелей было меньше пяти человек.

— А журналы посещения? Если в них что-то кто-то и отмечал, то тоже сгорели в пожаре, так?

— Да. И это уже большой напоминает поджог. Хотя выяснить правдивость версии о плохой проводке мне так и не удалось. Оказалось, что Жоан Тонэ, сраный благодетель, пожертвовал кругленькую сумму на восстановление сгоревшего крыла клиники.

— Хреново они сработали, скажу я тебе, — ухмыльнулся Натан.

— Несколько месяцев в городе умирали люди из-за наркоты, которую так легко увели у меня из-под носа. Авторитет семьи подорван. Я понятия не имел, кто виноват и с какой стороны мне начать разгребать всё это. В конце концов, если бы не девчонка, которую мы откопали в вонючем подвале, я бы никогда в жизни не додумался выяснять настоящие причины пожара в Пакушо! Хреново сработали, говоришь?

Уже смутно догадываясь тогда, только теперь Тадеуш смог собрать целостную картину произошедшего. Эзра не просто так сам ринулся на поиски сестры Адалины да ещё с таким рвением обследовал каждый притон. Нет. Он лично хотел убедиться, что все принявшие дозу умерли, а вместе с ними и придурок, купивший у Эзры наркотик за гроши. Убедился он в этом не полностью — Джилин осталась жива. Поэтому ему пришлось часто захаживать в палату к девушке, когда та очнулась, и любыми способами пытаться выяснить, знает ли она что-то. А девушка ведь знала, только не совсем то, что интересовало Эзру, скорее то, о чем он и подумать не мог. Джилин, обладающая хорошей памятью на лица и с подозрением относящаяся к улыбчивым незнакомцам, поведала своё знание сестре. Адалина, в свою очередь, опрометчиво, даже наивно заговорила об этом с Эзрой. Его агрессивная реакция, о которой Тадеуш слышал после, тоже навела на определенные выводы.

— Ладно, контрольный вопрос. Почему эта двуличная скотина тебя ненавидела до такой степени, что затеяла весь этот цирк, да ещё и решила подмочить репутацию семьи?

— Его отец, кто-то из наших с тобой далёких родственников, много лет назад гостил в нашем поместье. Насколько мне удалось выяснить, гостил он с размахом, и город стонал от его пьяных выходок.

— Прямо как на твоё двадцатилетие, — с усмешкой произнёс брат.

— Да ты уже сам дошёл до сути, — донесся недовольный ответ. — После его отъезда выяснилось, что он обрюхатил какую-то девку. Она родила с трудом, потому что баловалась наркотиками, а её возмущенная мамаша нагрянула к нашему отцу. Естественно, Адальбо обещал помочь, и поэтому через несколько лет Эзра с легкостью вошёл в нашу семью. Считай, неплохо устроился. Даже доказал, что вполне может занять место моей правой руки. Его мать, если верить слухам, завязала с наркотой и гулянками, но вскоре умерла. Думаю,

она много хорошего могла рассказать сыну о подонке, изнасиловавшем её.

— Грубо говоря, ты сначала был просто родственником этого поддонка. Более того, имел всё, что только мог пожелать, в отличие от бедного-несчастливого Эзры, довольствовавшегося объедками. А потом стал прямым воплощением эгоизма в ту пору бурной молодости, когда к девушкам относился, как к пустому месту.

— Думаю, он возненавидел меня окончательно после того, как я порвал с Карин.

— А мстить решил после того, как она выбросилась из окна, — закончил за брата Натан, чьей сообразительности Тадеуш мог только позавидовать. — Получается, что Эзра окончательно свихнулся на твоей виновности, потому что Карин была такой же ни в чём неповинной овечкой, как и его мать, которую использовали и бросили с ребенком на руках.

— Только ребенок у Карин не выжил, — холодно добавил собеседник. — Она вообще лишилась возможности иметь детей. По словам того же Эзры, Карин перед смертью бредила новой счастливой жизнью, а потом узнала о собственном бесплодии.

— Ты виноват в том, что Карин стала наркоманкой? Что не смогла родить? Что не сможет родить? И в том, что она решила наложить на себя руки, ты тоже виноват? А не много ли грехов Эзра на тебя повесил?

— В чём-то он прав, — устало проговорил Тадеуш.

Весь его мощный внешний вид вдруг как будто лопнул, и молодой мужчина стал похож на большой мешок, который набили ватой. Натан видел брата таким едва ли не второй раз в жизни, поэтому не стал больше ничего выяснять. Он решил оставить Тадеуша наедине со своими тяжелыми выводами, хотя напоследок, уже стоя в проеме дверей, произнёс:

— Тебе рано или поздно придётся поговорить с ней. Лучше рано.

Старший брат как всегда опережал в своих догадках мысли младшего.

Уже было далеко за полночь, когда в бледно-жёлтом свете фонаря у панельных двухэтажек верхнего города остановился серый матовый автомобиль. Гул мотора плавно затих. В негромком щелчке открылись и закрылись передние двери. Послышались медленные шаги.

— Элин, — он остановил её у невысокой кованой ограды.

Свет фонаря оказался где-то позади, потому мужчина всматривался в её бледное уставшее лицо и практически не видел его. Сам он выглядел не лучше, хотя внутренне был до безразличия спокоен.

— Может, поедешь домой? Мы завтра поговорим, — тихо предложила Элин, потому что безумно волновалась за него.

Конечно, Маргарита убедила испуганную девушку, что с Тадеушем всё в порядке и он едва ли пострадал больше, чем сама Адалина. Но её не отпускало нервное чувство тревоги.

— Скажи мне, Элин, разве человек при нехватке дыхания, хотя бы из инстинкта самосохранения, не попытается избавиться от того, что перекрывает кислород? Или он сразу грохнется в обморок? — ровно, совершенно без единой эмоции выговорил мужчина, полностью игнорируя её предыдущие слова.

Девушка осторожно положила ладонь на холодное железо ограды, будто искала опору, и так же осторожно попыталась начать своё оправдание:

— Но он ведь не заметил.

— Зато заметил я. И тебе сильно повезло, что до него сразу не дошёл смысл твоей

театральной выходки с потерей сознания, — тон его голоса стал выше на единицу, но эмоций в нём, как и прежде, было не найти.

— Извини, — виновато прошептала она, — я так сильно испугалась и просто не подумала об этом. Решила, что нужно помочь.

— Ты уже помогла, когда оставила в галерее лоскут от своего платья.

— Я и не думала, что получится, такой шифон ужасно плохо рвётся, — с мимолётной улыбкой пробормотала Элин.

Она предполагала, что когда вырвется немного вперед, то Эзра резко схватит её и с силой дёрнет обратно. С помощью этого ей бы удалось так стать на подол платья, что могла бы оторваться целая полоска. Но девушку со злостью ударили об стену, поэтому пришлось приложить немало усилий, чтобы одновременно с ударом оттоптать себе низ, натягивая тонкую ткань и пытаясь хоть немного отделить её от крепкого шва.

Тадеуш окинул девушку долгим взглядом бледно-голубых глаз. Как теперь выяснилось, Адалина неоправданно рисковала в любом случае, за что заработала множество царапин и сильных ушибов на своей хрупкой спине. Заметь Эзра и эту выходку, он бы...впрочем, молодой мужчина не стал продолжать свою мысль. Последнего оказалось достаточно для начала того разговора, ради которого он окликнул девушку.

— Теперь я понимаю, что значит твоя решительность, — негромко, даже, казалось, неуверенно произнёс Тадеуш, — и впервые я столкнулся с ней тогда, на крыше клуба. Именно в тот раз мне следовало послушать тебя и действительно сдержать своё обещание, чтобы не жалеть о собственной глупости. Не случись всей этой хрени сегодня, до меня бы так и не дошла простая истина твоих слов. Мы действительно из разных миров, и в своём я тебя видеть не хочу. На этот раз можешь мне поверить, не только я сам, но и никакая часть моей жизни тебя больше не коснется. Обещаю.

Он слишком долго думал над своим решением, поэтому так лаконично высказал его вслух. Натан, наверное, ответит, что брат у него полный кретин, но так ничего и не поймёт. Потому что Маргарите повезло выбрать себе в мужа человека, который занимается легальным бизнесом. Который в ярости не калечит своих подчиненных. Который понятия не имеет, сколько ящиков с оружием стоит в четвёртом ангаре у причала.

Лучше он будет тридцать раз кретином в глазах семьи, сотню раз последним уродом в глазах Адалины, но никогда не увидит у её виска дуло пистолета. Тадеуш сам для неё опасность, его жизнь для неё опасность, а взаимные чувства — самая большая опасность, какую только можно себе представить. Все эти элементы мужчина непременно уберет, уже убрал, потому что всегда умел решать свои проблемы.

Элин смотрела на него широко открытыми глазами и не могла вымолвить ни слова. Только сердце говорило громко, надрывно, задыхаясь в своих тяжелых сжатых постукиваниях. А потом она увидела его широкую спину, и красные пятна на белизне рубашки, и руки в карманах. Девушка не знала, что в одном из этих карманов он со всей силы сжимает лоскуток зеленой ткани.

— Это потому что я слабая, да? — вымолвила она вдогонку его удаляющейся фигуре, не понимая, почему по щекам потекли мокрые дорожки, а голос стал надрывным.

Он услышал её слова и остановился в шаге от своего серого автомобиля.

— Нет, Элин, это потому что я не такой сильный, каким кажусь.

Между ними тягучей невидимой пеленой повисла тишина, но лишь на мгновение, потому что её неожиданно разорвал громкий выкрик:

— Ты трус, Тадеуш Моор!

— Что? — он резко развернулся, и фонарь осветил его удивлённое лицо.

— Трус, — чуть тише отозвалась Элин и не смогла сдержать всхлипа.

А когда закрыла побледневшими ладонями своё лицо, чтобы никто в мире не видел её слез, почувствовала, как сильные руки крепко прижимают к большой тёплой груди. Где-то в ней быстро билось оттаявшее сердце.

Для него, чьи чувства так старательно укрылись под застывшим слоем лавы, чьи ощущения так тщательно отгородились стеной обсидиана, было невыносимо смотреть на то, как этой светловолосой девушке становится больно. Она не проронила ни одной слезинки, когда замирала от дикого страха в том чёртового погребке, не издала ни единого всхлипа, когда пару часов, уже в поликлинике, отходила от полученного шока. И то, что не смогли сделать все эти ужасные события, сделали его слова.

— Я не могу защитить тебя от всего на свете, — почти виновато произнёс он, когда Элин немного утихла.

— Я тебя тоже, — глухо донеслось снизу. Девушка всё ещё держала ладони у лица, а потому голос её был едва слышен.

— Элин..

Она вдруг резко выпрямилась и положила ладони на его грудь. Покрасневшие, всё ещё блестящие глаза смело посмотрели в серьёзное лицо.

— Я из-за тебя больше плакать не буду.

— Постараюсь сделать так, чтобы ты выполнила своё обещание, — ответил молодой мужчина, осторожно проводя большим пальцем по её мокрой щеке. — И постараюсь не быть трусом, договорились?

Элин согласно кивнула и неуловимо прошептала какие-то три слова, от чего большое сердце под её ладонями остановилось на пару мгновений, а затем с быстротой ниспадающих потоков лавы продолжило свой скорый ход.

Пусть эта невысокая девушка, с волосами самых нежных тонов, какие только могут быть у цветущей сакуры, и не знала, во что выльется её непреодолимое желание быть рядом с мужчиной, чей характер напоминает самый опасный действующий вулкан на свете. Пусть. Зато точно знал он.

Её аккуратные, по возможности сильные касания горячили смуглую кожу спины. Руки медленно плыли то вверх, то вниз, растягивали или сминали, ласкали или ударяли, но никак не теряли своей необыкновенной нежности.

— Это совращение, — довольным голосом отозвался Тадеуш, когда девушка плавными круговыми движениями ладоней начала массажировать его плечи.

— Не очень удобно, когда ты сидишь, — пробурчала Элин в ответ.

— Если я лягу, а ты окажешься сверху, то мы с тобой займёмся сексом, а не массажем. Хотя я, в принципе, не против.

Девушка вздохнула и прекратила своё занятие, потому что пальцы, честно признаться, уже давно устали. Она вытянула руки вперед и опустила их на широкие мужские плечи, а сама прислонилась всем телом к чужой спине. Её собственная спина всё ещё слегка немела после прошлого «не массажа».

— Тяжёлый, — услышал он у самого уха.

— Я предлагал сменить позу, но кто-то же стесняется, — с усмешкой произнёс Тадеуш, каждой клеткой кожи ощущая тихие вдохи и выдохи её груди.

Теплый румянец окрасил скулы, поэтому она опустила лоб на левую руку, чтобы закрыть лицо, и предпочла оставить услышанную фразу без ответа.

— Я отвлек тебя от чего-то?

Молодой мужчина давно заметил на журнальном столике стопку листов с распечатанным текстом и пару небольших блокнотов, но спросить о предназначении этих предметов решил только сейчас. Похоже, светловолосая девушка нашла, чем заняться, пока ждала его.

— Нет, не сильно, — пробормотала Элин. — Это черновик моей исследовательской.

— Историк-краевед, кем ты будешь работать после выпуска?

— Ты сам-то университет закончил?

— Экономический.

— Ещё скажи, что с отличием, — она подняла голову, глядя на мужчину с удивлением.

— Я не такой умник, как Натан, — произнёс Тадеуш и, ловя момент, поцеловал девушку в губы.

— Постой, — легко отстранилась Элин, — ты уже сто раз говорил, что за твои опоздания могу просить всё, чего захочу.

— И чего же ты, наконец, хочешь? — вкрадчиво поинтересовался молодой мужчина, в голове которого уже витали мысли об удобном перемещении девушки к себе на колени.

— У меня тема работы касается архитектурной истории нашего полуострова, так что я бы хотела попасть на развалины замка, это который у подножия Тресхи. Ну, если можно, конечно.

— Можно, — согласно кивнул Тадеуш, — что ещё?

— Всё.

— Сколько скромности.

Элин теснее прижалась к его телу и сомкнула руки кольцом, обвивая сильную шею. Эти движения заставили мужчину перейти к решительным действиям, и в бархатно-зелёной

полутьме гостиной растворился тихий, полный удовольствия вздох.

Утро они встретили на залитой солнцем площадке, кое-где оставившей следы внутреннего двора замка: бледно-серую кладку из побитого временем булыжника. Над головой висело по-осеннему голубое небо, а вокруг раскинулись остатки некогда величественных стен огромного здания.

— Можно было бы устраивать экскурсии, — задумчиво проговорила девушка.

— И показывать туристам хорошо укрепленные подвалы, забитые контрабандой?

Она спокойно взглянула на молодого мужчину, чьё лицо сохраняло легкую насмешку, и решила ничего не спрашивать. Без слов стало ясно, почему эту местность охраняют вооруженные люди и высокий забор с колючей проволокой.

Как и в предыдущие несколько раз, когда Тадеуш будничным тоном рассказывал о чём-то подобном, осознание не накрывало Элин шокирующей волной. Ей было совершенно все равно, что в порту хранятся контейнеры с героином, а в подполье ювелирного магазина на Третьей улице занимаются огранкой краденных алмазов. Не то, чтобы девушка отстранялась от этих фактов, оставляя их где-то за гранью своего понимания, нет. Она предпочитала относиться к ним с философской точки зрения, как к чему-то неизбежному, которое так или иначе вместе с самим Тадеушем укореняется в её жизни.

— А пару фотографий я могу сделать? — с улыбкой поинтересовалась Элин и прошла под полуразрушенной аркой.

— Можешь даже не пару, — он внимательным взглядом следил за перемещениями девушки, которая, точно любопытная кошка, залезала в каждый древний уголок этого едва сохранившегося замка.

Тадеуш, сложив руки на груди, спиной подпирал половину старой стены, даже не чувствуя, что острая кладка впивается в кожу. Из такого, не совсем удобного положения открывался хороший вид на всё пространство вокруг. Элин упустить было практически нереально.

Вот она в своих обтягивающих тёмных джинсах и светло-синей блузке без рукавов мелькнула в круглом проёме этажом выше. Он знал, что туда ведут крепкие, практически целые ступени. Затем тонкая фигура со светлыми волосами, собранными в высокий хвост, показалась у поросших мхом каменных сводов, стала их фотографировать. Бесшумный снимок достался и Тадеушу, от чего он нахмурился, а девушка тихо рассмеялась. Но настоящее недовольство младший Моор испытал тогда, когда Элин внезапно исчезла лишь на минуту, а после резко обнаружилась вверху, на самой высокой из неразрушенных стен.

— Слезь! — громко и чётко скомандовал мужчина.

— Я не свалюсь! — прокричала вниз Адалина.

Она постаралась по возможности удобно устроить свою пятую точку на неровной поверхности, руками цепляясь за шершавые каменные остатки каких-то столбиков. Едва опора была найдена, девушка тут же принялась фотографировать всё вокруг. Вид открывался просто удивительный: как на ладони лежал город, а за ним расстилалось потемневшее море с далекой полоской бледного горизонта. Элин наслаждалась бы этой картиной ещё очень долго, однако внизу её ждал нетерпеливый молодой мужчина, который уже готов был лично снять девушку с опасной высоты.

— Адалина! — донесся голос, чьи угрожающие интонации заставили поторопиться.

Буквально в минуту она спустилась вниз, цепляясь за многочисленные прочные выступы и слегка обдирая кожу на руках. Когда ноги её коснулись земли, а дыхание почти выровнялось, она решила осторожно взглянуть на мужчину. Тот опасным изваянием застыл рядом.

— Извини, — тихо произнесла Элин и положила правую ладонь на широкую грудь, чтобы тут же цепко сжать тонкими пальцами ткань футболки, а затем медленно потянуть на себя, заставляя мужчину наклониться.

— Не отвертись, — негромко произнёс он в приоткрытые губы и оставил на них лишь мимолётное касание.

— Не сердись, — попросила девушка с виноватым выражением лица.

— А ты не сердь меня, — беззлобно посоветовал ей Тадеуш, выпрямляясь в полный рост.

Она посмотрела снизу вверх на его лицо, с которого только теперь ушла хмурая тень, и тихо вздохнула. Это был далеко не первый раз, когда ей запрещали что-то делать или куда-то идти, но особого внутреннего напряжения девушка не испытывала. Сначала не испытывала.

После случая с Эзрой, молодой мужчина приложил немало усилий, чтобы не выпускать Адалину из виду. Дошло даже до того, что она отказывалась посещать университет, когда за ней по пятам начали ходить два мрачных бритоголовых типа, выполняющих роль её телохранителей. Это привлекло немало лишнего внимания, которое девушке было не нужно. И так весь городок знал, с кем теперь встречается младший Моор.

— Тебе могут навредить! У меня много врагов и похуже Эзры, — парировал он все её просьбы о том, чтобы ослабить такой тотальный контроль.

— Разве хоть одной твоей бывшей девушке кто-нибудь угрожал?

— Ты к тем девушкам никакого отношения не имеешь.

— А кто это знает, кроме тебя? — спрашивала Элин, понимая, с каким трудом он выдавал слова признания её особого статуса в его же сердце.

Это не было жалобой на мужскую скупость в эмоциональном плане, девушка лишь хотела убедить Тадеуша не пытаться обезопасить её от всего на свете. В какой-то мере этот разговор помог. Адалина смогла посещать университет только в компании Ринко, хотя и догадывалась о скрытой слежке за своей персоной. С этим приходилось просто мириться. За два месяца, прошедшие с момента помолвки Натана и Маргариты, ей во многом пришлось проявить небывалую толерантность.

Она научилась терпеть разговоры сокурсниц, многие из которых оказались более чем некорректными личностями и могли открыто спрашивать об её отношениях с самим Тадеушем Моором. Не обращая внимания и на ходившие вокруг неё сплетни, Адалина перестала замечать любопытные взгляды, которые неизменно стреляли в спину, когда она садилась в матово-чёрный автомобиль. А если молодой мужчина настаивал, то ей не составляло труда появляться с ним рядом во многих элитных местах городка. Но настаивал он очень редко, потому что прекрасно знал, как она любит проводить вечера. Тадеушу тоже приходилось идти на уступки и, прежде всего, укрощать свою натуру, которая хотела незамедлительного исполнения любого желания. Хотя препятствий для этого исполнения не нашлось никаких, но гораздо приятнее было осознавать, что той ночью она сама решила перейти грань простых поцелуев и безобидных прикосновений.

— А вниз точно нельзя? — решила поинтересоваться Элин, когда аккуратно перешагивала через поросший мхом ствол мертвого дерева. — Мне было бы интересно

осмотреть подземелье.

— От подземелья там мало что осталось. Ещё во времена моего деда всё было переоборудовано, — спокойно пояснил Тадеуш и пропустил комментарий по поводу плохого отношения к культурному наследию города.

Но, наблюдая за тем, как девушка кладёт фотоаппарат и блокнот в свою небольшую кожаную сумку, молодой мужчина остановился на перипетии мыслей. С одной стороны, ему уже надоело слушать щебетанье птиц и щуриться из-за непозволительно яркого солнца, но с другой...

— Есть одно место, которое ты могла бы осмотреть.

В её удивительно зелёных глазах отразился живейший интерес, едва Тадеуш произнёс эту фразу.

— Такое чувство, что этаж просто ушёл под землю, — её слова пронеслись кратким эхом дальше по коридору и растворились где-то в надвигающейся тьме.

— Может быть, — кратко ответил Тадеуш, держа перед собой мобильный телефон с включённым фонариком.

Даже при ярко-голубом пятне под ногами, они пробирались практически на ощупь. Стены, которых касалась Адалина, оставляли на ладонях прохладную сырость, а на полу всё чаще попадались маленькие ручейки.

Когда пару минут назад мужчина показал ей провал в земле, окруженный деревянной оградкой, и объяснил, что дыру обнаружили позапрошлой зимой после обильных осадков, Элин тут же заглянула внутрь. Там, куда вели крепкие каменные выступы и где заканчивалась полоса света, девушка увидела тайну. Она клубилась сгустками пыли, пугала плотностью мрака и манила в широкий коридор с непривычно высокими потолками.

Если бы не Тадеуш, чьё громогласное «куда!» остановило искательницу приключений, то Адалина нырнула бы в подземный лабиринт без раздумий. Он удивился тому, что девушка так опрометчиво, даже не подумав хоть о каком-то источнике света и не побоявшись неизвестности, ринулась исследовать подземный коридор. Но объяснение такому поведению не дала бы и сама Элин. Она просто должна была там что-то найти, или это что-то должно было найти её.

— Там тупик, — пояснил Тадеуш о первом коридоре, в который они не свернули.

Про остальные ответвления девушка решила не спрашивать. Стало понятно, что здесь уже всё исследовано, и мужчина точно знает, куда направляется.

Их блуждания в подземной полутьме закончились через каких-нибудь десять-пятнадцать минут. За очередным острым углом поворота Адалина уловила дребезжание света. И усилившегося звука. По этому тихому, практически неуловимому переливу колокольчика она бы сама нашла дорогу. Конечно, не сразу, но нашла бы.

— Осторожней, — предупредил мужчина, пропуская свою спутницу вперёд.

Её разумное решение надеть сегодня обувь с плоской подошвой было встречено им одобрительно. Вообще, тенденция последних двух месяцев, которая выражалась в исключительном ношении туфель с высокими каблуками, вызывала у мужчины молчаливое изумление. Ему-то казалось, что Элин не особо беспокоится по поводу их большой разнице в росте.

Своим удивленным тёмно-зелёным взглядом она обводила просторный сводчатый зал.

Глубокие полушария потолка кое-где потеряли свои каменные пазлы, поэтому свет теплого осеннего дня смог проникнуть в обитель сырости и мрака. На каменном полу, застланном водяной гладью, проглядывали островки сухости из остатков потолочной кладки и полуразрушенных колонн. Отправиться в путь по этим островкам Адалине помешала внезапно прозвучавшая гулкая фраза:

— Я разве давал повод думать, что мне не нравится твой рост?

— Что? — удивлённо проговорила девушка.

Она не совсем поняла, почему он задал такой неожиданный вопрос, поэтому развернулась всем корпусом к мужчине и в поисках пояснений заглянула в сосредоточенное лицо. Черты его скупно выражали готовность услышать ответ.

— Нет, не давал.

— Тебе нравятся туфли? — продолжил он допрос.

— Не особо, — тихо вымолвила девушка, понимая, что обманывать не имеет смысла.

— И у тебя болят ноги, — так вовремя в его голову закрались воспоминания о том, что Элин зачастую с огромным облегчением снимает неудобную обувь, а затем устраивает себе долгий отдых в сидячей позе.

— Болят. Но я ведь совсем низкой кажусь, а в них...

— Плевать мне, кому ты какой кажешься!

Услышав это восклицание, девушка в задумчивости поджала губы и отвернулась. Взгляд её поймал солнечные блики, что застыли на поверхности воды, и, словно замороженная, она несколько секунд наблюдала за их едва уловимыми колебаниями.

— Знаешь, мне тоже плевать, кому ты и каким кажешься, — негромко вымолвила Элин.

— Не носи эти чёртовы туфли.

— Не буду, — с улыбкой ответила девушка и осторожно ступила на каменистый островок суши.

— И не думай о чужом мнении, — своей фразой Тадеуш подвёл черту под темой их разговора, а Адалина только согласно кивнула.

Теперь её полностью захватил неведомый звук, который во время диалога пришлось отодвинуть на второй план. Среди возникшей тишины она очень чётко различала шуршание шагов, удары капель о воду, чужое дыхание позади и даже шум ветра в листве где-то далеко наверху. Но обострённый слух обволакивали не эти посторонние звучания, а колокольчик. Он звенел, и звенел только для неё. Какие-то противоречивые внутренние чувства подсказывали, что Тадеуш не слышит этого звона, а потому девушка не стала спрашивать. Она просто шла на зов чудесной тихой мелодии, которая манила к себе, тянула в самую глубину зала. В той глубине, точно по центру далёкой стены, бледной серостью возвышалась над всем старая плита.

— Мы до него не доберёмся, — заметил молодой мужчина, когда остановился рядом с Элин на последнем безводном месте в этом пропитанном древней сыростью помещении.

— Это трон? — удивлённо произнесла девушка. — Ничего себе!

— Разве в замках не бывает тронных залов?

— Никто до сих пор понятия не имеет, откуда на нашем полуострове мог взяться замок! А ты говоришь о тронном зале! Никаких упоминаний о правителях прошлого нигде нет, даже неизвестно были ли тут когда-то земли какого-нибудь феодала. И если бы не развалины наверху!

— Никаких раскопок древних поселений и даже черепков? — поинтересовался Тадеуш,

через шею протягивая лёгкую вязаную ткань своего тёмно-зелёного пуловера.

— Совсем ничего, будто всё исчезло по какому-то волшебству! — ответила Элин и тут же смущенно добавила: — Спасибо.

Она уже давно знала, что в случаях, когда мужчина чётко решает, что ей холодно, противиться бесполезно. Тем более, в этом большом полутемном зале она действительно успела продрогнуть, а потому без колебаний утонула в его теплом джемпере.

Девушка могла с лёгкостью отвлечь внимание на своего спутника, но все равно неизменно возвращалась к колокольчику, настойчиво ведущему её к серой плите трона.

— Ты убьёшь меня, — задумчиво сообщила Элин и, прежде чем Тадеуш успел выяснить причину такого умозаключения, почти бегом направилась к противоположной стене.

Ей повезло, что младший Моор сначала опешил, а затем только осознал, что девушка с громким плеском рассекает ледяную гладь воды.

— Адалина, твою мать! Ты с ума сошла?!

Но разум её заполнил удивительный, манящий звон, который заставлял не обращать внимания на холод, окутавший ноги до колен, и который безудержно звал за собой, буквально приказывал найти источник звука.

Она подлетела к самому трону. Быстрый взгляд скользнул по испещрённой трещинами поверхности, на секунду застыл на древних узорах, а затем метнулся вниз. Элин мигом упала на колени, даже не чувствуя, как колкие волны обдают всё тело леденящей рябью, и зашарила руками под водой. Пальцы онемели в мгновение, потому удары о твёрдые выбоины в камне для них остались незамеченными. Сердце её замерло, однако в следующую минуту чья-то сила вырвала девушку из водной пелены, в которую она так бездумно погрузилась.

— Идиотка, — злобно прорычал Тадеуш, когда девушка оказалась у него на руках, — искупаться решила?

— Тадеуш, я нашла! — радостно воскликнула Элин, совершенно не обращая внимания на его выражения.

Мокрыми дрожащими пальцами одной руки она с трудом цеплялась за него, оставляла на светлой рубашке холодные разводы. Пальцы же другой руки вдруг разжались, и молодой мужчина увидел стеклянный кулон размером с лесной орех. находка очень напоминала маленькое яблочко, которое бледно-желтыми гранями ловило скудные переливы света.

— Откуда ты знала, что оно там? — гнев уступил место недоверчивому удивлению, но он всё ещё ощущал в себе потребность накричать на светловолосую девушку. Хотя бы за то, что заставила так сильно волноваться из-за какого-то пустяка.

— Я слышала его, — таинственно сообщила Элин и тут же, точно опомнившись, промолвила: — Не сердись на меня, прошу, это было очень, очень важно.

— Уверена? И что ты теперь будешь с этой важностью делать? — с нескрываемым недовольством в голосе произнёс Тадеуш.

Он уже бодрым шагом пересекал зал, совершенно не заботясь о том, чтобы наступать только на сухие островки. Ноги все равно промокли насквозь. И хотя холодная вода доставляла ему некоторые неудобства, особо неприятных ощущений мужчина по этому поводу не испытывал. Гораздо сильнее его занимала мысль о том, что трясущуюся от холода девушку нужно скорее доставить на поверхность.

— Хранить! — безапелляционно заявила Элин.

Колокольчик из её головы исчез ровно в тот момент, когда нечто стеклянное блеснуло под водой у основания трона. Именно тогда она почувствовала какую-то необыкновенную

важность предмета, который теперь покоился в её руке. Пожалуй, это стоило его сердитого взгляда и её будущей простуды.

— И детям показывать, — всё тем же тоном отозвался собеседник.

— Всем троим, — тихо согласилась Адалина.

Они замерли у самого входа в таинственный зал, чьи сводчатые потолки так скудно пропускали свет, а тронная плита всё ещё спокойно тлела над водной гладью. Элин показалось, что сильные руки крепче прижали её к теплой груди.

— Троим? — спросил он так неожиданно мягко, как вообще мог позволить его голос.

— Ну, мне бы хотелось, — смущенно прошептала девушка и попыталась найти для своего взгляда подходящую точку на мужской рубашке.

То ли его шумное сердце слишком открыто сказало обо всём, то ли её замершее вдруг красноречиво умолчало о том же, но понять друг друга им не составило труда.

— В это воскресенье будет семейный ужин, — высказал своё предложение Тадеуш.

Положительным ответом ему был лёгкий кивок головы и мягкая улыбка на окрашенном румянцем лице.

С той же удивительной улыбкой она вслушается в слова одобрения, когда через пару дней на семейном ужине молодой мужчина представит Адалину, как свою будущую жену.

Больше книг на сайте - Knigolub.net